

МИЛЕНА ЗАВОЙЧИНСКАЯ

УНИВЕРСИТЕТ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ЧАР

КНИГА I

ПОЩАДЫ, МАЭСТРИНА!

Annotation

Проснувшись в чужом мире, в чужом теле и с ответственностью за чужого ребенка, Маша испытала шок. Еще хуже, что ей пришлось принять другое имя и загрузить в разум чужую память и жизнь.

Но выживать надо. И, получив приглашение учить студентов алхимии, теперь уже не Мария, а Мариэлла Монкар, берет себя в руки, младенца в корзинку и едет в университет работать преподавателем. Станным. Непонятным. Таким, от кого она сама немножко в ужасе, а студенты воют и просят пощады.

Но, увы, маэстрина Мари трудоголик, привыкла все делать хорошо и всех научит. Будут студенты знать предмет отлично, даже если не хотят. И ректор, такой же трудоголик, признает, что маэстрина очень нужна в универе. К тому же она такая интересная и необычная, что не думать о ней не получается.

-
- [Пощады, маэстрина! Том 1](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
-

Пощады, маэстрина! Том 1

Глава 1

«Здравствуй, далекая подруга. Если ты читаешь эти строки, значит, мне все удалось. Ты сохранишь мою душу, а я сделаю все, чтобы помочь тебе и решить твои проблемы.

Спаси меня и ее. Ты — мой единственный шанс не совершить тяжкий грех и не пойти на убийство...

Это он. Тот способ, который мне удалось найти. О котором никто не должен знать. Забытый, не используемый с давних-давних времен, единственный верный для меня.

Я слабая, признаю. Не могу смириться, принять, простить. Я задыхаюсь от ненависти и не могу даже смотреть в ее сторону. Несколько дней назад поймала себя на том, что держу подушку над ее лицом. Пишу это признание и обмираю от ужаса. Но это то, что заставило меня наскрести в себе остатки меня прежней и начать спешно искать путь спасения. Тебя. Ты — наше спасение.

Меня зовут Мариэлла Монкар. Тебя теперь зовут Мариэлла Монкар. Инструкции найдешь на страницах тетради, я все записала для тебя. Моя неведомая подруга, не злись на меня и прости, умоляю. Я сделала все, чтобы облегчить тебе путь. К каждому этапу и пункту инструкции прилагается флакон с соответствующим номером и активирующие слова. Ты узнаешь все, я передам полную информацию, ты сможешь быстро адаптироваться.

Прощай. Будь счастлива.

P.S. Я не зарегистрировала ее и не дала имени. Слишком ненавижу. Не могу. Думать, вспоминать, смотреть на нее не могу. Сделай необходимое ты. И вырасти. Мое отношение к ней — это моя беда, не ее. Я понимаю, но пересилить себя не в состоянии».

Я дочитала письмо, обнаруженное на подушке. Положила его на стоящий вплотную к кровати стол, рядом с тетрадью в простой коричневой картонной обложке. Подвигала пальцем рядок крохотных флакончиков. К горловине каждого бечевкой привязан клочок бумаги с цифрой.

Кошмар какой-то. Ничего не понимаю. О ком речь, кто эта загадочная «она»? Какая еще Мариэлла? Француженка? Как я попала

во Францию? Даже если допустить, что я перебрала и отключилась, а меня куда-то вывезли... Когда? Зачем? Кому я могла понадобиться?

Нет, не сходится.

Да и комната вполне приличная. Старомодная, конечно. Ее хозяйка явно не любит современный минимализм и лаконичность..

Из угла донеслось кряхтение, и я вздрогнула. Это еще кто?

Я выбралась из постели, в которой проснулась внезапно среди ночи оттого, что резко заболела голова и замутило, и на цыпочках пробралась в сторону доносящихся странных звуков. Собака, что ли?

Увидела я источник этого кряхтения и замерла статуей самой себе. После чего шепотом выругалась.

Прямо на полу у стены стояла большая старомодная корзина, застеленная белым покрывальцем. А в ней возился выпутавший руки из пеленок младенец.

Вероятно, та самая «она».

— У меня слов нет! — зажмурилась я, да еще и ладонью прикрыла лицо.

Теплилась наивная надежда, что, когда открою глаза, все это исчезнет, а я окажусь дома. В своей квартире, на диване, куда накануне вечером мирно легла спать после прощального вечера в баре с коллегами по бывшей уже работе.

Младенец закряхтел громче, заставив меня отмереть, подойти ближе и присесть на корточки.

— Ну привет, ребенок, — тихонько произнесла я и протянула руку.

Он тут же крепко вцепился в мой палец и капризно скривил личико. Вот если бы я еще знала, что ему нужно. Нет, ну базовые потребности, тут все понятно. Еда, чистые сухие пеленки...

А инструкция к этому чуду не прилагается? Или ожидается, что если ты женщина, то прямо по умолчанию умеешь обращаться с такими крохами? Seriously? Я в жизни никогда младенцев не видела. Чтобы вот прямо настоящего и вблизи. Как их брать на руки? Что-то там про «придерживать головку», это я из фильмов помню. А как именно держать? Как обмывать? И чем? Или это покойников обмывают, а детей подмывают?

Я втянула воздух носом. Таки да. Нужны чистые пеленки. И, вероятно, еда. По идее, раз матери рядом нет, то где-то неподалеку

должна быть бутылочка с соской.

Бутылочка нашлась. Правда, странная какая-то, из толстого темного стекла. И соска из неизвестного мне плотного материала. А крышка не пластмассовая, а из тонкой жести.

Чудно.

Но выбора у меня не было, поэтому я понюхала молоко, стоявшее рядом на стуле в теплой на ощупь глиняной крынке, укрытой тряпицей. Пахло... козой. Налила немного в бутылочку и поднесла к роту ребенка. Он жадно зачмокал, закрыв глаза. Ну а мне пришлось сидеть рядом и регулировать угол наклона этой старомодной конструкции для кормления, чтобы не лилось слишком сильно.

Насытившись, дите снова закричало. Господи, что с ним делать-то? Опять жалобно подумалось, что у меня нет никакого опыта общения с детьми, если не считать кинематографа и мамочек на детских площадках, мимо которых я проходила во дворах. По идее, грудничка надо взять на руки. И пеленки поменять...

Подгузников, столь широко рекламируемых по телевидению, я в комнате не нашла. Вообще ни одного. Но обнаружились стопка пеленок и сложенных тряпочек. Что за дичь?

Зато были кувшин с теплой водой и таз. Удивительно, что вода до сих пор не остыла.

В общем, обмирая от ужаса, я приступила к гигиеническим процедурам. Младенец оказался девочкой. Я не ошиблась, это та самая «она», о которой речь в письме.

Подрагивающими от волнения руками я вынула девчужку из корзины. Мокрые пеленки отложила, а ее прикрыла чистыми и пристроила столбиком, прижав к себе. Вроде так делали в фильме.

Малышка оказалась на удивление тяжеленькая и упитанная. Голодом ее явно не морили. И в целом обращались хорошо. Чистенькая. Пухленькая. Пахнет козьим молоком.

Я встала и в замешательстве принялась мерить шагами комнату, рассматривая обстановку и размышляя. В очередной раз шагая мимо корзины, в которой осталась опустевшая бутылочка, и лежащей рядом на полу стопки грязных пеленок, я зачем-то щелкнула пальцем и странно скрестила пальцы. Как-то рефлексивно получилось. Озадачилась своим поступком, но акцентироваться на этом не стала.

Итак. Небольшая комната. Неновая добротная деревянная мебель. Основательная такая, которая века переживет. Стены покрыты синей штукатуркой. На одной из них вместо картины древний вышитый гобелен на штанге. Вообще комната вся такая... в старинном стиле. Светильник, правда, интересный, с датчиком движения вероятно. Именно таких я еще не встречала. Светящийся шар на треноге. Когда я проснулась, он едва светился, а как только начала двигаться, разгорелся ярче.

Кровать узкая и короткая. Не сравнить с моим просторным диваном, раскладывающимся в полноценное двуспальное ложе. У окна, за которым пока царила ночь, вплотную к изголовью кровати, массивный квадратный стол. Именно на нем я и нашла флакончики и тетрадку с лежащим сверху посланием, когда проснулась.

Простой деревянный стул у двери, на нем крынка с молоком. Узкий платяной шкаф. Дальняя стена теплая на ощупь, наверное, с другой стороны камин или же батареи вшиты в стену. Именно к ней приставлена корзина с ребенком.

Малышка на моих руках заснула, и я аккуратно уложила ее обратно в корзину. Еще не хватало, чтобы она вдруг начала плакать. Я вообще не представляю, что делать с рыдающими младенцами. И почему они рыдают. Колики какие-то существуют. Это я слышала.

Вернулась к постели и столу, открыла тетрадь и прочитала текст на первой странице. Следуя инструкции, откупорила бутылек с одноименным номером. Принюхалась. Пахло летним лугом и немного ромашкой. Попробовала на язык. Помедлила.

Вряд ли меня хотели бы отравить. Да? Мне вон ребенка на хранение оставили. А если я того... Как с ним тогда?

Я решила и залпом проглотила содержимое флакончика. Совершенно безвкусное, как вода. Пробежалась взглядом по словам, которые следовало произнести вслух, четко проговаривая и ставя ударения. Они тоже были обозначены в инструкции. Ну, сделала, раз надо зачем-то.

Несколько секунд ничего не происходило, а потом накатили видения. словно кино перед моим внутренним взором проигрывалось. Только задом наперед. Как будто пленку назад кто-то проматывал.

Женщина средних лет пеленает младенца и дает ему бутылочку. Родившийся ребенок. Заплаканная измученная девушка сразу после

родов. Потом она снова, беременная и в схватках. Медсестра, помогающая ей. Потом эта же девушка сидит в заполненной книгами библиотеке и держится за большой живот. Одета странно. В темное длинное платье в стиле ампир, отрезное под грудью.

В общем, я увидела сцены от последних дней беременности и до схваток и родов, но в обратной последовательности. Все это сопровождалось звуками. Плачем. Стонами. Подбадривающими словами...

Когда все это закончилось и я пришла в себя, обнаружила, что ниже на странице проступила надпись:

«Так она родилась. Пожалуйста, дай ей имя».

— Ничего себе глюки! — ошарашенно пробормотала я и отодвинулась от стола.

Вскочила и намотала несколько кругов по комнате. Замерла над корзинкой со спящим ребенком.

Мысли в голове панически метались. То думалось, что я сошла с ума и мне все это мерещится. То — что это какой-то розыгрыш и где-то скрытая камера, которая все транслирует куда-то. Приходила и совсем уж нелепая идея, что меня занесло в параллельный мир. Мне не чужда любовь к фэнтези и сказкам.

Но ребенок? Кинохроника задом наперед? Не понимаю...

За окном начинало светать.

И я вернулась к столу и перелистнула страницу. И да, выпила, следуя указаниям, флакончик номер два.

А потом третий.

И четвертый.

А потом отключилась прямо за столом, уронив голову на скрещенные руки.

По ощущениям спала я часа три и проснулась от кряхтения. Младенец пока не плакал, но издавал тихие скрипучие звуки и причмокивание. Опять голоден?

Вот ведь дела! А бутылочку-то я не мыла. Я с досадой развинтила ее и была крайне озадачена тем, что она абсолютно чистая. Проверила пальцем. Понюхала на всякий случай. Даже лизнула край. Чистая.

Как так? Самочищающаяся? Или кто-то заходил, пока я спала?

В общем, процесс кормежки повторился. Потом поносить столбиком на руках. Я вспомнила, что где-то слышала или читала о

том, что это нужно, чтобы не срыгивал ребенок. Смена пеленок. Куда делась стопка грязных, точнее, почему они вдруг стали чистыми, я тоже не поняла

Девочка снова заснула. А я посидела с ней рядом, рассматривая и переваривая то, что мне сейчас снилось.

А снилось странное. Все то, что я под воздействием зелья из флаконов и странных слов, похожих на заклинания, увидела в обратной перемотке, во время моей дремы пришло глубоким, наполненным смыслом сном. И вот что удивительно. Я понимала, что все, что я вижу — это не моя жизнь. Но при этом я словно была участником, погруженным в происходящее. Злилась, нервничала, боялась, паниковала, ненавидела, пребывала в отчаянии.

Итак, исходя из увиденного...

Малышка родилась около двух месяцев назад. Ее мать отчего-то была совсем одна, вот тут мне пока неясно, где родители этой Мариэллы и отец ее ребенка. Возраст девушки не юный, двадцать два года, вполне уже взрослая особа. Я, конечно, старше на десяток лет, но у меня были коллеги, пришедшие на работу сразу после окончания института.

Мариэлла как раз выпускница какого-то учебного заведения, судя по тому, что я успела увидеть. И — вот тут как-то не верится, наверное, мне показалось, — это была магическая академия.

Некоторый информационный провал с ребенком. Я увидела последние сроки беременности. Прочувствовала всю ненависть девушки к тому, кто растет в ее животе и позднее появился на свет. Почему? Отец девочки оказался подонком? Изменил? Бросил? Что?

Ответов еще нет. Но даже если и так, понять причину столь лютого неприятия ни в чем не повинного малыша я пока не могла.

Роды прошли уже тут, в этом месте. Оказывается, Мариэлла сняла тут комнату на несколько месяцев и заключила договор о проживании. Как я поняла, это что-то вроде пансиона для публики среднего класса. Эдакое приличное платное общежитие. Здесь же все и столовались. Сюда же потом раз в сутки доставляют козье молоко для ребенка.

Я была права, младенца хорошо кормили, следили за его здоровьем. Но на руки Мариэлла брала ребенка, только чтобы обмыть

и сменить пеленки. Вынужденно. Пересилить себя и сделать что-то большее девушка не могла.

Из комнаты девушка практически не выходила. Особенно после родов. Фактически, только ради визитов в купальню и уборную. Тут ела, спала, ухаживала за младенцем. Можно по пальцам одной руки пересчитать количество раз, когда она покидала стены пансиона. Полное глубокое затворничество. Здесь же, на столе, в крохотном котелке, подвешенном на какой-то почти игрушечной треноге с источником огня, варила эликсиры для поддержания здоровья малышки и зелья, оставленные мне.

Почему мне-то? Каким боком я имею отношение к Мариэлле и ее ребенку? Жила себе спокойно на Земле, никого не трогала, никакими эзотерическими и паранормальными вещами отродясь не интересовалась. С какой вдруг стати я ей подруга?

Может, это все такой странный глубокий сон во сне?

Я с усилием потеряла лицо ладонями и вернулась к столу и тетради. Буду читать дальше, надо ведь разобраться.

И снова флакон с неясной жидкостью и потом активизирующие слова. Видения.

Следующий, под номером шесть. Видения.

Потом седьмой. Заклинания. Видения.

Восьмой. Очередное кино в обратной перемотке.

Девятый. И еще порция глюков.

Десятый. И, кажется, мой мозг сейчас взорвется.

Я еле дотянулась до подушки, упала и вновь отключилась.

День прошел как в тумане. Я просыпалась от тихого кряхтения младенца. Кормила. Держала на руках, меняла пеленки. Укладывала. И ложилась сама. Сонливость и слабость были жуткие.

Снова поймала себя на том, что зачем-то каждый раз прищелкиваю и делаю непонятные пассы пальцами над грязными вещами и пустой бутылочкой. Обдумать не получалось.

К вечеру я более-менее оклемалась и обнаружила, что кто-то заходил в комнату, пока я спала. У двери стоял стул с подносом, на котором я обнаружила еду для себя и крынку со свежим козьим молоком. А старую забрали и унесли.

И опять тело само по себе зачем-то прищелкнуло и провело рукой над продуктами. Не знаю, что я сделала, но отчего-то появилось

понимание, что с едой все хорошо. Она свежая, не отравленная и еще теплая.

Ну, поела. Запила сладким крепким травяным чаем.

Сил выйти из комнаты пока не было. Выпитые зелья и сумбурные видения вымотали. Почему я не попыталась выскочить к людям, отчего следовала инструкциям из тетради, пила, читала и смотрела все эти видения, не знаю. Сознание воспринимало все с некоторой степенью отупения и покорности. Мол, надо, Маша. Давай сделаем, а уже потом, когда все узнаем, решим, что делать.

Зато к ночи я успела сложить более полную картину прошедших событий и того, что случилось с матерью сопящей в корзинке девочки. Ну...

Наверное, я, будучи взрослой и в чем-то циничной женщиной с крепкой психикой, приняла бы все иначе. Хотя, признаюсь, я вообще не допустила бы этого пухленького последствия. Благо есть препараты, которые можно попросить у врача, чтобы не допустить беременности после изнасилования.

Но то я, женщина двадцать первого века.

А тут наивная девчонка, заканчивающая академию и влюбившаяся по уши в богатенького мерзавца. Она верила, что он обратил на нее внимание по взаимной симпатии. Но смазлив подонок, признаю. Девочка должна будет вырасти настоящей красоткой, если взяла от обоих родителей лучшее. Ее мать, Мариэлла, тоже хорошенькая до невозможности.

Глава 2

Картинка сложилась.

Отличница магической академии, одаренный маг-алхимик с большим потенциалом и светлой головой. Сирота. Опекунша-бабушка скончалась в этом же году, незадолго до рождения крохи. И Мариэлла ей о своей беде не рассказала. Сбежала в другой город. Я пока не поняла, почему именно сюда.

Папашка крохи — мажор, привыкший к безнаказанности. Поспорил с приятелями, что затащит Мариэллу в постель, злился, что никак это не удастся, и она хоть и верит его ухаживаниям и сладким речам, но дальше свиданий никак не заходит. Ссора. Его пьянка с друзьями. Упившись, он возвращался в студенческое общежитие и столкнулся на улице с несговорчивой девушкой. Что уж у него в голове перемкнуло, раз он решился на такое, неясно. Но парень оглушил ее и уволок в съемный домик, куда водил шлюх. Опоил, надел ошейник из какого-то странного материала и неделю методично избивал и насиловал, приходя после занятий и бросая связанной на ночь, когда возвращался в общежитие. А в академии рассказывал, что встретил ее в городе, и, мол, она ему сказала, что нужно срочно уехать навестить заболевшую бабушку.

А вот дальше непонятно. То ли Мариэлла решила мне это не передавать, то ли сама не помнит. Каким-то образом она вновь уже на территории академии, у врачей. А этот маньяк-насильник исчез в неизвестном направлении, и сведения о нем теряются. Но вроде она ни при чем. Кто-то ее спас? Кто и как? Как она попала из того домика в академическую больницу? Что показало расследование и рассказала ли она вообще хоть кому-то о произошедшем? Куда исчез парень? Никаких сведений я из видений не получила.

Академию девушка окончила с отличием, несмотря на шок и случившуюся беременность. Доучилась, скрывая свое состояние. Сама она была в ужасе, отчаянии и панике, что не предусмотрела, не предприняла меры, но как поступить с уже случившимся, не понимала. О беременности не узнал никто. Ни соседки по комнате в общежитии, ни бабушка.

Самая способная ученица курса, талантливый алхимик-зельевар, Мариэлла даже получила предложение о работе еще в середине последнего года обучения. И большую часть выпускных экзаменов сдала экстерном, что ей позволили ее высшие баллы. Так никому и не рассказав о своей беде, сразу как только освободилась от учебы, девушка уехала сюда, доходила оставшиеся пару месяцев срока, тут родила и жила пока с малышкой. Как я поняла, сначала хотела подкинуть ребенка к крыльцу сиротского приюта. Но не смогла, тянула, надеялась принять, но...

А потом тут почему-то оказалась я.

Перед сном, смирившись с невероятностью ситуации, я заставила себя поочередно принять еще два флакончика. Активировала их, прочитав очередные волшебные слова из инструкции. Снова узрела что-то из воспоминаний прошлой жизни Мариэллы.

Сначала симпатичный каменный дом. Пожилая улыбчивая женщина в элегантном старинном платье. Ее прехорошенькая внучка.

И напоследок получила сжатую информацию о знакомых и однокурсниках, с которыми тесно общалась девушка. Короткие сценки, обрывки разговоров, ситуации, мнение об этих людях, общее понимание, кто есть кто.

Я долистала тетрадь до последней страницы и обнаружила финальное послание.

«Спасибо, моя незнакомая спасительница, что прошла этот путь и впитала воспоминания, которые я для тебя законсервировала. Пожалуйста, прими последнее зелье. Прочитай слова ниже. И приложи ко лбу схему, которую я нарисовала на вложенном листке. Я вручаю тебе свою судьбу, свой дар, свои знания, навыки и умения, все, чем владею. Забери мою жизнь, исправь ее, умоляю, стань мной. Взамен принимаю твой путь и клянусь пройти его достойно. Обратной дороги нет, не ищи ее. Отныне ты — это я, а я — это ты».

Нет-нет-нет!

Стань мной?!

Я вскочила и забегала по комнате. Нервно прищелкнула пальцами и подпрыгнула на месте, когда вдруг зажглась свеча на столе. Светильник же снизил интенсивность освещения.

И вот только сейчас я взглянула на себя. Ночная длинная сорочка, в которой я проснулась и провела весь день. Не моя, кстати.

Посмотрела на свои босые ноги. Узкие аккуратные ступни с высоким сводом, размер небольшой. И нет яркого педикюра, который я делала накануне. Пошевелила пальцами. Чужими пальцами, не моими.

Уже понимая, что и руки будут не мои, я все же всмотрелась в них. Сжала и разжала кулаки. Поллюбовалась на изящные ладони, на тонкие длинные пальцы с аккуратными ноготками без маникюра. Почему я не заметила этого за целый день? Я совсем слепая?! Как можно было не увидеть, что это чужие руки?!

Приподняла длинный подол и осмотрела то, что открылось. Что ж, и тело не мое. Нет шрамов от удаления аппендицита и от вмешательства с лапароскопией. Увы, я не самый здоровый человек. Это же тело принадлежит молодой особе, недавно рожавшей, живот еще выдает это. Но при этом лишнего веса нет. То ли Мариэлла так мало ела на нервной почве, что и не поправилась за беременность. То ли успела исхудать за прошедшие два месяца. А вот грудь, которую я тут же принялась ощупывать, пустая. Молока нет совсем.

Я уронила руки и постояла, делая размеренные вдохи и выдохи. Дышим, Машка. Дышим. Не знаю как, но ты оказалась в волшебном мире в теле девушки с похожим именем. Может, как раз потому, что имена созвучны? Я Мария, она — Мариэлла.

Я потянулась и перекинула на грудь длинные волосы, заплетенные в растрепанную косу.

Глубокий каштановый цвет, тяжелые, плотные и совершенно прямые. Мои совсем не такие, у меня пушистые, вьющиеся и темно-русые.

Ох! Так это что получается?! Раз я тут, то она на Земле, и мы поменялись телами?

Не скажу, что я сразу приняла эту немислимую ситуацию. Металась по комнате в попытках найти зеркало. Щупала свое лицо. Пыталась рассмотреть отражение в тазике с водой. Даже всплакнула потихоньку, чтобы не разбудить спящего младенца.

А потом внезапно успокоилась, подошла к столу, села. И выполнила последнюю инструкцию. Зелье. Активация. Рисунок, приложенный ко лбу.

И мир взорвался. А я сгорела в пламени, похожем на северное сияние. Оно было горячим, обволакивающим, очищающим,

наполняющим. Не было больно, но меня не стало, я словно растворилась.

— Маузэль^[1]! — разбудил меня чей-то голос. — Маузель! Вам письмо.

Я разлепила глаза и обнаружила, что опять упала лицом на скрещенные на столе руки и так и заснула. И оказалось, что уже утро. И я проспала прошлое кормление малышки, но она не плакала почему-то.

Тело затекло от неудобной позы, и я еле разогнулась. С трудом села ровно и обернулась.

У открытой двери стояла девица лет двадцати пяти с неприязненно поджатыми губами. Смотрела она не на меня, а на корзинку в углу, где снова выпуталась из пеленок кроха.

— Письмо? — хриплым со сна голосом уточнила я.

— Да, маузель. Я войду?

Какое странное обращение — «маузель». Словно обрезанная форма традиционного французского обращения к незамужним дамам.

Почему-то мне не хотелось позволять девушке входить. Я сама выбралась из-за стола, босиком прошла к двери и протянула руку. Та скривилась, словно я сделала что-то не то, но отдала мне запечатанный сургучом конверт из плотной бумаги.

— Хоть бы в порядок себя привела, — пробормотала горничная, глядя под ноги, вроде как сама себе, но при этом, чтобы я услышала. — Падшая женщина...

— Алиса, — негромко позвала я девушку. Имя всплыло в памяти само собой. — Ты ничего не перепутала?

— А? — глупо переспросила она. — Чего?

— Назови мне характеристику термина «падшая женщина», — велела я.

— Ну... это... — забежали у нее глаза. Она почему-то была уверена, что я проглочу оскорбление. Из чего делаем вывод: Мариэлле пришлось несладко, но она отмалчивалась.

— Конкретнее! — негромко скомандовала я.

— Ну... которая мужчин... того... Меняет. Вот. И, значит, не блюдет себя.

— То есть — это ты? Ты ведь спишь одновременно с несколькими мужчинами, с каждого берешь деньги и подарки.

Каждого уверяешь, что он единственный. Или это считается не «падшая», а шлюховатая и продажная?

Понятия не имею, откуда я взяла эту информацию. Наверное, знала об этом прежняя владелица тела, куда меня занесло.

Алиса вытаращилась на меня и побагровела. Открыла и закрыла рот. Нервно сжала ткань фартука.

— Иди, Алиса, — мягко сообщила я онемевшей горничной. — Спасибо за помощь и что принесла письмо. — Я перевернула конверт и заметила, что кто-то пытался поддеть сургучный оттиск. — Ах да! Не советую еще раз пытаться вскрывать мою переписку. Если вдруг ты забыла, я маг. Очень недовольный твоим поведением маг. В следующий раз останешься без пальцев. Или без рук. Тут уж как получится.

Девушка побелела. Затравленно оглянулась и попятилась, не сводя с меня глаз.

— Что-то не так? — вежливо улыбнулась я ей.

— В... в... ведьма!

— Алиса-а-а, я маг, закончивший академию с отличием. Я много знаю и многое умею. Правда, последние недели выдались тяжелыми, я была немного не в себе. Но не зли меня больше. Хорошо? А то я ведь сильно обижусь. — И я снова улыбнулась дежурной улыбкой.

Работница пансиона судорожно кивнула и поспешила прочь, несколько раз оглянувшись на меня.

Господи, ну вот почему наглым хамам и грубиянам нужно обязательно дать сдачи так, чтобы неповадно было? Отчего нельзя вести себя цивилизованно с самого начала?

Эту бедную Мариэллу, похоже, затравили из-за внебрачного ребенка. А она проглатывала все это вместо того, чтобы не давать спуску.

Не знаю пока, что дали схема и последнее зелье с заклинанием, но глубокий сон все расставил по местам. Я словно бы просмотрела или прочитала подробно биографию юной магини Мариэллы Монкар. Причем с полным погружением в персонажа, словно прошла с ней изрядный кусок жизненного пути. У меня теперь были ее знания, воспоминания, умения, навыки. Я была в курсе ее предпочтений и привычек. Но при этом они оставались ее, не моими. Странное

чувство. И я никак не могу понять свое отрешенное состояние и то, как я воспринимаю происходящее.

Ох, Мариэлла. Чудная девчонка. Ну вот почему единственный способ, который ты нашла, — это сбежать в иной мир, призвав на место своей души другую? Древнее заклинание по обмену сущностями. И ведь отыскала же его неведомо где и провернула немислимый обряд. Я теперь знаю, что именно она сотворила, но мне неизвестно, как все исправить.

Не проще ли было отдать ребенка, которого не смогла принять, на усыновление? Не допустить беременности вообще? Вот как не догадалась, что если тебя целую неделю насиловал мужчина, то от этого может появиться столь нежеланное последствие, которое сломает тебе жизнь? Почему не приняла меры, не сварила соответствующий эликсир? Ведь ты знаешь рецепт, даже я его теперь знаю. Ведь ко мне перешло все, что ты когда-то изучала в академии...

Я потеряла руками лицо.

Влипла ты, Мария. Придется что-то срочно начинать делать и выкручиваться, сидеть сложа руки я не умею.

Я подошла к малышке, которая по-прежнему не плакала, но сопела и кряхтела все громче. Присела рядом с корзинкой и погладила девочку по светлым волосикам. Она взяла блондинистую масть отца-подонка. А вот цвет глаз пока не ясен, но вроде тоже светлые.

— Доброе утро, безымянная кроха. Завтракать? Приводить себя в порядок?

Закончив с кормлением и гигиеническими процедурами малышки и своими, я распахнула шкаф и хмыкнула. Негусто. Печально. Уныло. Скромно. Мариэлла явно пыталась казаться незаметной.

Нет, так дело не пойдет. А ведь деньги у нее... у меня есть, хоть и немного. Наследство покойной бабушки — счет с неплохим ежемесячным процентом для снятия и дом, который сейчас стоит пустой и который надо или продать, или сдать в аренду.

Кроме унылых, почти монашеских платьев, в шкафу нашлось маленькое зеркало на обратной стороне дверцы. И я увидела свое нынешнее отражение. Измученное осунувшееся лицо, припухшие веки, сухая сероватая кожа, потрескавшиеся искусанные губы, тусклые волосы.

Да-а-а... Девчонка явно была в глубокой депрессии и отчаянии. При том, что исходные данные отличные. Породистая такая внешность, эффектная. Была, до того как...

Плюс общая слабость тела. Мариэлла себя едва не уморила. Но при этом младенец в полном здравии, ухожен, здоров, сыт. Похоже, из-за того, что не может принять и полюбить своего ребенка, несчастная мать себя гнобила и презирала, а об этом ненавистном создании заботилась. Чтобы хоть как-то оправдать себя.

Осмотрела я свой нынешний облик, ужаснулась.

— Что ж. Составляем план действий... — сообщила я зеркальному отражению.

Наклонилась и вытащила со дна шкафа чистую тетрадку. Знала теперь, что она там есть про запас.

Человек я современный, занятой, энергичный. Привыкла все планировать и выполнять по пунктам. А еще имею нехорошую привычку разговаривать вслух, так как больше десяти лет живу одна. Обожаю напевать и пританцовывать, если ситуация позволяет. Плеер с музыкой со мной всегда, так же как и наушники с шумоподавлением. Если не работаю, то слушаю или полезные подкасты, или музыку.

Через несколько минут на первой страничке тетради красовался подробнейший список необходимых дел. Все, как я люблю. С пунктами и подпунктами. Потому что даже самая сложная задача решается, если ее разбить на много небольших и посильных.

И первым в списке значилось помыться и привести в порядок лицо и волосы. В таком виде нельзя выходить на люди. А еще нужно обновить гардероб себе. Мой облик не должен вызывать жалости, презрения, недоумения или чего-то подобного. С какой стати-то? Ну и малявку надо приодеть. Все эти пеленки легко снимать, признаю. Но совершенно они не приспособлены для мобильных передвижений. Ах да. Еще надо как-то добыть переноску-кенгуру или слинг. Понятия не имею, как они устроены, но ничего. Нет невыполнимых дел, есть неправильный подход к ним.

Купальня в пансионе имелась, вот туда я и направилась вместе с корзинкой и малышкой. Терпимо, как в деревенской бане. Тазики, лоханки, парилка. Умывальные принадлежности, мыло и шампунь у Мариэллы были свои.

Я до скрипа отмыла длинные густые волосы и свое новое тело. Изучила его заодно, скептически поджимая губы. Вот же ж... Малышку тоже искупала, пощекотала и потискала. Она совсем не привыкла к такому, но тянулась к человеческому теплу и радовалась вниманию.

Вот тоже задача. Придумать имя чужому ребенку. Хотя теперь она вроде как моя. Вот не было печали... Готовой к материнству и опекунству я себя не ощущала.

Позднее в комнате я сварила по доставшейся мне чужой памяти зелье для красоты. Травки нашла в мешочках в шкафу. Там же были и тренога с котелком и спиртовкой. Пока зелье остывало, я распечатала конверт. Вчиталась и присвистнула. Дурацкая привычка! Я аж по губам себя приклепнула. Вот вроде же избавилась от нее, а стресс, новое место и вот, опять...

Так вот какое предложение о работе было получено... А ведь мне известно уже это, но невозможно все сразу вытащить из памяти. Мариэлла Монкар была приглашена на должность преподавателя алхимии и зельеварения в Университет Специальных Чар — УСЧ.

Как его называли в народе, «Усач». Я покопалась в доставшейся мне чужой памяти. Специализируется этот ВУЗ на магах, создающих условия для удобной жизни и существования всех обитателей королевства. Бытовики, порталышки, смотрители за городскими службами, за транспортом. Архитекторы с умением расширять и сжимать пространство. Артефакторы. И да, абсолютно всем им даются базовые, обязательные для каждого магически образованного человека, знания зельеварения и алхимии.

В общем, там учатся те, без кого люди и дня не смогли бы прожить в комфорте. А вот боевого факультета там не было, в отличие от академии, которую окончила Мариэлла.

Что ж, тем более я должна привести это тело в божеский вид. Появиться в таком зачуханном состоянии среди студентов, которые управляют бытовой магией как дышат, — это мгновенная карьерная смерть.

Понятия не имею, как быть с ребенком. Его ведь не существовало в то время, когда отличница и талантливый юный маг Мариэлла Монкар приняла предложение о работе. Просто ее заметили и оценили ум, целеустремленность и способности девушки.

И тут вот вместо нее такой внезапный комплект — я и младенец.

Ладно. Вернемся к пунктам плана. Нет того, чего нельзя добиться, есть ленивые люди, которые не умеют выстраивать цепочку маленьких шагов и планировать свое время и силы.

Глава 3

Нанесла зелье для красоты на кожу лица, шеи, декольте и на кисти рук. Сначала приведем в порядок то, что на виду, остальное позднее. С трудом распутала и расчесала доставшиеся мне волосы. Зачем такие длинные, аж до колен? Это же с ума сойдешь — ухаживать за такими! Ни прическу красивую самостоятельно сделать, ни с распущенными походить. Да и вообще, запустила девушка себя, ох запустила.

Пока пришлось заплести косу и скрутить ее в узел. Заколола шпильками, найденными в шкафу, и поморщилась. Тяжеловато, голова будет болеть от такой прически.

Пришлось добавить подпункт к пункту о внешности. Туда же и маникюр с педикюром внесла. А потом еще и купить нормальное белье. Я, конечно, понимаю, что живу сейчас в чужом теле. Но носить чужие трусы — это выше моих моральных сил. Даже если они идут в комплекте с этим самым телом.

Наконец я оделась, с досадой осмотрела получившееся существо. Бледная, худая, измученная, с унылой прической, отсутствием макияжа и в жутком сером платье.

Господи, Мариэлла! Ну как можно было превратить себя вот в это?! В видениях, которые загрузились мне в голову, ты была совсем другой. Красивой, стройной, ухоженной девушкой, скромно, но элегантно одетой. А это вот что?! Тьфу просто!

Я цокнула с досадой и покачала головой. Жуткая уродливая шляпка. Темные круги под глазами выглядели удручающе, но взгляд у отражения был мой. Непримируемый и уверенный.

Ладно. Вдох-выдох и идем покорять новый мир. Прорвемся.

Взять с собой ребенка я не могла. Таскать корзину этому телу не по силам. На руках носить младенца — тем более. А переноски нет.

Поэтому пришлось малышку снова потискать, чуточку с ней потетешкаться, накормить, поменять пеленки и дожидаться, пока она заснет. Все это в тишине. Этот ребенок вообще хоть иногда плачет,

нет? Не то чтобы я возражаю, наоборот, опасаясь, что вдруг она начнет рыдать, но как-то странновато.

Перед тем как выйти из комнаты, я постояла на пороге, пытаюсь вытащить из памяти что-нибудь полезное и нужное. Ага! Заклинания спокойствия и крепкого сна. Еще заклинание защитное на малявку, и она очутилась словно бы в большом мыльном пузыре. О! И запирающее заклинание на дверь. Ого-го! Я теперь маг. Ну хоть что-то скрашивает внезапное попадалово...

Я как бы помнила расположение помещений в пансионе, поэтому шла достаточно уверенно. Встреченные несколько человек проводили меня удивленными взглядами, а я молча вежливо каждому кивнула. У входа столкнулась с пожилой дамой, отдающей негромкие распоряжения мужчине-слуге. Вроде это истопник^[2].

— Маузель Монкар, — суховато поприветствовала она меня. — Доброе утро.

— Доброе утро, мадам Фолэй. — Имя хозяйки пансиона пришло легко. — Как раз хотела заглянуть к вам сегодня. Хотела уточнить по срокам. Напомните, когда у меня заканчивается оплаченный период? Совсем скоро ведь?

— Через два дня. Будете продлевать?

— Нет. Мне пора отправляться в путь. Благодарю, у вас прекрасное заведение, мадам. Я искренне буду рекомендовать его знакомым, если вдруг они будут направляться в этот город.

Это была легкая вежливая ложь. И я, и женщина знали это. Насколько я поняла из воспоминаний Мариэллы, Аннита Фолей была единственной, кто знал, что родившийся ребенок — печальный итог плена, жестокого обращения и насилия. Мариэлла случайно об этом проболталась, рыдая в незнакомом месте, в незнакомом городе. А та служанка, Алиса, просто любила сплетни и многое додумывала сама. Вот и решила, что молоденькая жиличка явно не имеет мужа, не вдова, а значит, нагуляла. Но Мариэлла никогда и никому не стала бы рассказывать, где и в каком состоянии она донашивала беременность и рожала.

Сославшись на спешку, я торопливо спустилась с крыльца и отправилась по делам. Список большой. Времени мало.

Банк, некоторая сумма наличными и информация о состоянии счета. Лучше узнать лично, а не надеяться на сведения, пришедшие ко мне в видениях.

Первым делом салон красоты. Маникюр и педикюр, лак для ногтей мягкого розового цвета. Меня порадовало, что тут тоже используют лаки для ногтей. Только состав у них иной, и стойкость им придают магически, а не химически. Заодно оплатила маленький флакончик похожего, но более темного оттенка, и мелочи, необходимые для самостоятельного ухода за ногтями.

Здесь же, пока две девушки занимались моими ногтями, мне уделила время и мастер по волосам.

— Что желаете, маузерль? Уход? Окрашивание? Завивка?

— Я долго болела, только начала восстанавливаться. Волосы потеряли пристойный вид. Поэтому нужно укоротить до приемлемой длины, отрезать секущиеся концы. И подобрать две-три прически, легкие в исполнении, которые я смогу делать каждый день самостоятельно. Элегантные. Привлекательные. Ничего заигрывающего или вульгарного. Но и не унылый пучок или скромная девичья коса. Я должна производить впечатление особы, которой хочется подражать.

У девушки взлетели брови от последней фразы, но я невозмутимо смотрела на нее через зеркальное отражение.

— Что ж...

На все про все у нас ушло около часа с небольшим. Я ограничена во времени, мне нельзя затягивать и пора уже скоро возвращаться в пансион, чтобы дать бутылочку с молоком малышке. Но результат меня порадовал. Ногти теперь выглядели, словно у девушки с обложки журнала. Волосы безжалостно укоротили и оставили длиной чуть ниже талии, но зато теперь с ними я вполне могу справиться сама. Причесок мы выбрали аж четыре варианта. Все они шли к моей новой молоденькой внешности, а также отвечали моему вкусу взрослой женщины из другого мира. Никаких куделек, начесов, дурацких башен. С таким набором я просуществую легко, а позднее еще что-то подберу к лицу.

Ничего, Мариэлла. Я из тебя — из себя нынешней — сделаю неотразимую потрясающую и сногшибательную особу. Благо

природные данные выше всяких похвал. Парни шеи будут сворачивать, а девушки завидовать и копировать.

После салона красоты успела забежать в лавку дамского белья, купить два изящных комплекта и приличную ночную рубашку. Та, которая имелась у Мариэллы, это просто: «Здравствуй, пенсия, из меня уже сыплется песок и пора на кладбище». Никуда не годится, короче. А вот от корсета я отказалась, хотя девушки-продавщицы уговаривали. Сказала, мне состояние здоровье категорически не позволяет носить подобную конструкцию. Что там утягивать-то у моего нынешнего тела? Его откармливать надо, а не делать стройнее.

Следом уже почти бегом ворвалась в салон готовой дамской одежды. Вот тут времени на выбор почти не оставалось. Разделась, с меня сняли мерки, все записали. И далее пришлось действовать путем выдачи запросов в телеграфном стиле.

...Белая рубашка мужского фасона с высоким жестким воротничком. Никаких воланов или рюшей. Манжеты предпочтительно с запонками. Подберите их сами, серебряные, с темными камнями, желателно полудрагоценными или поделочными. Юбка с широким поясом, застежка сзади или сбоку на пуговицы. Нет, никаких кринолинов и нижних юбок! К ней жакет из того же материала, чтобы составил ансамбль. Еще нужна широкая юбка-брюки, вполне подойдет та, с манекена в витрине, но мой размер. Да, я маг и мне дозволено носить брюки. Да, вот вам огонек, доказывающий мой дар. К ним подберите жакет и составьте второй комплект. Вторую блузу в контрастный цвет к этому костюму, ее манжеты на пуговицах. И мне понадобятся перчатки, чтобы все смотрелось продуманно. Шляпки? Ах, шляпки... Одну, для улицы. И нет, не такую, как на мне сейчас. Эту пора выбросить, потому что, увы, выбор моей престарелой тетушки. Вообще не смотрите на то, что на мне сейчас. Я сама видеть это не могу, но деваться некуда было, пришлось носить. Цвет моей кожи, глаз и волос вы видите. Ткани подберите с этим учетом. Все-все, мне пора бежать. Вот задаток, Надеюсь на ваш вкус, потому что мне некогда ждать, зайду снова через несколько часов. Примерю, и мы подгоним по фигуре. Платье? Хорошо, давайте еще платье. Вырез аккуратный, неглубокий, вываливать в него я ничего не планирую, приталенное, рукав длинный или три четверти, цвет умеренно яркий.

Мне нужно будет в нем появляться среди приличной ученой публики и в общественных местах. Девушки, напоминаю задачу: никаких кринолинов, горы нижних юбок, рюшей, воланов. Все строго, элегантно, rispetабельно, но чтобы — ах-ах-ах. Мужчины должны быть восхищены, слюни пускать, но не кидаться. Ну что вы хихикаете, я же дело говорю. Другие женщины должны завидовать, но придраться чтобы было не к чему. А у дам преклонного возраста не должен капать яд с языка при виде меня. Задача ясна? Ох, ну что вы все смеетесь? Я в вас верю. Действуйте, а я дико опаздываю.

Прости, банковский счет, мне придется тебя немного потрясти. Встречают по одежке. Мне еще предстоит разбираться с руководством университета и доказывать, что работающая мать — это нормально.

Быстрый забег обратно в пансион. Кормление малышки — надо бы имя придумать — обмыть, перепеленать, усыпить. Снова накинуть защитные и прочие заклинания. Успеть быстро перекусить в столовой на первом этаже. Мое явление многих удивило, Мариэлла туда не спускалась ни разу за несколько месяцев проживания тут.

И снова бегом в город.

Новая дорожная сумка. С той, что лежала в шкафу, только позориться. Я понимаю, что девушка жила скромно и экономно, но сейчас мне предстоит произвести впечатление приличной особы, а не бедной родственницы. Гобеленовый саквояж, недорогой, но новый и аккуратный. Еще одна небольшая сумка через плечо. Я ж теперь типа мама младенца, куда-то нужно складывать детские причиндалы, чтобы они были под рукой.

И салон, в витрине которого красовались детские игрушки и люльки. Там же нашлись и пеленки-распашонки. Но вот мне были нужны не они. Хозяйка лавки оказалась и швеей. Все эти милые одеяльца, чепчики и прочую милоту она шила сама. Я несказанно обрадовалась и сделала ей заказ на одежды.

Пришлось рисовать. Художник из меня так себе, но уж начертить комбинезончик с закрытыми ножками и застежкой наискосок, от одного плеча до ступни противоположной ноги, это я смогла. Рекламу-то я видела сотни раз. Сама не сошью, как называется такая одежда, не знаю, поэтому будет закрытым комбинезоном.

Срочный заказ на три таких из мягкой бельевой ткани. Еще один такой же, но из чего-то типа велюра или бархата и с капюшоном — верхняя одежда. И многоразовый подгузник типа трусы с застежками по бокам. Но вместо липучек — бельевые крючки. И впитывающие вкладыши, которые можно менять по необходимости. Пришлось соврать, что модели уже в процессе патентования, так как швея была в диком восторге и недоумении. Вот мне и прекрасный источник доходов на будущее. Где тут патентное бюро? Надо успеть забежать до отъезда.

Вечером забрала заказанную одежду для себя. В салоне все примерила, мне подогнали по фигуре, где потребовалось. Заскочила в обувную лавку. В тех калошах, что носила Мариэлла, я ходить не согласна.

Все. На первое время нам хватит. Дальше буду решать проблемы на новом месте, потому что кошелек изрядно полегчал.

В общем, это был длинный день, заполненный беготней по незнакомому миру и городу, созданием минимального пристойного нового гардероба себе и малышке. А также в попытках осознать, куда я вообще угодила и как тут существовать. Но первый пункт со всеми подпунктами из моего плана был выполнен.

Поужинала в своей комнате. Сил на общество в столовой не осталось. Потом немного повалилась на спине, давая отдых телу, отвыкшему от физических нагрузок. Добавила еще один пункт в свой план. Нужно не только внешний облик приводить в порядок, но и мышцы. Такое аморфное состояние никуда не годится.

Вечер провела в размышлениях, попытках вытащить из памяти все, что пригодится, и в обществе малышки.

— Что же мне с тобой делать-то, карапузик? — пощекотала я пухлое пузико, и девчушка беззубо доверчиво улыбнулась. — Надо показаться врачу, да? Или не надо? Как часто детей водят к педиатру? А прививки? Тебе надо делать? Если бы я еще все это знала.

Вот так, беседуя с малышкой, я и планы свои заодно выстраивала. Осталось два дня на решение всех насущных проблем, на создание подобающего имиджа себе и ребенку. Потом короткая дорога в другой город, к месту будущей работы.

И завтра с самого утра мне предстоит решить еще множество мелких дел. В том числе зарегистрировать малышку, выправить ей

свидетельство о рождении, дать имя и фамилию. И патент. Да... Я особа меркантильная, если что-то может работать и приносить деньги, оно должно работать. Потом разберусь, что с этим патентом делать. Сначала просто подгрести все, что потенциально может быть выгодным в будущем.

Где и как регистрируют детей, пришлось узнавать у хозяйки пансиона. Мариэлла этого не знала, следовательно, и я тоже.

— Вы все же решились ее оставить? — взглянула женщина на корзину в моих руках. — Вам придется непросто.

— А кому сейчас просто? — смиренно отозвалась я. — Раз уж она есть, то... В общем, как-то так.

— Имя подобрали?

— Нет еще. По дороге что-то придумаю. Мне бы только понять, куда идти и что необходимо сделать.

Мадам Фолей кратко ввела меня в курс дела и пожелала удачи. А потом неожиданно добавила, когда я уже шагнула прочь.

— Я рада, что вы нашли в себе силы жить дальше, Мариэлла. Вы ни в чем не виноваты. Отрадно видеть, что в ваших глазах больше не стоят обреченность и желание умереть.

— Я... Да... Спасибо, мадам, — скомканно ответила я и сбежала.

М-да. Как же накрыло-то эту бедную девчонку, вырвавшую меня из моего мира, что она решилась на такое. Там, похоже, был не просто стресс, а глубокая депрессия. Обычная, а после еще и послеродовая наложилась.

Регистрация ребенка прошла как-то обыденно. Обычный клерк, стандартные, наверное, во всех мирах бланки. Мать — Мариэлла Монкар. Отец — прочерк. Чья фамилия будет у ребенка? Матери, Монкар. Возраст? Вот тут мне пришлось поднапрячься и подгрузить память из того, что мне оставила настоящая мать девочки. Получалось, что в тот день, когда я тут оказалась, девочке было ровно два месяца. Попросила календарь, отсчитала дни, назвала нужную дату.

Выражение глаз клерка было непередаваемым. Я пожала плечами и непринужденно заявила:

— Я все это время тяжело болела и почти не вставала с постели, меся. Тут родное имя забудешь, не то что в календарных датах потеряешься.

Это его удовлетворило, послеродовые осложнения, видно, нигде не редкость. Затык вышел, когда я дошла до строки с именем. Я его так и не придумала.

Вздыхнула. Посмотрела на улыбающуюся в корзинке девчушку. Она не спала все время, пока я ехала в наемном экипаже. Я ведь трезво оценивала силы и понимала, что с корзиной в руках пешком никуда не доберусь.

— Как же тебя назвать?

Нет, ну серьезно. Тут котенку имя придумать — и то не так-то просто. А это же целый живой человечек. Причем, не мой, но вроде как теперь уже и мой. И какое имя ей подходит, если она все время тихонечко улыбается, смотрит большими глазами или спит, словно орешниковая соня^[3].

— Кто тут маленькая сонечка? — негромко произнесла я и подумала, что, почему бы и нет? — Соф́ия, — громче произнесла я, посмотрев на клерка.

— Соф́и, — послушно повторил он и записал. Я не совсем поняла, почему убрал окончание, но решила не заморачиваться. София, Софи, без разницы. Может, тут так принято.

Мужчина еще раз проверил документы Мариэллы, которые я ему отдала. Внес все записи в книгу регистрации, заполнил бланк, поставил печать. Попросил меня расписаться на нем же. После чего вытащил из футляра, стоящего на столе, странную штуку, похожую на пипетку, только на конце у нее была короткая медицинская игла.

— Маузель, необходимо поставить оттиски крови матери и младенца. И попрошу проследить, чтобы Софи не плакала, это государственное учреждение, шум тут не приветствуется.

Я покопалась в памяти, пытаюсь сообразить, что от меня надо и зачем.

Ах вот оно что! Доказательство родства... Ладно. Неприятный, но, в целом, привычный прокол подушечки пальца иглой артефакта. Он впитал немного моей крови, а мне пришлось приложить окровавленный палец к свидетельству о рождении. Такая же процедура с маленькой Софи. Та сморщила носик, жалобно скривилась, собираясь заплакать, но я начала ее с улыбкой забалтывать. Мол, а смотри, какая симпатичная бумажка. А давай к ней приложим пальчик. Ой, какой рисунок получился. Ничего себе, как Софи умеет! Такая

кроха, а уже рисует. Конечно, она не понимала слов, но улавливала интонацию.

Сработало. Малышка забыла, почему хотела заплакать и начала улыбаться мне в ответ. А тем временем клерк закончил с оформлением. Выдал мне бланк, подтверждающий имя и фамилию нового члена общества. А то, что впиталось в артефакт и смешалось, капнул в книгу регистрации.

Занятно. Ну да ладно, мир магический, мне пока не все ясно. Только то, что посчитала нужным мне передать с помощью зелий и заклинаний Мариэлла. Со многим предстоит разобраться самой.

Но меня бесконечно радует, что это не глухое Средневековье, а более продвинутое время. Я не сильна в истории, но, по ощущениям, тут примерно как в моем мире в девятнадцатом веке. Во всяком случае, полицейские, которых я видела на улицах, вооружены револьверами с крупным барабаном. И водопровод существует, и канализация. Значит, они тут и паровые котлы используют, и паровозы должны быть. Ну и так далее. Мариэлла не сочла нужным оставлять мне сведения об этом, ее волновала собственная жизнь и то, что послужило причиной рождения Софи.

Глава 4

В этом же здании, где я оформила документы ребенку, находилось и патентное бюро. Удобно, не нужно никуда бегать.

Переместилась я в другое крыло и на другой этаж и, отсидев около получаса в живой очереди, вошла в огромную комнату, заставленную стеллажами с папками, друзьями камней и хрустальными шарами. Вот даже предположить не берусь, что это и зачем.

Диалог у нас с местным служащим состоялся короткий. Кто такая? Что надо? Что хочу патентовать? Фасон детской одежды и многоразовые подгузники, не пропускающие влагу? Подождите.

Он встал и отошел к одному из стеллажей. Постоял, положив руки на стеклянный шар, после чего переместился в другой конец комнаты. Там что-то поискал. Вернулся с толстой папкой и фиолетовой друзой аметистов.

— Рисуйте, маузель, ваш фасон. И пишите точное описание. Будем проверять.

Вышла я оттуда спустя час. Я решила быть нескромной и патентовать все, что смогу сейчас быстро вспомнить и что еще не запатентовано. Если уж нагнеть, то по полной.

Итак, отныне маузель Мариэлла Монкар является владелицей патента на непромокаемые многоразовые, а в перспективе и одноразовые детские подгузники. Шезлонг-качалка для младенцев. Я же их видела, значит, и смогу объяснить мастеру, как сделать. А вот с коляской я пролетела, тут они уже существовали. Но я только обрадовалась, это же прекрасно! Куплю при первой же возможности.

Зато не было слинга и кенгуру-переноски. Ну и чудесно. Теперь будут. Как только я смогу с портнихой все это воспроизвести. А еще кофточки-боди, с застежкой между ножек, и комбинезончики, как тот, что я заказала уже.

Ну и отлично, пока хватит. Странно, что тут до сих пор не додумались до таких простых бытовых вещей. Почему они до сих пор используют пеленки — неясно.

Заплатила пошлину, забрала пачку документов, корзину с младенцем и перебралась в ближайшее кафе. Там в туалете

перепеленала Софи, за столом в зале покормила ее взятой из пансиона бутылочкой с молоком. Ах ты ж, надо было еще детскую сухую смесь запатентовать. Но тут надо еще подумать, как это делается. Память Мариэллы подсказывает, что это возможно с помощью магии, но надо искать конкретный способ.

Забежала за детской одеждой. Забрала готовое, заказала недостающее. Удачно, что малышка была со мной. Швея с ней посюсюкала, помогла мне переодеть ее в новые вещички. Подарила чепчик на завязках. Смешной, но пригодится. Я о нем не подумала. Зато подумала о переноске.

И еще некоторое время мы с портнихой крутили и вертели отрез ткани, пытаюсь на мое тщедушное тело примотать ужатую в рулон подушку, которая изображала младенца. В теории-то я представляла, как это должно быть. Видела же мамочек с подобными штуками, несущих своих малявок.

На практике пришлось помучиться. Ведь я должна уметь это крепить на себя сама. Поэтому у меня подход был чисто деловой и утилитарный.

И напоследок визит в книжную лавку. Мне требовалась информация о трудовом законодательстве. Я ведь вроде как завтра еду на новое место работы, при этом я одинокая мать без няни.

Очередная монетка, потраченная из небогатого состояния Мариэллы. Вопрос книготорговцу, как мне добраться до нужного города. И, о счастье, я была права насчет паровозов. Но можно и порталом. Но дороже. Но быстрее. Но неприятно, маузель. У вас ребенок, дети плохо переносят телепортацию...

Вопрос скорости сыграл свою роль. Я бы и на поезде, прокатилась, люблю железнодорожный транспорт. Но время поджимает.

Ладно, будем считать, что мы полетим на самолете. Взлет и посадка, вызывающие желание сдохнуть прямо сейчас и немедленно, зона турбулентности, когда паникуешь и думаешь « ну почему я не сдохла при взлете?! ». Но зато быстро. Несколько часов мучений и таблетка от укачивания — и ты уже на месте. Потерпим. Раскошелимся. Нам еще в новом месте осмотреться надо и покорить руководство университета, чтобы они нас не выгнали прямо с порога.

Ведь я иду в комплекте с дитем, чего стены магического учебного заведения наверняка еще не видывали.

Сегодняшняя ночь у меня еще оплачена в пансионе, а с утрачка пораньше и отправимся.

Доехав до порталной станции, я все разведала. Купила билеты на самый ранний утренний перенос. Взрослый и детский. Какая прелесть! Тут действуют детские билеты, отлично!

И поспешила в пансион. Список дел сам себя не исполнит.

Обед и ужин мне принесли в комнату. Я же сварила еще несколько зелий, вытянув из доставшейся мне памяти необходимые рецепты.

Странное, конечно, ощущение. словно делаешь запрос в поисковой системе, там что-то происходит, и тебе выкидывается несколько ссылок. Выбирай подходящую. Вот как-то так я и осуществляла поиски нужной мне информации и рецептур. Мариэлла молодец, запас ингредиентов у нее в шкафу нашелся неплохой. Всего по чуть-чуть, но в ассортименте, и четко подписаны каждый мешочек и коробочка. Многое, к слову, подошло к концу. Нужно бы пополнить эти волшебные припасы.

Пока все остывало, я сортировала немногочисленное имущество, доставшееся мне вместе с телом. Что оставить, что нет. Я не настолько богата, чтобы выбросить целые, хотя и стремные платья. В конце концов, уборку и маркую работу можно и в таком убожестве делать. Так что сохраняем. Белье Мариэллы в утиль, это я больше не надену. Ветхий плащ тоже. И все прочее, что выглядит потрепанным, поношенным и жалким.

Ну не могу я себе позволить явиться к новому месту работы в облике «обнять и плакать». Нельзя. Люди одинаковы во всех мирах, уверена. Меня должны сразу принять и оценивать как молодого специалиста, уверенного в своих силах. Небогатого. Не шикающего. Но следящего за внешним видом.

Будем впечатлять не количеством, а качеством. Пусть у меня всего три наряда, но приличные. Потом дополним гардероб, когда начну получать заработную плату.

Упаковав багаж и убедившись, что ничего не оставила в шкафу, под кроватью и на столе, кроме сваренных зелий, я закончила

уходные процедуры. Мне завтра нужно быть красавицей, насколько это возможно.

Эпиляция. Дезодорант продолжительного срока действия. Тоник для кожи лица и тела. Зелье для волос, чтобы блестели и хорошо укладывались в прическу.

— Ну что, Софи? — обратилась я к малышке. — Готова к новой жизни? Справимся? Ты как считаешь?

Мнение Софи выразилось в слюнявых пузырях и беззубой улыбке. Забавная кроха. Но все-таки, почему она совсем не плачет? Это нормально? Мне казалось, младенцы должны часто рыдать. А тут тишь да благодать. Но кряхтит и издает звуки, похожие на агуканье. Значит, не немая. И реагирует на мой голос. То есть проблем со слухом тоже нет.

— Давай-ка вытрем слюни, покушаем и спать. Завтра мы с тобой ни свет ни заря отправляемся в путь.

... Люблю утренние рейсы. Шутка.

Ненавижу. Но признаю их полезность, поэтому всегда беру билеты на ранние часы, если куда-то лечу. Вот и сейчас... Только ведь легли, спрятав в саквояж весь скарб и оставив лишь «ручную кладь». А уже встаем, собираемся, зевая так, что, кажется, челюсть сейчас вывихнем.

И спускаемся вниз.

Я еще с вечера договорилась с мадам Фолей, что мне вызовут экипаж к определенному времени. Местное «такси», четырехногое, запряженное в четырехколесное... Слуга помог мне отнести вещи и загрузиться.

Неожиданным стало, что хозяйка пансиона вышла нас проводить, несмотря на раннее утро.

— Светлой дороги, Мариэлла. Будьте счастливы и вы, и малышка, куда бы ни держали путь. Не знаю, что случилось, почему вы так резко, буквально за одну ночь, взяли себя в руки. Но вы больше не похожи на тень, и я рада. Такой вы мне очень нравитесь.

— Спасибо, мадам. Я признательна вам за помощь и за... — Я помялась, но добавила от имени той, прежней Мариэллы. — За добрые слова и молчание.

Женщина кивнула и осенила меня божьим знаменем, благословляя. А я тут же мысленно внесла еще несколько пунктов в

свой список дел: посетить храм, изучить местную религию и разобраться, кто есть кто в божественном пантеоне. А то неловко будет, если что. Как бы не вляпаться...

Мариэлла, передавая мне ментальный информационный пакет, сочла эту информацию неактуальной. Предстоит изучить тему самой.

Пока ехали к телепортационной станции, я записывала, что еще необходимо сделать. Софи спала в корзинке, я работала, принаравливаясь писать при жесткой тряске. Привычка. Время — ценный ресурс, в дороге я всегда делаю заметки, читаю новости или почту, слушаю подкасты или аудиокниги. Сама ездить за рулем не люблю, как-то попала в аварию по молодости и с тех пор предпочитала вызывать такси, чтобы меня вез специально обученный человек. Или общественный транспорт, если им быстрее и удобнее. А я найду, чем заняться... А если и не заняться, то просто музыку послушать.

Сейчас вот... М-да. Ну ничего, как-то все наладим и разберемся. Я тут всего третьи сутки и пока что кручусь как заводная.

За медную монетку носильщик помог мне донести до зала перехода багаж и корзину с девочкой. Не знаю прямо, может, все же ее в слинг и на себя? Но вдруг стошнит при телепортации? Испачкает мне одежду, и как я тогда покажусь на глаза руководства университета? Ладно, пусть пока так спит.

Главное, чтобы меня саму не стошнило. Фу заранее на всякий случай. Дошли, я показала наши билеты, постояла, наблюдая, как исчезают безо всяких спецэффектов люди, которые шли передо мной. Страшновато, мягко говоря...

Носильщик дождался с нами и довел непосредственно до платформы. Помог взобраться и поставил у моих ног сумки, а корзину вручил в руки. Поклонился, пожелал счастливого пути и быстро спустился.

Раз, два, три, четыре, пять, вышла Маша погулять...

Телепортация... Дорого. Мерзко. Тошнотворно. Головокружительно. Немного сногшибательно. Но быстро.

Не успела я опомниться, как мне уже кто-то помогает спускаться, придерживая под локоток.

— Маузель? Как вы? Голова кружится? Присядьте. — Меня куда-то усадили и сунули под нос нашатырь, а мужчина кому-то сказал: — Активируй, можно принимать следующих.

Минуты через три я отдышалась, проморгалась и очухалась. Зал прибытия практически ничем не отличался от аналогичного на другом конце телепорта. Только цвет стен другой.

— Маузель, вы в порядке? — заметил, что я смотрю на него, усатый дядька в форме порталщика. — Вызвать носильщика? Экипаж?

— Да, месье, спасибо, — бледно улыбнулась я.

Сотрудник станции что-то сделал, и через минуту к нам с Софи уже спешил крепкий парень в форме. Молодцы они тут, все прямо цивильно. У магов-порталщиков одна форма. У носильщиков и простых служащих другая. Все официально, четко и без суеты. И народу немного, к слову. Телепортация — недешевое удовольствие.

— Мадам, куда вам требуется экипаж? — спросил мужчина, неся весь мой багаж, в том числе корзину с Софи.

Как-то все вообще легко поднимали переноску с ребенком и несли, словно это в порядке вещей — женщина, таскающая младенца в корзинке. Хотя, может, и нормально. Кто их тут разберет.

— К университету. — Я была в курсе, что здесь только один университет, поэтому не стала упоминать его полное название.

Носильщик кивнул, дунул в свисток, свисающий на шнурке с его шеи, и к нам тут же тронулся свободный экипаж. Кучер зевнул, потер глаза рукой. Похоже, дорабатывает ночную смену, хмыкнула я мысленно. По моим прикидкам сейчас около семи утра, даже меньше.

— К «Усачу». Маузель, счастливого пути. Пользуйтесь телепортационными путями королевства еще, — погрузив вещи и нас с Софи в экипаж, поклонился носильщик.

Я с улыбкой оплатила его услуги и попрощалась.

— Маузель, трогаем, — хрипло прокаркал кучер и откашлялся. — Мы спешим? Торопиться?

— Нет, месье. Едем спокойно, ровно, чтобы не разбудить ребенка. Заодно осмотрюсь, я сюда надолго, интересно ведь.

Ну и поехали мы неторопливо. Несмотря на раннее утро, горожан мы увидели довольно много. Кто-то открывал лавки. Кто-то спешил за продуктами или уже с продуктами. Носильщик прогремел с тележкой. Тянуло дымком и горячим хлебом.

Интересно... И город симпатичный, мне нравится. Я хотела спать, немного переживала, не отошла еще от телепортации, к тому же

мутило, поэтому все, на что меня хватало, это смотреть по сторонам и оценивать место, в которое угодила.

Итак. Довольно крупный город. Смотрю, и трамвайные рельсы проложены. Нужно будет узнать, сколько тут маршрутов. Много магазинов, которые больше похожи именно на магазины, а не на мелкие лавки, как в том маленьком населенном пункте, откуда я прибыла. И дома больше и выше, и улицы шире, длиннее и оживленнее. Делаем вывод: Мариэлла для рождения ребенка забила в глухую провинцию, в крохотный населенный пункт. Но значит, мне повезло финансово. Цены здесь наверняка выше, и вряд ли бы я уложила в ту сумму, что заплатила за свежие приобретения там.

А тут не столица, но все же...

Мы проехали уже прилично, меня начало клонить в сон, но позволить себе расслабиться и отключиться я не могла. Пришлось сесть ровнее, ущипнуть себя, чтобы скинуть дремоту и сосредоточиться. И лишь благодаря этому я сумела заметить крупную рыжую полосатую кошку, которая выбегала из узкого проулка. Она нервно мяукала, суетилась и ныряла назад. Опять выскакивала, искала взглядом людей, утробно мяукала и металась из проулка на улицу и обратно.

— Месье, вы видите? — потянувшись вперед, я тронула кучера за локоть. — Кошка зовет кого-нибудь.

— Не обращайтесь внимания, мадам. Это уличная, бродячая.

— Да я бы не сказала... Чистенькая, вроде, и откормленная. И ошейник вон имеется. Пытается позвать кого-нибудь.

А животное действительно пыталось привлечь внимание и позвать. Я знаю. Мама любит кошек, и с самого моего детства у нас всегда жил кто-то. И они себя вели именно так, зазывая на кухню за кормом. Да и собаки обычно так же поступают, если хотят отвести куда-то человека.

— Месье, притормозите! — решила я, когда мы поравнялись с проулком.

Мы с кошкой встретились взглядом, она поняла, что я ее заметила, и жалобно мяукнула. Снова побежала на несколько шагов туда, вглубь, оглянулась на меня и вернулась.

— Маузель, не ходите! Мало ли что там? — недовольно проворчал кучер.

— Придется... — отозвалась я, понимая, что уже не могу не пойти.

Не то чтобы я такая смелая, вовсе нет. Да и Софи тут еще лежит, а я за нее в ответе. Но кошка явно просит помощи. Наверное, там у нее котята.

Ну ладно, есть младенец, подберем и котят. Что уж теперь...

Кучер все же затормозил, не стесняясь бухтеть и бормотать что-то про сердобольных девиц, которые вечно лезут куда не надо и подбирают всякую живность. Я не стала отвечать, слезла и велела:

— Ждите!

А потом обернулась и бросила на весь экипаж какое-то заклинание. Причем как-то обыденно, не задумываясь о том, что делаю. Ух ты! Весь экипаж, вместе с лошастью и кучером, моими вещами и спящим младенцем очутился словно в мыльном пузыре. Правда, кучер никак не отреагировал. Может, и не видит... Надо же, я умею теперь такие удивительные штуки делать...

Кошка же обрадованно бросилась ко мне, потерлась о ноги и с мяуканьем поспешила меня провести.

Было там грязно, темно, сам проулок больше напоминал просто неширокий проем между домами, пройти тут рядом могут максимум два человека.

— Киса, ну что тут? — ласково спросила я свою мохнатую провожатую. — Малыши твои? Где?

Кошка вела меня вглубь, постоянно оборачиваясь и проверяя, что я не отстала. Ну а я оглядывалась, чтобы убедиться, что мой экипаж не удрал и никто вдруг не возник за спиной. А то мало ли, рисковать своей душой и чужим телом я не готова.

Запах тут был... В общем, не цветочками пахло, а как в любой подворотне, которую облюбовали алкаши и бомжи. И кучи мусора под ногами, а впереди так вообще помойка, перегораживающая дорогу.

Вот к ней-то меня кошка и вела.

— Кис-кис, — позвала я. — Ну, где? Показывай.

Кошка громко протяжно взвыла и принялась копать какое-то вонючее мокрое тряпье, наваленное кучей.

Я поискала взглядом, подхватила с мостовой палку и аккуратно отодвинула в сторону тряпки.

— Ох ты ж блин! — выругалась.

Там оказались не котята, а мужчина с разбитой головой и залитым кровью лицом. Так это кошка меня к хозяину звала, а не к детенышам.

Отбросив палку, я стащила перчатку и приложила кончики пальцев к шее раненого. Страшно, конечно, вдруг он уже труп. Но проверить-то надо. Жилка билась. С перерывами. Неровно. Но билась.

Глава 5

Я снова нервно огляделась. Мне не улыбается, если сейчас и меня кто-то за компанию прихлопнет. Вокруг лужи крови, то есть кого-то еще порезали. Но тел нет.

Встав, я посмотрела в сторону улицы и оставленного экипажа. Там терпеливо ждал кучер. Впрочем, даже если бы захотел, он никуда не уехал бы из того пузыря, что я на его транспортное средство накинула.

— Ладно, — произнесла я вслух. Как уже говорила, есть у меня привычка вести диалоги сама с собой. — Ладно. Я не врач, а значит, нужно отвезти бедолагу к тем, кто ему поможет. Но где тут больница, я не знаю. Поэтому... Что поэтому? Ага! Так, кошка. Сейчас я волью в рот твоему хозяину укрепляющее зелье. У меня есть с собой. Дозировка, правда, рассчитана на меня. И еще одно зелье, кровоостанавливающее, мы ему на рану накапаем. Да, киса? И не смотри на меня так. Когда у тебя на руках младенец, а ты понятия не имеешь, что с ним делать и что может пригодиться, то создаешь походную аптечку, с учетом местной магической специфики, и таскаешь ее в карманах.

Я все это говорила, а сама уже вынимала из кармана юбки-брюк крохотные флакончики. Те самые, в которых были зелья, оставленные для меня Мариэлкой. Я их помыла, продезинфицировала и налила в них новые препараты, которые сама сварила. Ну а что делать-то? Пришлось.

Вот как чуяла, что рано или поздно пригодятся. Правда, не предполагала, что так быстро. Все же параноика из моего мира не вышибить сказочным антуражем и магией. Черт ее знает, как она работает, эта магия. А аптечка — это мощь и всегда должна быть под рукой в минимальном наборе.

Одно зелье раненому в приоткрытый рот. Второе на рассеченный затылок. Накапала равномерно, не прикасаясь к мокрым спутанным волосам и ране. Перебинтовать, увы, нечем. Не продумала я что-то, да... Ладно, впишу еще пункт в мой план покорения мира...

А вот тащить на себе такого крупного мужчину не вариант вообще. Так же как и волоочь. Я прикоснулась снаружи к его карманам, чтобы проверить, есть в них документы или какие-то иные предметы. Пусто. Глянула на руки на предмет часов или колец. Нашлось только одно — печатка с черным камнем и гербом, сидящее на вид крепко и отсвечивающее магией. То есть можно предположить, что его ограбили и бросили. Не сняли только зачарованный артефакт с пальца.

Довольно странное состояние, когда ты вообще ничего знать не знал о магии и артефактах, а потом тебя накачали чужими знаниями и умениями... И вот ты просто смотришь и видишь: магическая штукovina. Или щелкаешь пальцами и творишь заклинания, о которых даже не подозревал минуту назад, а потом только думаешь: ух ты, а как я это сделал?

— Киса! За мной! Пришлем кучера, он поможет нам перенести твоего хозяина.

И я почти бегом отправилась к экипажу. Уговоры, жалобная просьба помочь и донести сюда хорошего человека, который, оказывается, лежит без памяти в подворотне. Мол, месье, я так рада, что заметила кошку. Кто же мог предположить, что это новое домашнее животное моего знакомого. Сама удивлена не меньше вашего. Но ему надо помочь. Конечно же, я оплачу вашу помощь. Ах, месье, поспешите же. И серебряная монета. Это хорошая плата, кстати. Но куда деваться-то, не бросать же этого бедолагу на помойке вместе с его кошкой.

Ждала я их стоя у экипажа. Мимо проезжали другие, и шли прохожие, но мы ни у кого особого интереса не вызывали.

Наконец показался кучер. Он перекинул бессознательное тело через плечи и с трудом его тащил. А мужик-то здоровый этот владелец умных кошек. Вон, аж ноги волочатся.

— Маузель! — с натугой просипел кучер, и взгляд его выразил, что в гробу он видел таких сердобольных пассажиров и их окровавленных приятелей.

Я улыбнулась, пожала плечами и сняла с экипажа защитный мыльный пузырь.

— Грузите его на пол, месье. Мы не станем пачкать вам сидения, а моему знакомому уже все равно. Его одежда и так перепачкана.

— Ну, маузель! — хекнув и матюкнувшись сквозь зубы, кучер загрузил мою находку на пол.

— Киса, прыгай! Иди сюда, не бойся, — позвала я кошку, метавшуюся у колес экипажа.

Та мяукнула и вспрыгнула, а я поняла свое заблуждение, увидев при нормальном освещении широкой улицы, что это вовсе даже и не кошка.

— О, пардон. Ты, оказывается, кот. Мужик. Прости, обозналась в темноте.

Тот фыркнул смешно, сверкнул умными глазами и улегся на грудь своего хозяина.

— Куда вас теперь, маузель? — мрачно спросил кучер.

— Туда же. В университет, — приняла я решение. — Но учитывая обстоятельства, поспешим!

Ну, мы и поспешили. Софи проснулась, но не испугалась, не заплакала. Лежала, вцепившись в мой палец, а я крепко прижимала к себе корзину одной рукой, а второй придерживала в ней малявку. Кот держался за хозяина, и, полагаю, к полученным мужчиной ранениям добавятся глубокие отметины от кошачьих когтей на груди.

Наконец мы притормозили у высокой кованой ограды, за которой открывалась стандартная приучебная территория. То есть для Мариэллы стандартная, а я помнила это благодаря ее памяти.

Главный корпус — старинный замок. В стороне множество хозяйственных и подсобных построек. Еще должны быть полигон и тренировочная площадка, мне отсюда их не видно. Ну и так, разное. Много деревьев и кустов. И защитных заклинаний. Их я как раз прекрасно вижу. Наверное, так и должно быть у магов.

— Маузель, прибыли.

Кучер спрыгнул и стал разгружать мой багаж. Спустил на землю у ворот сначала мои сумки, потом принял корзинку с малышкой и помог спуститься мне. После чего шикнул на кота. Тот зашипел в ответ, пришлось мне вмешаться.

— Котик, не мешай. Ты ведь хочешь, чтобы мы помогли твоему хозяину? Иди ко мне! — И я похлопала по бедру, призывая его.

Послушался, хоть и неохотно. Спрыгнул и встал у моих ног, внимательно наблюдая за действиями кучера.

— И куда его, маузель? Мне на территорию Усача никак, запрещено настрого. Горожанам без пропуска проходить нельзя, а мне штрафы не нужны.

— Кладите прямо на землю, — велела я. — Только осторожно, пожалуйста.

Избавившись от проблемных пассажиров, кучер быстро смылся, получив оплату и чаевые. А мы остались стоять у ворот.

Прелестная, должно быть, картина. Женщина с котом и младенцем в корзинке. И мужик на земле.

Тут я почувствовала чей-то взгляд. Оказалось, в будке рядом с калиткой скрывался сторож, который все это время за нами наблюдал.

— Прекрасно! — преувеличенно бодро обратилась я к нему. — И чего сидим? Кого ждем? Немедленно зовите кого-нибудь, кто отнесет раненого к лекарю.

— А вы кто ж такая? Чего командуете? — позевывая, вышел наружу пузатый дядька.

— Ваш новый преподаватель. Поторопитесь.

— Так рано еще, кого звать-то? — неспешно подошел он ближе.

— Открывайте тогда! — рассердилась я. — Вам труп нужен, что ли? Я тогда так и скажу в полиции, что по вашей вине все и случилось.

— А чего я-то? Только нельзя же без пропуска горожанам.

— Вы издеваетесь?! Если что, он потом заплатит штраф. Когда останется живым.

Тут со стороны университета к воротам подошла компания студентов примерно третьего курса. Двое парней и девушка. Судя по виду, собрались в город на прогулку, поскольку сегодня последний день перед началом учебы. Странно только, что в такую рань. Чего им не спится-то?

Я обрадованно встрепенулась и шагнула к ним:

— Как вы вовремя! Ребята, нужно срочно отнести раненого к лекарям. Вот прямо немедленно! Вдвоем справитесь?

— А-а... — растерялись парни. — Э-э...

— А вы кто? — спросила девушка.

— Я ваш новый преподаватель по алхимии и зельеварению. Но это потом. Нужно быстро действовать, иначе у нас на руках окажется труп! Не люблю трупы, бр-р-р. Они мертвые.

— Вы еще и с котом?! Нельзя животным входить на территорию! — вскинулся тут сторож, до которого дошло, что я вот-вот все же прорвусь внутрь. Он услышал про то, что новый преподаватель — Охранка же! Не пропустит!

— Нельзя им входить — внесем, — буркнула я.

Главное, вести себя уверенно и ошеломить народ. Тогда окружающие не сразу осознают, что происходит что-то не то и не так. Поэтому не успели парни опомниться, как уже вносили в ворота моего найденыша. Девушка забрала мои сумки. А я несла корзинку с Софи и кота под мышкой другой руки.

Сторож открывал и закрывал рот, но пропустил нас. Только буркнул, что доложит руководству.

— Мадам, вы тоже к врачам? — спросила студентка, когда мы углубились на территорию университета.

— Нет. Отведите меня, пожалуйста, в преподавательское общежитие. Оставлю там вещи, а потом схожу в администрацию. Не знаете, ректор у себя? Или его секретарь?

— Нет, мы только вчера поздно вечером вернулись с каникул. И... вот.

— Разберемся, — кивнула я.

Говорить на ходу с тяжелыми вещами сложно.

Вскоре парни с раненым свернули и двинулись в перпендикулярном направлении. Я им на прощание велела сообщить врачам, какие зелья успела использовать на жертве грабителей. И попросила через врачей же передать мужчине, когда тот очнется, что его кот у меня и я о нем позабочусь.

Кошак, к слову, попытался вырваться и рвануть за ними. Пришлось прижать его к боку и цыкнуть:

— Ну и куда собрался? Никто тебя пустит в лечебное крыло, сам-то подумай. Побудешь у меня. Дождемся мы твоего хозяина, не переживай.

Животное жалобно замыкало, словно понимая мои слова.

— Не плачь, кисунь. Выкарабкается он. Видал, какой он шкаф огромный? Такого разве так просто прибьешь? Он, небось, еще и нападавшим наваял по самое не могу. Я точно помню, что вокруг было много крови. Не могло столько натечь только из твоего хозяина...

Кот внимательно слушал и подмыркивал, будто отвечая. Студентка же держала ушки на макушке и жадно впитывала темы будущих сплетен.

— Мадам, а этот мужчина, он... На него напали, да? Вы вместе были?

— Не могу ничего рассказать. Пока меня не опросят полицейские и сам раненый... Не хочется неприятностей за болтливый язык. А вас как зовут? Какой курс?

— Алэнта Дюфó, третий курс. А вы? А вас? То есть...

— Мариэлла Монкар. Спасибо за помощь, Алента. Без вас мне было бы сложно самой все это нести.

— Магистр Монкар, а вы у всех потоков будете читать зельеварение и алхимию?

— Не магистр. Мастер. Я пока не защитила магистерскую работу. Зовите меня — мастер Мари. Мне так больше нравится, да и короче. У меня самой язык порой спотыкается, когда я выговариваю имя, которое мне дали мои милые родители. Или же мастер Монкар

— Хорошо, — студентка прыснула.

— Насчет потоков я и сама пока не знаю. Как видите, Алента, я только прибыла. Расписания пока не видела, с деканами не общалась, кого из вас мне отдадут — без понятия.

— А это ваша дочка, да? Сколько ей?

— Два месяца. Ее зовут Софи.

— А ваш супруг? Отец Софи тоже будет жить на территории университета?

— А вот с отцом Софи, Алента, все печально. Он давно покинул нас. Одни мы, совсем одни.

— О, мастер, простите, я не хотела вас огорчать. Соболезную...

— Все в порядке. Мы прекрасно справляемся вдвоем, мы с ней сильные девушки. Да, Софи? — обратилась я к малышке, которая уже проснулась.

Исправлять студентку, решившую, что отец Софи мертв, я не стала.

Если и нет, то грустно. Я была бы рада, если бы это было правдой. Милая девочка Мариэлла не заслуживала того, что тот гаденыш с ней сотворил.

— Мастер, мы пришли. Тут живет преподавательский состав и администрация. Как видите, это более современная пристройка к жилому крылу замка и полностью отдана им. Основной вход с этой стороны. Можно и через территорию замка через второй выход, но получается запутанно, много коридоров и переходов. Я один раз ходила к декану, очень неудобный путь. Поэтому обычно в теплое время все предпочитают в обход по улице, зато без лишних блужданий. Если только в непогоду и мороз внутренними коридорами ходят.

Мы остановились, и я окинула взглядом четырехэтажное каменное здание, примыкающее к старинной стене. Его строили, судя по всему, уже в наши дни, стараясь соблюсти общую стилистику и сделать так, чтобы оно не выбивалось из общего ансамбля. Выглядело вполне гармонично.

Похоже на старинный особняк. Темные стены, вьюн по ним, белые окна, черная черепичная крыша, трубы. Интересно, тут как в гостинице или как в апарта-отелях? Когда каждому жильцу выделяется квартирка-студия со своей кухонькой и санузлом. Идеально было бы вообще две комнатки и кухня, но, боюсь, мне с моей скромной должностью подобный люкс не светит.

Алента помогла нам войти, и мы оказались в симпатичном холле, где за письменным столом сидела... хм... вахтерша. Наверное.

Поздоровавшись и представившись, с независимым видом сообщила, что я мастер Мариэлла Монкар, их новый преподаватель алхимии и зельеварения. Прибыла вот только сегодня, прямо сейчас. Мне срочно нужно оставить вещи в выделенной комнате и найти ректора или заведующего по учебной части.

— Так нет ректора, — озадаченно сообщила женщина. — Три дня уже как нет.

— Ничего страшного. Значит, познакомлюсь с ним позднее. Но давайте все же поспешим, мне необходимо переодеть ребенка, накормить, ну и я потороплюсь заняться всеми необходимыми делами.

— А вы с младенцем? — в полном ступоре уставилась она на меня. — Но как вы собираетесь?..

— Да как обычно, — отмахнулась я. — Давайте я быстро распишусь где надо, вы мне выдадите ключ и скажете, куда идти. И если можно, пожалуйста, комнату на первом этаже. Сами понимаете, бегать по лестницам мне с малышкой будет несколько затруднительно.

Она тяжеленькая и пухленькая, как и положено любой благовоспитанной девочке ее возраста.

Все заулыбались шутке.

— Мастер Монкар, но мы не можем вас заселить без приказа ректора. Это ведь обычная практика, — вернулась к проблеме моя собеседница.

Пришлось показать ей письмо. Туманная какая-то история с ним и с назначением, воспоминания Мариэллы путались в этом вопросе. То есть ей действительно предложили эту работу еще во время обучения. Причем не кто-то там, а лично ректор этого учебного заведения. Он присутствовал на одной сессии, и как-то вот так... Потом ей подтвердили приглашение и вакансию зимой. Но к этому времени с Мариэлой случилось то, что случилось. И она хоть и не отказала окончательно, но написала, что возникли сложности личного характера. При этом мысленно похоронила надежду тут работать.

Дальше мне не ясно, полученная мной информация заканчивается. Вероятно, сама Мариэлла уверилась, что это точно конец возможной карьере преподавателя ВУЗа. Ректор же этого не понял, решил, что сложности у нее временные и несерьезные, решатся к началу учебного года, и по-прежнему рассчитывал на нее.

Либо же нашел кого-то еще, но там что-то не срослось, а маузель Монкар — вот она, и все еще не вступила ни на одну другую должность. И все же ее утвердил. Ведь про беременность не знала ни одна живая душа.

В общем, не знаю, что там произошло точно, спросить некого. Но главное, что мне необходимо, это заякориться тут. Уболтаю всех, справлюсь, разберусь как-нибудь. Поскольку, что мне делать в противном случае в чужом мире с чужим ребенком и с чужой разбитой жизнью, я не представляю.

— Мадам... — сделала я паузу, предлагая той представиться.

— Магда Жанроль, заведующая преподавательским общежитием. У нас этим летом случилась смена административного и обслуживающего состава, многие люди поменялись, кого-то еще не приняли. Поэтому я отвечаю сразу за многое.

— Мадам Жанроль, как удачно, что именно вы главная здесь! Смотрите, у меня есть письмо ректора, которое я получила три дня назад. Думаю, этого достаточно, чтобы я смогла заселиться с ребенком.

Кто же мог предполагать, что мы разминемся с ним и у меня не окажется на руках приказа. А как только, так сразу! И принесу его вам на ознакомление. Честное слово!

Глава 6

Я отдала даме письмо, та его внимательно прочитала, потом всмотрелась в подпись и как-то облегченно вздохнула.

— Ах вот оно что! Все-все! Вопросы снимаются, раз мэтр Гресс лично вам написал и сам оформил, то вам просто нужно зайти к его секретарю и забрать соответствующие документы.

— А он меня уже оформил? — озадачилась я, забрала письмо и тоже прочитала текст.

— Конечно! Видите? — Женщина заглянула в листок и прочитала вслух: — Мариэлла Монкар утверждена и зачислена на должность преподавателя алхимии и зельеварения. Надлежит явиться к месту работы, получить учебные и методические материалы и приступить к выполнению непосредственных должностных обязанностей не позднее первого учебного дня. Магическая подпись и печать мэтра Гресса, их подделать невозможно.

— Да, я читала, конечно. Иначе бы меня здесь не было. Просто полагала, что нужно еще и... Ну как бы...

— Ах, мастер Монкар, вы просто не в курсе его делового подхода. Если месье ректор написал, что «утверждены и зачислены», то дело именно так и обстоит. Это же архимаг старой школы. Его слово нерушимо. Студентка, подтвердите же.

— Совершенно верно, мастер Мари. С нашим ректором именно так. Поэтому лучше не злить его и не попадаться на глаза, если провинился. А то он сгоряча наказание озвучит, а отменить уже никак. Даже если попросить прощения и раскаяться. Потому что сразу же все оказывается магически внесено в приказы по учебной части.

— Надо же... У нас так никто из администрации не поступал. Все приказы оформлялись отдельно.

— Не обращайтесь внимания, просто мэтр очень-очень-очень... гм... немолод. Память уже не та. Вот и наколдовал для себя такую систему, чтобы ничего не забывать. Так что добро пожаловать, мастер Монкар. Но я все же прошу забрать в административном корпусе бумажный вариант документов и показать мне, — сказала мадам Жанроль.

Я вытянула из воспоминаний Мариэллы образ сгорбленного, абсолютно седого старичка и хихикнула. Кажется, уважаемый пожилой архимаг Гресс просто забыл, что маузель Монкар что-то мямлила о сложностях. Он нанял, утвердил, все для себя решил, магия его решения оформила в приказ. Секретарь написал письмо новому преподавателю. Ну а ректор так же, без капли сомнений, подписал, ведь он-то точно знает, кого выбрал на эту должность.

Кто бы мог подумать, что плохая память пожилого мужчины и его магическое умение вести дела так, чтобы ничего не забывать, сыграют нам с Софи на руку.

Ну что ж. Буду вести себя соответствующе. Меня приняли? Приняли. Все, тема закрыта, ничего не знаю.

— А кот? Он будет жить с вами? Вообще, так не принято. Но у вас и ребенок... Что тоже не принято... Я прямо и не знаю, — задумчиво обронила заведующая.

— Кот не мой, он погостит недолго, пока его хозяина подлатают лекари. Но об этом потом, мадам Жанроль, если вы не против.

В общем, выделили нам с Софи комнату. Приличную, светлую и неплохо обставленную, должна заметить. Диванчик, кресло и низенький столик, образующие гостевую зону почти по центру. Справа за ширмой спрятались кровать и тумбочка. Там же вместительный платяной шкаф. У окна письменный стол с выдвижными ящиками и книжный стеллаж. Удобный на вид стул с мягкой спинкой и с подлокотниками. По левой, ничем не заставленной стене дверь в смежное помещение. И слева же, прямо у самого входа, небольшой кухонный уголок. Навесной шкафчик с посудой, насколько вижу — чашки и несколько тарелок. Что в напольном шкафу, пока неясно, но на столешнице стоит одноконфорочная плитка. Не знаю только, как она работает, электрического шнура нет.

И, как я и просила, выделенное мне помещение на первом этаже, поближе к выходу из здания. Я ленива и не хочу лишних расстояний.

— Алента, вы меня очень выручили. Спасибо вам большое, — поблагодарила я студентку, которая помогла мне донести вещи прямо до моего нового жилища.

— Не стоит благодарности, мастер, — вежливо ответила она, а сама тоже принялась с любопытством осматриваться.

— Фу-у-ух! — Я поставила корзину с Софи на пол, туда же опустила рыжего кота, практически упала в кресло и откинулась на спинку. — Устала ужасно. С самого рассвета на ногах, да еще переход телепортом. Всю душу вытрясли, взболтали, словно в центрифуге, потом собрали в кучку... И еще эта полуживая находка с дыркой в голове... Интересно, тот месье как, пришел в себя уже?

— Хотите узнать? Я могу вам показать, где лазарет.

— Ой нет. Спасибо, Алента. Мне еще в учебную часть, в библиотеку, в секретариат, в столовую... Как видите, миллион дел, а я уже похожа на пудинг. Как у вас вообще с зельеварением и алхимическими премудростями обстоит? Предыдущий преподаватель дельный был?

— Н-ну... Терпимо. В рамках учебников мы все прошли.

— И только? А почему?

— Да это ведь не особо популярный предмет. Простите, мастер. Парней так вообще невозможно научить сварить и зачаровать что-то путное. Так, на троечку сдаем и ладно. Магистр Эстрелла больше внимания уделяла своему приработку. Она варила дорогие эликсиры и зелья для городской аптеки или на заказ. Неплохо зарабатывала на этом.

— Вот оно как... Я обдумаю это, спасибо, Алента. Мне лишние деньги тоже совсем не помешают. Я вас совсем задержала, да? Планировали погулять с друзьями?

— Да нет, просто скучно же сидеть в общежитии. Книги в библиотеке уже получили, мантии, кому надо, обновили. А вы будете носить мантию?

— А здесь преподавателям это обязательно? А то вдруг она ужасная, и я буду похожа в ней на чучело.

— Нет, — рассмеялась девушка. — Обычная, стандартная магистерская мантия. Кто-то из преподав... ой... преподавателей носит. Кто-то нет.

— Я подумаю. И вот теперь вы понимаете, почему мне больше нравится, когда меня называют мастер, а не профессор или препод... Фи.

— Мастер Мари, а можно мне заглянуть?.. Никогда не бывала ранее в преподавательском общежитии.

— Смотрите везде, можно даже в шкафах и ящиках. Заодно мне расскажете, что там. Найдете деньги или похабные журналы, несите. Мне тоже интересно, но сил встать нет.

Студентка снова прыснула от смеха и принялась заглядывать в ящики стола, тумбы, в платяной шкаф, в уборную, прячущуюся за дверцей рядом со шкафом. Я услышала шум воды и порадовалась. Похоже, тут есть ванна или душ, в отличие от пансиона госпожи Анниты Фолей.

Кот тоже не терял времени и изучал новое место. И только я полулежала и пыталась найти в себе силы встать. Ох и дохлое мне досталось тельце... Мышцы никакие.

— Алента, а студенческое общежитие где? Отдельно стоит корпус? — позвала я.

— Нет, мастер. Нам отдали все северное крыло. Там около ста лет назад сделали основательный ремонт, провели водопровод. Мы по несколько человек в комнате живем, по трое или вчетвером, если комната большая. Если маленькая, то вдвоем. А душевые и уборные по четыре на этаже, чтобы всем хватило. Парни на четвертом и пятом этажах. Девушки на втором и третьем.

— А на первом?

— Там разные служебные помещения, мастер.

Тут напомнила о себе Софи. Закряхтела, агукнула... Пришлось соскребать себя в кучку, вытаскивать из корзины тщательно закупоренную и поставленную вертикально крынку с козьим молоком.

Я, кстати, разобралась, почему оно не портилось да еще и оставалось теплым. Стазис. Тот самый сказочный непонятный современному человеку стазис. Мариэлла постоянно снимала и накидывала его на запасы молока, а я, находясь в ее теле, не понимая того, делала то же самое, но рефлекторно. Словно выключала и включала, не отдавая себе в этом отчета.

В общем, мы приехали сюда с двумя крынками молока. Потому что, где искать козу тут, я пока не знаю. Вот и прихватила детское питание с собой от проверенного источника.

Софи довольно зачмокала, сжав кулачки и прикрыв глаза, а кот сел рядом и принялся смотреть.

— Что, кошка? Не видел раньше младенцев? Вот так они обычно и выглядят.

— М-р-р-р. — И кот чихнул.

— Согласна. Запашок не очень, но это временно. Сейчас она покушает, и мы исправим эту маленькую пахнущую проблемку. Тебе, к слову, придется тоже как-то решать свои дела, пока живешь у меня.

— Мастер Мари, может, вам еще чем-то помочь? Мне не сложно, — вернулась из ванной студентка.

— Не откажусь от помощи. Спасибо, Алента. Мне вас сам дух университета послал на помощь, не иначе. Проводите нас кратчайшей дорогой в учебный корпус, в столовую, в библиотеку? Ну и везде, куда я должна сегодня успеть... Кошмар...

— Ладно.

— Я вас точно не напрягаю? Не слишком-то это интересно, если вдуматься, таскаться по территории университета в компании препода, младенца и кота. С парнями-то точно приятнее сидеть, мороженое кушать и слушать комплименты.

Студентка фыркнула и захихикала.

— Вы такая необычная. Мне ужасно интересно с вами.

— А, ну ладно... — Я со вздохом встала на ноги. — Итак, Алента. Сейчас вам доведется узреть, как меняют подгузники и пеленки маленьким детям.

— А я знаю, как это. У меня братик родился в том году. Мама с папой уже и не надеялись на наследника, я у них одна была. Но вдруг... Так что я умею с малышами обращаться.

Везет, ее кто-то научил. Я-то сама училась по ходу действия. И мой трехдневный опыт общения с внезапно обретенной дочкой богатым не назовешь. Непонятно, не слишком приятно и ужасно страшно уронить или сломать что-то в этом крохотном тельце.

Минут через десять Софи была накормлена, выдержана столбиком, переодета и примотана ко мне слингом.

— Ой, как интересно. А это зачем? — спросила третьекурсница.

— Чтобы не тащить тяжелую корзину. Коляски у нас с Софи пока нет. Кот, ты с нами? Если да, то на поводок. Или сиди тут.

Животное явно знало слово «поводок», так что безропотно выждало, пока я завяжу узлом на его ошейнике конец бечевки. Понятия не имею, зачем Мариэлла имела среди своих вещей моток бечевки, но мне пригодилось сейчас.

Алента наблюдала за нашими сборами с горящими от любопытства и восторга глазами. Новый препод алхимии сегодня явно будет звездой программы и главным объектом для обсуждения.

...Сказать, что к вечеру я была без сил, это не сказать ничего. Но с помощью моего добровольного проводника мы побывали и в приемной отсутствующего ректора, где действительно имелся приказ о моем назначении. Там же секретарь главы университета выдала остальные документы, Устав, план университета и прилегающей территории, инструкции и методички.

Библиотека впечатлила и порадовала. Объем выданных мне книг — не очень. Пришла на помощь Алента. Перехватила за рукав какого-то парня со своего курса, как она сказала. Велела ему взять все эти тома и отнести в кабинет преподавателя алхимии и зельеварения.

О! Так у меня еще и кабинет свой будет. Отлично!

Кабинет, аудитория, лаборатория. Все оказалось в наличии. Чудесно! И с такими прекрасно оборудованными помещениями студенты плохо знают этот предмет? Как нехорошо... Придется исправлять. Сама-то я, Мария Каменева, его не знаю вообще, и мои познания об алхимии ограничиваются неким философским камнем. Но объем информации, который в меня магическим образом закачала Мариэлла, огромен. Так что вроде как и знаю.

Столовая... Общая для всех, но поделенная на зоны, находится на первом этаже замка. Естественно, мы произвели фурор. Дама с младенцем и котом на поводке — это необычно, мягко говоря.

Преподавательские столы находились в общем зале, но у дальней стены, на некотором подиуме. Алента мне все рассказала, показала, довела и предложила после обеда еще сопроводить. Я, естественно, согласилась. Помогу ей потом чуток в учебе или зельем каким отблагодарю.

В данный момент из коллег не было никого, кроме физрука. Точнее, преподавателя по физической подготовке. Двухметровый мрачный лысый качок лет сорока примерно, мастер Ханк, с ненавистью взирал на тушеные овощи. Он кивком поздоровался, смерил нашу компанию взглядом и снова уткнулся в тарелку. Вступать в диалоги и общаться он не горел желанием. А овощи явно не вызывали у него любви.

Ну и ладно...

Зато я познакомилась с сотрудниками кухни и столовой. Рассказала причину появления кота, попросила его кормить. Не бросать же животное в беде, пока его хозяин в лазарете. Котики правят миром, даже если они огромные, рыжие и печальные. Так что проблем не возникло.

Младенец... Ну, тут отдельная история. Ахи, охи, сюсюканье, желание подержать на ручках... Пришлось разрешить, но не сейчас. И я договорилась о том, что вместе с продуктами для столовой будут заказывать и козье молоко для малышки. Естественно, за мой счет.

Оказывается, это обычная практика. Сотрудники университета могут оформлять заказ на любимые продукты или напитки, фрукты или сладости за личный счет. Привозилось все это в общих поставках, а потом каждый забирал свой заказ и расплачивался. Удобно.

Я пока ограничилась только козьим молоком для Софи, оплатила на две недели вперед. Сама перебыюсь казенным питанием, поскольку денег у меня лишних нет, а до зарплаты еще дожить надо.

День был утомительный и бесконечный. Я очумела от новых лиц, сведений, незнакомых помещений, всего того, что нужно запомнить. Не будь я жительницей крупного мегаполиса, привыкшей много работать, постоянно поглощать и перерабатывать колоссальные объемы информации, к разездам и к переполненному общественному транспорту, пришлось бы еще хуже.

А ведь завтра первый учебный день, и мне предстоит познакомиться с учениками и провести занятия.

Ох, Маша. Ну и встряла же ты с этим алхимическим преподавательским попаданством...

Вот почему нельзя было угодить на отбор невест для принца, как в милой романтической сказке? Может, хоть замуж бы вышла, раз в земной жизни не сложилось. Или стать бы студенткой магической академии. Я бы с удовольствием отучилась заново. Пожила бы снова вольной студенткой.

А что в итоге? Вот это вот все: тяжелые драматичные воспоминания, невесть куда испарившийся подонок, сломавший девушке жизнь, нежеланный младенец и сомнительная репутация. И напоследок — толпа студентов, которых нужно учить алхимии. А, повторюсь, я сама-то ее знаю только в том виде, в каком вытягиваю из памяти Мариэллы.

И что я завтра буду говорить толпе студиозов, не имею ни малейшего представления.

Алента меня страшно выручила, помогла найти все необходимые места, но эксплуатировать девушку бесконечно я не могла. Поэтому, как только я более-менее разобралась, сердечно ее поблагодарила и отпустила.

— Дальше я сама. Посижу немного в своем новом кабинете, осмотрюсь, гляну в методички и выданные мне материалы. Надо понять, как тут у вас все устроено. Спасибо вам большое, Алента. Увидимся на парах.

На этом она убежала. И больше чем уверена, весь вечер мне будут перемывать косточки. Я порадовалась своей предусмотрительности в отношении внешнего вида, прически и одежды. Видела я, как оценивающе и одобрительно смотрят на мой сегодняшний облик студенты, которых мы встретили. Даже маникюр не остался незамеченным, как и выглядывающая из-под широких брючин новенькая обувь.

Первое впечатление складывается именно по одежке, и ничего с этим не поделать. Явись я в затрапезном унылом наряде из гардероба Мариэллы, с ее измученным серым лицом и неухоженными волосами, все пошло бы совсем не так. Никто всерьез и достойно не принял бы такую девушку.

Глава 7

До вечера я просидела в кабинете. Софи уложила в креслах, составив их сидушками друг к другу. Кота спустила с поводка. Он походил по помещению, все обнюхал, после чего запрыгнул к малышке, прижался к ней, обняв лапой, и задремал. Так они вдвоем и проспали до самого ужина.

А я тем временем работала. Листала учебники каждого курса. Знакомилась с содержанием. Надо ведь понимать, что придется рассказывать первокурсникам, о чем говорить с пятым курсом. Я ведь не учитель. Вообще не представляю, как это происходит и как читают лекции. Не говоря уж о том, что я не маг. А все, что я умею и знаю, это не мои знания и умения. Меня ими просто... как бы так выразиться... накачали. Вставили флешку в мозг, грубо говоря, и перелили всю базу данных. Пользуйся, дорогая попаданка, не надорвись.

Изучила свое расписание на первый семестр. Количество часов и общих требований. Господи, если бы я еще помнила, что такое коллоквиум^[4]. А я должна провести их несколько. И ведь спросить не у кого. Как же не хватает смартфона с выходом в интернет и ноутбука. И ведь слово-то знакомое, а что оно означает, хоть убейте не помню.

А как проводить практикумы? А семинары? Ужасно хотелось побиться головой о стол. Сама я получила диплом давно, годы учебы выветрились из памяти. Остались лишь веселые воспоминания о студенческой жизни и друзьях. Но даже если бы я и помнила, тут ведь магический вуз, другой принцип обучения и иные знания.

Придется мощно импровизировать, решать проблемы по ходу возникновения и, может даже, напроситься на лекции к старшим коллегам. Мол, мне надо понять, как заведено именно в этом университете.

На ужин в столовой народа собралось больше. Завтра начинаются занятия, прибыли уже все студенты, преподаватели вернулись с прогулок. Оказывается, сегодня выходной день, типа местное воскресенье. И многие гуляли и занимались личными делами. Вот тоже, балда я, не удосужилась покопаться в памяти Мариэллы или в местном календаре и разобраться, что там и как. И нужно отметить

день, когда я сюда угодила, пока не забыла. Сопоставить его с земными датами. А то ведь и не отслежу ни свой день рождения, ни земной Новый год. Завтра у нас вроде как местное первое сентября, типа День знаний. Но на Земле вообще-то еще начало августа. Так что некий временной сдвиг есть, вот и нужно точно все высчитать. И завести нормальный ежедневник. А то я с этой своей тетрадкой и списками дел...

Познакомилась я с остальными преподавателями, почтенными дамами и господами, и приуныла. Люди все степенные, серьезные, магистры магических наук опять же. С колоссальным преподавательским стажем и умением одним взглядом останавливать быка на корриде, безбашенного студента в шалости. И тут я, молодая проффурсетка, с нулевым багажом за спиной.

Допустим, конечно, что мои реальные жизненные опыт и багаж знаний не нулевые, ведь настоящей мне на десяток лет больше, чем Мариэлле Монкар. Но все же под чуть снисходительными взглядами взрослых, мудрых магистров я тушевалась. Да что там... Перед их компетенцией и искусностью хотелось присесть в книксене. И если уж не произвести впечатление, то хотя бы не ударить в грязь лицом и не опозориться.

А потом я вспомнила все, что советуют просветленные гуру об ораторских выступлениях, об уверенности в себе, о том, что страх внутри нас и нельзя его показывать...

Ну и все.

Тут, блин, каждый час трясусь, чтобы меня не разоблачили и не объявили самозванкой. Какой уж тут трепет перед другими преподами.

Уподобляемся пингвинам из мультфильма, улыбаемся и машем, а там видно будет. Поэтому я улыбнулась и помахала ладошкой. В буквальном смысле. Тем, кто за столом сидел от меня далеко. А потом сосредоточилась на еде и на своих делах.

— Что вы все там пишете, Мариэлла? — спросила меня сидевшая через стол дама лет шестидесяти. Преподаватель бытовой магии, магистр Нора Хавьер. Строгая, чопорная, с аккуратным пучком волос на затылке.

— А? — отвлеклась я. — Что? А! Список дел. Чтобы ничего не забыть.

— У вас так много дел?

— Да, магистр. Очень! Не так-то просто покорять мир, не имея четкого плана.

Я отвечала абсолютно серьезно, но почему-то коллеги, с которыми мы только что познакомились, сочли это шуткой и развеселились. Только физрук глянул на меня строго, без тени улыбки, а потом снова уткнулся в мясное рагу.

— Ох уж эта современная молодежь, — добродушно заметил магистр артефакторики Лукас Чолин.

Выглядел он как классический такой маг из фэнтези-стимпанка: седой, с бородкой, а из кармана мантии торчали гóгглы^[5] с кожаным ремешком.

Я улыбнулась и пожала плечами. По сравнению с ним даже я настоящая — совсем-совсем молодежь. А уж Мариэлла и подавно. По факту она, то есть я, вчерашняя студентка. Ну максимум аспирантка, но нет, ныне я молодой специалист и самый юный преподаватель университета.

— А не подскажете, мэтры, где можно приобрести хороший планер? — На меня посмотрели непонимающе. — Еженедельник, а лучше ежедневник. — Меня опять не поняли. — Ну как бы календарь, каждому дню отдельная разлинованная страничка, куда можно записывать планы на этот день.

— А чем вас не устраивает простая тетрадь или блокнот? — полюбопытствовал магистр Чолин.

— Я думала, вдруг есть в ближайших лавках уже готовые, датированные. Чтобы не сидеть самой и не проставлять числа на весь год.

— Да мы как-то и сами справляемся, если уж есть такая необходимость зачем-то. Тем более что у каждого имеется университетское расписание, точно ничего не забудете.

Я кивнула и вписала в свой план: «Запатентовать типографский вариант ежедневников и еженедельников. Придумать несколько вариантов: для дам, для бизнеса, для обывателей».

Коллеги переглянулись, я это заметила боковым зрением, но спрашивать, что я там пишу, не стали.

А вот с ребенком мне помогли. Агукающую Софи донес до преподавательского общежития мастер Ханк, физрук, как я его упорно мысленно называла. На редкость неразговорчивый тип. Смотрит,

молчит, в беседах не участвует, ни о чем не спрашивает. Но когда мы закончили ужинать и выяснилось, что все идем отдыхать в общежитие, он молча забрал из моих рук малышку. Я-то хотела пристроить ее в слинг, но мужчина решил иначе. Просто поднял и дождался, пока я встану и отвяжу от перекладины стула поводок кота. Тот все время сидел у наших ног и ел из миски свой ужин, который для него выдали раздатчицы.

И вот так мы всей преподавательской группой и направились в общежитие. Мастер Ханк с младенцем, который просто терялся в его ручищах. Там такие бицепсы, что руками не обхватишь. Неторопливо идущие магистры в мантиях. Как и следовало ожидать, все они маги, все профессора со степенями и научными работами. Ну и я с котом на поводке и без мантии, потому что пока не решила, буду ее носить или нет.

Младенца мне вернули возле двери в мою комнату. Мы попрощались с коллегами, мне пожелали сил и крепких нервов. Напутствовали не бояться студентов и не поддаваться на провокации. Ну и разрешили обращаться за советом к старшим товарищам.

Столовая с утра была полна еще сильнее, чем накануне, хотя я думала, что это уже полный состав. Первый учебный день. Вернулись абсолютно все старшекурсники, прибыли опоздавшие, в том числе и преподаватели. Выяснилось, что некоторые прибыли ночью, а еще кое-кто на рассвете. Со мной знакомились, таращились на младенца и кота...

Да, они оба снова были со мной. Не могу же я их оставить в комнате. У кота нет лотка для туалета и сухого корма на день. Давала возможность сделать дела на улице, как собаке. И оставляла на ночь приоткрытым окно, рассудив, что приспичит — выберется наружу, благо первый этаж.

Софи со мной все время — ну тут понятно. Так что мы шли втроем, а также с нами была корзинка для дневного сна и все необходимые мелочи в сумке.

Боги этого мира, храните мастера Ханка. Мы столкнулись с ним у выхода из общежития. Этот могучий лысый дядька снова, не говоря ни слова, лишь уныло кивнув на утреннее приветствие, забрал из моих рук корзинку с младенцем и сумку. Слинг пока лежал в ней же, к слову. Я вела кота на поводке.

Он же — физрук, не кот — после завтрака помог мне дойти до аудитории, где у меня по расписанию должны были пройти первые пары у всех курсов. Занятный мужик. По ощущениям, я его не интересовала как женщина совсем. Кота он тоже игнорировал, как предмет мебели. А вот младенец вызывал у него симпатию.

Ладно. Мне надо сосредоточиться и, как соберутся студенты, представиться и начать быть преподавателем.

Ох... Страшновато. Спала я, правда, как убитая. Никаких ночных переживаний. Я так устала за три дня безумной гонки, что максимум, на что меня хватило, — это приготовить постель, воспользовавшись чистым, хоть и казенным постельным бельем и принадлежностями. А потом еще один раз ночью сунуть Софи бутылку с молоком. Ночные кормежки — это трудно, надо потихонечку начинать отучать ее от них. Водичка там, все дела. Иначе я загнусь с такой нагрузкой. Лучше днем выстроим четкий почасовой график питания и станем увеличивать порции. Она ведь растет. Когда их, детей, начинают прикармливать? И чем? У кого-нибудь спросить бы нужно. У кухонных тетечек? Вон они все какие, наверняка своих уже вырастили...

И очередной пункт в список дел. Посмеиваясь, я так и написала на обложке печатными буквами: «План покорения мира». Ага. И завела вторую толстую тетрадь, которую нашла в кабинете, для работы. Соорудила себе ежедневник — даты проставила вручную на те дни, что я тут обитаю, и на неделю вперед. Пока так, больше не успела до первой пары. И оставила место для заметок и общего списка всего, что нужно не забыть. Смартфон, миленький мой, как же мне тебя не хватает. С приложениями, диктофоном и микрофоном, выходом в сеть, календарем и множеством функций, облегчающих жизнь.

Впрочем, мне вообще многого не хватает, только нет возможности сесть и погоревать. Я даже обдумать свое попаданство и офигеть как следует не успеваю. Гребу как заводная, чтобы просто не пойти ко дну.

И все же нужно точно высчитать и сопоставить даты с земными. Уже узнала, что общая продолжительность года фактически такая же, количество часов в сутках тоже. А вот длина месяцев привязана к спутнику планеты, то есть к луне, и составляет двадцать восемь дней. Поэтому месяцев тринадцать. Новый год тут отмечают не в середине зимы, а в первый день весны. Зимой же празднуют День поклонения

богам, который выпадает на день зимнего солнцестояния. Это один из самых главных и торжественных праздников.

Первыми у меня сегодня был пятый курс. Причем, учитывая, что в данном университете не было своего факультета алхимии и зельеварения, а предмет является общим и обязательным, но не профильным, то на лекции собирался весь поток. А вот практические занятия уже группами с факультетов.

Вроде как все должны уметь варить зелья и эликсиры, понимать принципы, знать основы и базу. И так далее. Примерно как биологию или химию в средней школе. Никого не интересует, пригодится тебе это в жизни или ты всю жизнь счастливо проработаешь продавцом или водителем. Но основы предметов в тебя будут вдалбливать все шесть-семь лет средней и старшей школы. Вот я сейчас буду типа учителем биологии. Примерно. Только не об инфузориях-туфельках рассказывать стану, а о зельях, эликсирах, их необходимости и как их готовить.

Ага. Очень им это надо, вот тем здоровенным, скалящимся в предвкушении парням, которые выше меня на полторы-две головы. Мое нынешнее тело с ними одного возраста. Да и девушки предвкушают.

Предстоит веселье...

— Ну что ж... Приветствую вас, — начала я, когда все уселись, заняв аудиторию. Мой голос разнесся до самой галерки, и я цокнула: — Ух ты! Классная акустика!

Кто-то из парней хохотнул, и его тоже было отлично слышно. Я чуть улыбнулась, встала из-за стола на кафедре и обошла его. Присела на него, стоя лицом к студентам, и продолжила:

— Думаю, только ленивый или похмельный, тот, кто утром проспал, еще не в курсе, кто я. Но давайте все же представлюсь, как положено. Меня зовут Мариэлла Монкар. Я еще не магистр, соответствующую степень не получила, поэтому обращаться ко мне следует «мастер Монкар» или «мастер Мари». Я предпочитаю короткую форму имени, так проще и удобнее. Можете, конечно, и профессор Монкар. Но мне лично кажется, что я не вписываюсь в образ сутулого дядечки с седыми усами. Зря смеетесь, — улыбнулась я, пережидая волну смешков. — У меня четкие ассоциации, между прочим. Поэтому давайте остановимся на обращении «мастер».

Собственно, я и буду вам весь этот год давать предмет зельеварения и алхимию. И говорю сразу. Я редкостная зануда и выем вам весь мозг. Мужайтесь. Парни снова заржали, девушки переглядывались и шушукались

— Продолжим знакомство. У меня есть ребенок. Вот эта девчушка в корзине, ее зовут Софи. Я сама в шоке, но так бывает. Однажды утром открываешь глаза, а рядом младенец, и тебе говорят — теперь он твой. Так что видеться с ней вам придется ежедневно. Она будет присутствовать на всех наших занятиях. И нет, я не боюсь везде таскать с собой младенца. Она ест козье молоко из бутылочки и имеет на редкость спокойный характер. Если возникнет острая нужда, активируем заклинание шумоподавляющего щита. Но специально стараться вести себя тихо, чтобы ее не побеспокоить, не нужно. Она привыкнет к вам и к белому шуму и не будет его замечать.

— Что такое «белый шум»? — спросил голос с задних рядов.

— Постоянный монотонный шум, сливающийся в нечто неразборчивое. Тот самый, который спустя некоторое время перестаешь воспринимать как источник раздражения. Вопросы?

— У вас есть муж?

— Ее отца уже нет с нами. А мы с Софи неунывающие, свободные и независимые девушки, — усмехнулась я. — Что-нибудь еще?

— А кот? Тоже ваш? И тоже будет присутствовать на всех парах?

— Кот не мой. Он временный гость, пока его не заберет хозяин. Но пока — да, будет тусить с нами.

— Что такое «тусить»?

— Что такое «тусить»... И как я это вам объясню? — пробормотала я. — Это сленг, дамы и господа. Он будет с нами проводить время и... находиться в нашем обществе. Как-то так. А, кстати! К вам как обращаться-то? По фамилиям? По именам? Говорю сразу, что я ужасно непочтительная особа. И если вдруг вы ждете что-то вроде «глубокоуважаемый студент, месье Помидор Красненький» или «достопочтенная студентка, маузель Редиска Пупырчатая», то это не ко мне. Решайте, когда будете представляться. Будете Красненький и Пупырчатая или просто Помидор и Редиска.

Аудитория взорвалась от хохота. Веселились все, и парни, и девушки. Я помолчала, давая им возможность отсмеяться. Наверное, я

веду себя ужасно непедагогично, но я и не педагог. Что уж там, никогда и не претендовала.

— Итак, быстро пробежимся по списку. Заодно и посещаемость отметим в журнале. Мне в деканате сказали непременно считать вас по головам, чтобы не отбились от стада и не прогуливали. — Я села за стол и взяла ручку — Назвать свое полное имя и озвучить, как к вам обращаться. Только в темпе. Начали.

— Я месье Красенький. Анри́ Лефлэкс, — поднялся со шкодливой ухмылкой парень у окна.

— Лефлекс, приятно познакомиться, — кивнула я и поставила точку напротив его фамилии.

— Я Редиска. Анна Дифрэ, — хихикнула его соседка.

— Анна! Так! Вношу поправки. Не обещаю, что сразу всех запомню, но постараюсь. Давайте-ка, сначала я познакомлюсь со всеми Помидорами и Редисками. А потом представятся Красенькие и Пупырчатые.

Аудитория снова взорвалась от смеха. Но дальше дело пошло-поехало быстро. Студенты назывались по очереди. Естественно, я не питала надежды запомнить такую толпу. Но общее представление сложится, кого-то и в лицо узнаю потом. Надо ведь с чего-то начинать.

— А как быть, если я лорд и не желаю быть просто Помидором или просто Красеньким? — манерно уточнил один парень. Титулованный аристократ, судя по всему, не просто дворянин.

— Вас придется запомнить отдельно и особенно. Вы можете быть месье Породистым Баклажаном. Так подойдет?

Его сосед загоготал в голос и упал лицом в ладони, сотрясаясь всем телом. Остальные тоже веселились до слез. Мне представились оставшиеся, а я всех отметила в журнале.

Глава 8

— Что ж, начнем, — когда смех стих, продолжила я. — Сегодня у нас занятие, по сути, вводное. Так что не будем открывать новую тему, а давайте просто поболтаем о предмете. Я уже в курсе, как вы воспринимаете зельеварение. «На отмахнись», лишь бы сдать и пройти по баллам. Это не моя проблема, а ваша. Я предупредила, что буду занудствовать и надоедать. Но давайте мы с вами сегодня займемся вот чем... Для начала разделитесь на две группы. Вот прямо по воображаемой линии в центре аудитории. Слева номер один, справа номер два.

Народ зашевелился, начал сдвигаться вправо и влево. Кто-то даже пересел на желаемую половину. Похоже, им просто было любопытно, что еще я сейчас выкину.

— Чудненько. Теперь устроим мозговой штурм.

— Что такое «мозговой штурм»? — снова голос с галерки. И вроде тот же самый, что и в прошлых уточнениях.

— Вы и этого не знаете? — удивилась я. — Это метод группового решения задач, когда участники генерируют максимальное количество идей. В том числе совершенно фантастических, глупых, странных и которые, казалось бы, невозможно использовать на практике. Идея озвучивается, крутится и вертится, рассматривается со всех сторон, обсуждается. Мозговой штурм проходит в три этапа. Сначала постановка проблемы. Потом генерация идей. И напоследок — экспертный этап, группировка идей, отбор и оценка. Принцип понятен?

— Да. Но зельеварение... Алхимия... Что там генерировать? — озадаченно спросила симпатичная девушка с третьего ряда.

— А что такое «генерировать»? — снова тот же голос. Хм, кто-то еще больший зануда, чем я. Радует.

— Порождать, производить, создавать и возбуждать колебания. Это как передатчик, который начинает генерировать волны. Вот вы будете генерировать идеи.

— Что такое «передатчик»? — проявил настойчивость некто, но тут на него зашикали и дали подзатыльник, судя по звуку.

— Группа у окна, — не стала я обращать на это внимание. — Ваша задача: придумывать короткие жизненные ситуации и проблемы. Любые. Вообще разные. Прыщи выскочили, а на носу светское мероприятие. Лысина вдруг образовалась, а ты еще молод душой и чуточку телом. Перепачкался в масле и боишься, что влетит от родителей за дорогую испорченную вещь. Живот болит. Похмелье. Попал на необитаемый остров и обгорел на солнце. Экипаж скрипит. Едешь на поезде, и дым в купе ворвался, голова заболела. Понятен принцип? Просто любая проблема, которая пришла в голову. Что угодно.

— Да, поняли.

— Отлично. Группа у двери. Ваша задача — генерировать максимально возможное количество зелий и эликсиров, которые вы, теоретически, могли бы приготовить, и эти зелья как-то могли бы помочь.

— Так ведь зелья строго для чего-то одного... — почесал затылок симпатичный лохматый блондин с первого ряда.

— Ну, оно придумано для этого. Но кто сказал, что его нельзя использовать для чего-то другого? Вот, к примеру, нашатырь. Вонючая дрянь, которой приводят в чувство обморочных дам. Но им можно отбеливать, отпугивать насекомых, чистить металлы, использовать как удобрение. А иногда те свойства зелья, которые заявлены как побочные, могли бы нам помочь в чем-то прямо. Давайте, прямо коротенький штурм. Пятнадцать минут. А потом другая задача, и вы поменяетесь ролями. Начали! — Я дала отмашку группе у окна.

— Отравление! — как-то неуверенно произнесла девушка со второго ряда.

— Стандартный антидот, — прозвучал немедленный ответ.

И все замолчали, переглядываясь.

— И все? Ну же! — поторопила я их. — Слабительное, например. Прочистить изнутри.

— Рвотное! — крикнул кто-то с задних рядов.

— Омолаживающее. А что? Оно запускает регенерацию.

— Общеукрепляющее.

— Разжижающее кровь.

Я кивнула, подбадривая, и махнула группе генерации проблем:

— Следующая проблема.

— Прыщи выскочили! — хохотнул парень. — А грядет бал.
— Зелье от прыщей, само собой, — тут же отзеркалил его ухмылку студент из второй группы.
— Очищающее мыло.
— Зелье от воспалений.
— Антидот!
— Слабительное! — И снова общий смех.
— Зря смеетесь, — с улыбкой прокомментировала я. — Раз прыщи внезапные, значит, наверняка съели какую-то вредную гадость.
— Общий очистительный эликсир...

В общем, так мы развлекались десять минут, потом сменили роли. Группа у окна должна была назвать уже не проблему, а эликсир или зелье. А вторая группа придумать не менее трех способов его использования в жизни, кроме основного заявленного.

Мне и самой было интересно послушать. Для меня-то все эти названия препаратов, назовем их так, лишь просто некая абстрактная информация, которую мне передали в общей базе данных.

Незаметно пролетело время. Мы, конечно, не уложились в заявленные полчаса, и все удивились, когда прозвенел колокол, сообщая, что пара закончилась. Студенты как-то растерянно уставились на меня и хором загомонили. А я со смехом подняла руки:

— Стоп! На сегодня все. Так как мы с вами благополучно проговорили все отведенное нам время, то в качестве задания к следующему занятию вам — прочитать первую главу учебника. Именно прочитать и понять, о чем она и что мы будем учить дальше. И вспомнить основы техники безопасности и базовые понятия, которые вы проходили ранее. Я понимаю, что после каникул у вас мозги стерильные, но я буду спрашивать.

Уходил народ со смехом. Не роптали и не пытались меня подначивать или испытывать на прочность. Не успели просто, так я их ошеломила сразу же. Они еще не отошли от горячки мозгового штурма и на ходу продолжали обмениваться идеями, которые не успели высказать вслух.

Наконец аудитория опустела, и я шумно выдохнула. Вроде удалось их заинтересовать и переключить фокус внимания с того, что

новый препод — сопливая девчонка их же возраста, к тому же с ребенком и без мужа. С этим вообще занято вышло. Вот что значит правильно построенная фраза. Все уверились, что я молодая вдова. При том что прямо я этого не говорила. Но и не разубеждала. Пусть так и остается. Мне-то безразлично, но опыт общения с той служанкой в пансионе говорит, что ребенок вне брака — это пятно на репутации. А тут великовозрастные лбы, последний курс, уже взрослые, наглые, самоуверенные. И любители волочиться за женским полом. Видела я изучающие взгляды парней, когда они устраивались за столами.

Хорошо, что я с утра сделала строгую прическу и нанесла макияж, с которыми казалась немного старше. И надела костюм с юбкой и рубашкой, которая с запонками. В нем у меня вид бизнес-леди. Вот этого образа по возможности и надо придерживаться. Дамочки, уверенной в себе, упорной, немножечко стервозной, абсолютно не стесняющейся того, что мать-одиночка.

В общем, держим хвост пистолетом, а еще запасаемся иронией и сарказмом. Без них мне точно не выплыть.

Примерно в таком же ключе прошло знакомство с другими студентами. Ошеломить, заинтересовать, заболтать, не дать возможности потерять концентрацию на поставленной задаче. Но с учетом пройденного материала. Ведь понятно, что первокурсники не знают столько, сколько те, кто уже отучился пять лет.

Видела на одной из лекций Аленту. С улыбкой поздоровалась, а ее просто распирало от любопытства, как же пройдет лекция. Но надо отдать должное, девушка не пыталась как-то демонстрировать наше с ней знакомство или еще что такое. Сидела и слушала как все.

Между парами я успела дважды накормить Софи и поменять подгузники. Замечательный ребенок! Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить. Даже когда она не спала, то не мешала мне общаться со студентами. Выглядывала из слинга, когда я ее вытаскивала из корзинки. Или пыталась схватить кота за хвост и уши, когда лежала. Надо ей купить пару погремушек, что ли. Или студентов попросить самих сделать. О! А это мысль, тут ведь есть и артефакторы, работать руками умеют. И кот умница. Вот бы мне своего такого понятливого пушистика.

Об этом я ему и сказала:

— Хороший ты кот, умный, воспитанный. Нам бы с Софи такого помощника. Если не захочешь возвращаться к своему хозяину, оставайся с нами. — Я погладила его по голове и почесала шею.

Кот вздохнул, совсем как человек, и глянул на меня грустно.

— Вечером ходим в лазарет, узнаем, что там и как. Пока мне некогда, а одного я тебя отпустить не могу, сам понимаешь.

Он будто и правда меня понял, опять вздохнул и полез в корзину, улегся рядом с малышкой и придавил ее лапой. Мол, все, погуляла, спи давай.

На обед в столовую нас сопроводили студенты второго курса. Они как раз были у меня последними, они же и помогли дотащить до преподавательских столов корзину со спящей в тот момент Софи.

Мои слова, что не стоит пытаться вести себя тихо, все поняли и приняли. И судя по тому, как вела себя девочка, я была права. Она слишком крошечная еще, так что как заведем с самого начала, так и будет.

Но мне все же потребуются кроватка в комнату и совсем скоро детский манеж в аудиторию. И шезлонг-качалка. Да. Ну и так, что-то, пока не знаю что. Для детей наверняка полно всяких необходимых штук, о которых я просто не в курсе.

— Ну и как вам первый рабочий день? — спросила меня за обедом магистр Хавьер.

— Да нормально. Пообщались, познакомились.

— И все? — подняла она брови.

— А что еще? — не поняла я.

— Ну... вы такая юная И с ребенком. Как справились? И как студенты к этому отнеслись?

— Да, Мариэлла. Мы все до сих пор в огромном недоумении, как же так случилось, что вас приняли на работу, — немного манерно протянула магистр Франсуаза Зандрó, преподаватель методологии водных плетений. Вот даже близко не представляю, что это.

— А что именно вас смущает? — невинно поинтересовалась я. Похоже, эта Франсуаза та еще штучка. Красивая, холеная, на вид лет тридцати пяти, явно аристократка, эдакая местная звезда.

— Вы такая молоденькая, никакого опыта преподавания, да еще и с ребенком...

— Ах вы об этом! Постареть я обязательно успею. Сами знаете, коллеги, моргнуть не успеешь, а уже первые морщинки откуда-то появляться начинают. Опыт преподавания — тут вы правы, да. Его нет, но тоже дело наживное. Никто ведь не рождается с этим навыком. А ребенок... Мне дико повезло, что я успела им так удачно обзавестись по молодости. Сил много, здоровье пока позволяет справляться с нагрузкой. Вырастет мне подружка, выйдет замуж, а я буду все еще молода и хороша собой. Прекрасно же.

Магистр Чолин захихикал, зажав бородку в кулак, а магистр Хавьер хитро улыбнулась и промолчала. Похоже, я чем-то уела Франсуазу. Понять бы еще чем.

Я перевела тему и спросила, в какой магазин или лавку в городе можно зайти в ближайший выходной, чтобы докупить немного мебели в комнату. А именно — кровать для малышки и прочее необходимое для нормального существования.

— Организую, — подал голос мастер Ханк, и все вытаращились на него так, словно вдруг заговорил стул. — В город собирался.

— Спасибо, вы меня очень выручите, — не стала я отказываться от помощи. — Прежде всего — кровать, Софи уже тесно в корзинке. Только, пожалуйста, что-то простое и, если есть такая функция, с возможностью снимать переднюю стенку. Чтобы она нам года три-четыре послужила.

— Сделаю, — буркнул мужчина, бросив взгляд на малышку, и продолжил обедать.

Странноватый дядька, непонятный пока. Остальные преподаватели переглянулись, но комментировать не стали.

До вечера я в итоге опять просидела в учебном корпусе. Набросала план на последующие занятия. Очень примерный, но надо же с чего-то начинать. И говорю сразу, я отошла от предложенных мне методичек. По-моему, нужно действовать немного иначе. Им же, студентам, никому не интересно зельеварение. И я их могу понять. Если бы я сама, не Мариэлла, а землянка Мария Каменева, вынуждена была учиться вот по этой мутоте, то тоже не горела бы энтузиазмом.

А еще пришлось сварить приличный запас одного полезного зелья. Завтра буду им поить старшекурсников. Благо все необходимые

ингредиенты в лаборатории имелись в большом количестве. Не понравилось мне то, что я увидела сегодня на студентах. Это какое-то умение, доставшееся мне с новым телом, наверное. Черт его знает, но я просто смотрела, видела и понимала, что это.

И проблему решу, и задание дам, начнем нормально заниматься и учиться. С завтрашнего дня в расписании стоят и практические занятия и лекции, но уже по две пары. Какой идиот составил это расписание? Или они тут при совсем престарелом и немножечко склеротичном ректоре вообще не заморачиваются на эту тему?

Около восьми вечера по местному времени в дверь нашей с Софи комнаты гулко постучали. Я открыла и обнаружила в коридоре мастера Ханка с детской кроваткой. Классической такой, с бортиками-решетками, на крепких квадратных ножках.

— Ой. А когда вы успели ее собрать?

Мужчина молча указал подбородком куда-то в коридор. Наверное, это означало, что в своей комнате.

Я посторожилась, он легко поднял деревянную кроватку, словно та ничего не весит, и внес в комнату. Посмотрел на меня вопросительно, а я заметалась. Как-то не ожидала, что так все быстро случится, и не подготовила местечко.

Мастер Ханк понаблюдал за моим бестолковым мельтешением, поставил кроватку у выхода. Прошел и просто отодвинул меня в сторону, указав пальцем на дверь ванной комнаты. Так же, не говоря ни слова, вручил мне корзинку с Софи и котом. Эти двое там мурчали и агукали.

А потом добровольный помощник сам принялся переставлять мебель, не интересуясь моим мнением. Немыслимым образом умудрился передвинуть практически пустой пока, но все же тяжеленный платяной шкаф к стене с входной дверью, и тот встал четко в это пространство. Обалдеть, сколько сил у мужика. Книжный стеллаж вместе с книгами, которые я уже успела частично расставить, занял место рядом с дверью в санузел. Письменный стол уехал влево и освободил подход к окну. На место платяного шкафа, в изножии моей кровати встал новый, детский предмет мебелировки. А разложенная ширма визуальнo изолировала мою кровать от взглядов со стороны входной двери и как бы разделила два спальных места.

Я не вмешивалась, решив, что, если окажется неудобно, тогда и буду думать. А пока для меня это совершенно новое незнакомое помещение, к которому я не привыкла.

Последним штрихом мастер Ханк переместил ковер, стоящую на нем мягкую мебель и столик левее и ближе к кухонному уголку. Диванчик у стены, кресло спинкой к окну. Получилась эдакая типичная в моем мире кухня-столовая, как в студиях. Только стол не обеденный, а низенький журнальный.

Кивнув своим мыслям и не обращая на меня внимания, физрук вышел из комнаты, но дверь не прикрыл. Я только взглядом его проводила в недоумении. Вернулся он буквально через минуту. Притащил матрас и постельные принадлежности для детского ложа. Молча все там постелил, заправил. Снова ушел.

Я уже вообще не пыталась понять его логику. Стояла и ждала, чем все закончится.

А мужчина снова вернулся, но с разноцветным толстым одеялом в стиле пэчворк. Придирчиво изучив чистый пустой пол рядом с детской кроваткой, он расстелил там свою ношу и повернулся ко мне.

— Ползать, — указал пальцем на подготовленное место. Повернулся к малышковой кроватке и ткнул в нее. — Спать.

— Поняла, — серьезно ответила я. Открыла рот, спросить сумму, которую я должна компенсировать, но он опередил меня.

— Подарок.

— Но я так не могу, мастер Ханк. Позвольте, я...

— Не вам. Ей! — приблизился к нам, кивнул на улыбающуюся и пускающую пузыри Софи и спросил: — Можно?

— Можно. Любите детей?

— Да.

Мужчина бережно вытащил своими огромными ручищами кроху, отнес на одеяло для ползанья. Положил ее, сам присел рядом прямо на пол и с умилением принялся тетешкаться.

Сказать, что я была озадачена, это вообще ничего не сказать. То есть вот этого здоровенного мужика я, молодая привлекательная девушка, не интересую от слова совсем. Он даже не говорит нормально, слова не вытянешь. Но зато тает и расплывается в мягкой улыбке при взгляде на беззубую малявку. Надо бы навести справки о нем, чудно же.

Посмотрела я на них, да и пошла читать. Мне они оба не мешают. Точнее, трое. Кошак тоже с ними рядом пристроился и принялся громко мурлыкать.

Дверь в мою комнату осталась открытой нараспашку. Несколько раз по коридору проходили преподаватели, живущие на этом этаже. Я еще не со всеми познакомилась нормально. Кто-то притормаживал, озадаченно заглядывал и изучал открывшуюся картину. Я сидела за столом над книгой по редким зельям и делала себе рабочие пометки. Гость играл с малышкой на полу, не обращая ни на кого другого внимания.

Глава 9

На следующий день мне удалось пересечься с утра с магистром Хавьер и спросить у нее, что вообще происходит и не стоит ли мне начать беспокоиться. Поскольку принимать ничьи ухаживания я не настроена.

— У Ханка всю семью вырезали много-много лет назад. Жена и пять малолетних дочерей. Младшей и годика не было. Никого не осталось. Мастер принес клятвы и обеты богам, встал на путь воина-жреца, выследил и прикончил всех причастных к убийству. Но с тех пор он вот такой. Не разговаривает почти, не интересуется ни женщинами, ни... Потом его сюда пригласили преподавать. И вот он уже лет двадцать учит студентов. Но если потребуется, боги призовут своего воина, и Ханк исполнит долг.

— Ой-ой... — протянула я. Вот так трагедия у бедняги...

— Так что, Мари, если вам не претит его помощь, пусть. Вам полегче, ему хоть немного тепла. А в плане ухаживаний не беспокойтесь. Не от Ханка. У него обет безбрачия и духовной чистоты, как я уже сказала. И да, это не тайна. Так что не думайте, будто я сплетни или что-то секретное вам рассказала. Просто вы новый человек, не успели разобраться сами.

— Благодарю, магистр Хавьер. Мне просто было неловко, не знала, как поступить.

— Зовите меня просто Нора. Мы все так привыкли тут за долгие годы, общаться просто по именам. И еще... Мы все, конечно, в диком недоумении, как могло такое произойти, что вас приняли на должность с таким маленьким ребенком... За полвека моей работы здесь, впервые такое. Что-то наш милый старенький ректор начудил... Но, может, это и неплохо. Новые времена, свежая кровь, молодые преподаватели... Если что, обращайтесь за помощью, не стесняйтесь. Нам будет приятно повозиться с малышкой. У нас всех дети или еще не родились, или уже давно выросли. И Ханку не запрещайте, пожалуйста. Вдруг хоть немного оттает. Он хороший человек.

Ушла я после беседы в подавленном настроении. Печально все это. Сказочный мир с магией жесток так же, как мой, настоящий.

Ах ты ж! Я так и не дошла до лазарета и не узнала, как там с найденным мной мужчиной. Хотя собиралась. Вот реально нет сил и времени. Вроде отдала человека в больницу, забочусь временно о его питомце, ну и все. Придет — верну кота, скажу «не стоит благодарности». А бегать его навещать...

Сегодня у меня снова были пятикурсники, причем полноценная пара, а не как вчера, вводный час. Мандраж меня немного отпустил, я лишилась невинности на стезе преподавания и была настроена уже на обучение.

Но с поправками. Как уже говорила, мне накануне крайне не понравилось то, что я увидела на всех курсах, кроме первого. Эти еще не успели отличиться.

— Приветствую. Все собрались или сейчас вбежит проспавший экземпляр? — поставив корзинку с Софи на стол, спросила я.

— Все, — вальяжно отозвался парень с первой парты. Эдакий местный сердцеед, судя по манерам и внешности.

— Чудесно. Тогда перекличка. Я наслажусь сомнительным счастьем поставить точку напротив ваших имен и с чистой совестью отдам потом списки посещаемости декану. Почему нельзя это делать как-то иначе? Ну не знаю, пропускную систему поставить. Приложил карточку, автоматически все отметилось... Что за каменный век, вручную все отмечать? Ладно, не обращайтесь внимания. Это я так... Начали.

Всех отметив, я отложила в сторону журнал.

— Итак. Сегодня у нас на повестке кратенько проверить, что вы поняли из первой прочитанной главы. Надеюсь, вы с ней ознакомились. После этого я вам раздам один эликсир, вы его примете. Домашним заданием будет: понять, что это было. И записать наблюдения за своим организмом. Абсолютно все. Прыщ выскочил, левая нога зудит, чихать хочется, внезапно полюбил котиков и разлюбил капусту, сонливость или наоборот бодрость. То есть абсолютно все, что заметите в своем состоянии.

— А что за эликсир, мастер Монкар?

— А это вы мне поведаете, Лефлекс. Я ведь только что сказала, это будет одним из пунктов домашнего задания. А сейчас мы

проверим, как вы справились с прошлым. Расскажите же мне, о чем была первая глава учебника алхимии за пятый курс?

— Э-э-э... — заерзал он на месте.

— Печаль, Лефлекс. Вы не научились читать? Анна, что вы скажете? — перевела я взгляд на его соседку. Они сегодня снова сидели рядом.

Анна оказалась более исполнительна — о чем глава, она смогла ответить.

— Достаточно, спасибо. Сейчас задам вопросы по прочитанному материалу. И не мямлите, студенты. Вопрос — ответ, быстро. Все, что успели запомнить. Не бойтесь ошибиться, это ведь не экзамен. И в темпе, в темпе! Шевелите мозгами. Триста секунд на опрос, по десять секунд каждому на ответ. Начали! Следующий...

Количество секунд в минуте и минут в часе здесь такое же, как на Земле. Я успела уже это уточнить. Так что за этот кусочек времени можно успеть многое.

Похоже, так их еще никогда не опрашивали. Но за пять минут я успела спросить почти тридцать человек. Кто-то отвечал, кто-то мычал, тогда я сразу же переводила вопрос следующему студенту. Выбирала случайно, просто указывая карандашом на первого попавшегося студента с разных мест.

— Прекрасно! А теперь давайте разберем, для чего вам может понадобиться это зелье, кроме как для остановки кровотечения при ранениях. Рецепт можете посмотреть на нужной странице. Я пока запишу вам его на доске.

Народ зашелестел, а я быстро записала все ингредиенты. Старая милая грифельная доска и мел. Со времен школы с вами не общалась. Ностальгия аж...

— Итак. Кровоостанавливающее зелье. Прямое назначение его понятно. В каких ситуациях еще его можно использовать? Можете обдумать, спрошу чуть позднее. А пока давайте запоминать его состав и последовательность действий при готовке. Потому что если не соблюсти заданный порядок, то получится совсем другое зелье. Кто вспомнит, какое? Подсказка: вы его проходили на втором курсе. Что, никто? А запишите-ка и это в домашнее задание. И раз у вас так плохо с памятью, то мы с вами выучим сегодня еще один полезный рецептик...

— Мастер, но в учебнике... — попытался кто-то роптать против дополнительного материала.

— Вэбер, вы серьезно? Вы пришли в первый класс? Вам в этом году выпускаться, а вы недовольны тем, что узнаете, как готовить для себя полезное зелье?

— А какое, мастер Монкар? А то вдруг нам всем действительно надо?

— Не сомневайтесь. Совершенно точно надо. Я вообще поражена, как мало вы знаете. Это ведь препараты первой необходимости. Вот давайте-ка еще потратим буквально пару минут, иначе мы не уложимся в тайминг лекции, но мне хочется понять масштаб бедствия.

— Чего? Тайминг? Это что?

Я не обратила внимания на эти шепотки, лишь мысленно прикусила язык. Срываюсь на обычную современную речь.

— Быстро поднимайте руки, если вы знаете рецептуру и в состоянии сами, лично приготовить названное мной средство. Руки подняли, опустили до следующего вопроса. В темпе! Зелье от головной боли. Для памяти. От прыщей. Заживление ран. От запаха пота. Для роста волос. От температуры. Противозачаточное. От насморка. Бодрости. Снотворное. От похмелья. От ожогов. От усталости глаз. Удаления волос. Сосредоточенности. Ускоренной регенерации. От шрамов. Очищающее...

Я закидывала их названиями и следила за редкими поднятыми руками.

— Стоп! Позо-о-ор, ребята. Вы как жили до сих пор? Это все вы могли выучить наизусть за эти годы. Причем я назвала сейчас только жизненно важные, без которых... Ну, хреново без них.

— Но, мастер... Мы же не зельевары и не алхимики. И магистр Эстрелла нам этого не давала на занятиях, мы только по учебнику.

— Кофе кто умеет готовить? — поднялись две руки. — А чай заваривать? Ну хоть это вы в состоянии. Ладно. Давайте научу. Какое из всего списка возьмем первым? О, я и сама знаю. Для памяти!!! А то вы прямо как наш милый ректор, которому много-много-много лет.

Студенты засмеялись. А потом кто-то крикнул с задних рядов:

— А от похмелья можно?

— Можно, но сначала для памяти. А то ж не запомните, все перепутаете и сварите самогон, вместо эликсира от похмелья. Не хочу потом с руководством университета разбираться, чему я вас учу. Но пока вернемся к учебнику. Программа, увы, незыблема. Начали.

В конце пары, когда мы разобрали весь положенный материал, я их научила готовить зелье для улучшения памяти. Велела выучить, а если есть возможность, попробовать приготовить. Благо оно несложное.

— А теперь ваше домашнее задание. Напоминаю: попытаться понять, что это за эликсир. Из чего состоит. И записать все изменения в своем состоянии. Прошу вас помочь и разнести по рядам пробирки.

Одна девушка и двое парней с первого и второго рядов неохотно, но все же поднялись под моим взглядом, подхватили подставки и начали выдавать по пробирке каждому.

Студенты с опаской пригнувались, кто-то пытался сканировать магией, кто-то просто смотрел на свет и в магическом зрении тоже. Некоторые пробовали по чуть-чуть, опасаясь дегустировать. Другие же наоборот, махом заглывали, вообще не задаваясь вопросом, а что им дали-то.

— Смелее! — подбодрила я. — Даю слово мага, что вам ничего не угрожает.

После этого дело пошло чуть веселее. Слово мага — это не хухры-мухры. В памяти Мариэллы это было четко.

Интересно, каково им будет после этого? Похоже, я разрушу несколько романов. А кто-то перестанет мучиться. Я, конечно, все понимаю... А, нет, не все. Навязанные чувства, по мне, неприемлемы. А чуть ли не каждый третий из студентов либо под приворотом, либо под остаточным воздействием. Как так-то, почему никто этого не замечает? Неужели преподаватели этого не видят? Хоть бы подсказали им, что ли. Мол, студент, идите и приготовьте, ну или купите, если сами не можете, зелье от приворота. А то ходите, как теленок, слюни пускаете на девушку. А она вас приворожила. А вы, студентка, ну хоть немного думать надо? Неужели неясно, что вас приворожили и вы готовы на все, лишь бы в постели того месье очутиться?

Тьфу, короче. Балбесы.

Будут они у меня все «трезвые», влюбленные лишь по собственной воле и желанию. И с хорошей памятью. Да.

После ужина я все же нашла в себе силы дойти до лазарета. Спросила про свою раненную в голову находку.

— В коме он, — ответила мне медсестра.

— Что, так и не приходил в себя? А как он вообще? Умирать не собирается?

— Очнулся вчера, назвался, спросил про кота. Мы сказали, что с животным все в порядке и за ним присматривают. — Девушка посмотрела на сидящего у моего ног кошака и хмыкнула своим мыслям. — Потом месье впал в транс, который перетек в кому.

— Вот дела... — пробормотала я. — И что же? В полицию сообщили? А то меня никто не опрашивал, я второй день жду вызова или их визита, чтобы дать показания.

— Нет, какая уж полиция, если человек без сознания и ничего не может сказать. Да и потом, мало, что ли, жертв грабежей и трупов в городе вылавливают? Вы ведь его наверняка нашли где-то на помойке, судя по состоянию его одежды.

— А кольцо? Я видела, у него кольцо оставалось на пальце. Может, по нему можно опознать?

— Да опознали уже, он ведь назвался. Но дальше дело пока не движется. Как снова очнется, мы сообщим, что вы заходили и что с его котом все в порядке. — Она зачем-то подмигнула животному и ушла.

— Ты что-нибудь понял? — спросила я своего временного питомца.

Тот жалобно мяукнул и потерся о мои ноги.

— Да не бойся, не брошу я тебя. Понятия не имею, как и зачем я в этом мире... Но вероятно, чтобы заботиться о малышке Софи и о тебе, раз уж вы оба внезапно остались одинокими и никому, кроме меня, не нужными.

Кот глянул вопросительно, а я погладила его по голове и шепнула:

— Это тайна, пушистик. Все так запутанно и странно. Несколько дней прийти в себя и осознать не могу. Ну да ладно, выращу я ее, куда деваться-то теперь. Обживусь, привыкну, разберусь, что тут и как в вашем мире. Она милый спокойный ребенок, я уже почти привыкла к

ней. Не представляю, что бы я делала, если бы она оказалась истеричной или с проблемами. Чужого ребенка не так-то просто принять, да? Хотя что ты можешь об этом знать? Ладно, пошли домой. Там мастер Ханк развлекает нашу малявку.

На следующий день меня с раннего утра, еще с завтрака, студенты провожали хмурыми взглядами. Они были недовольны. Кто-то тем, что пришлось выполнять задание и записывать наблюдения. Кто-то — что их приворот сняли и объект, который они приворожили, оказался свободен и очень-очень зол. А эти третьи были в бешенстве оттого, что все это время их использовали и обманывали.

Дураков здесь не училось. Все жертвы искусственно навязанных чувств быстро осознали, что произошло. Даже те, кто не умел сам готовить выданный мною вчера эликсир.

— Что это с ними? — спросила меня в столовой магистр истории магии. — Чем вы так успели огорчить учеников, что они так на вас смотрят? Вроде рано еще горевать из-за оценок, занятия только начались.

— Я их всех вчера напоила эликсиром против приворота. Не отворотным зельем, а именно эликсиром, снимающим вообще все виды навязанных чувств.

— Зачем? — опешила она.

— Дала задание разобраться с его составом, определить, что это было, и записать наблюдения за своим состоянием.

— И как?

— Вот сейчас на парах и узнаю.

— Мари, а если серьезно? Зачем вы это сделали? — остро взглянула на меня Нора.

— Не выношу насилия над личностью. В чувствах, в любви должна быть свобода воли, — ответила я, не вдаваясь в подробности.

Преподаватели переглянулись, кто-то выразительно округлил глаза, но задавать вопросов не стали.

Аналогичный вопрос мне задал один из парней старшекурсников на первой же паре. Под одобрительное гудение он встал и спросил, сжимая кулаки:

— Мастер Монкар, зачем? Зачем вы это сделали?

— А вы разобрались, что именно я сделала?

Аудитория загудела и несколько голосов вразнобой озвучили:

— От приворота. Освободили. Снятие всех навязанных чувств...

— Именно! — спокойно подтвердила я. — Освобождение, снятие навязанных чувств. Студенты, вот скажите честно, неужели вы слепые? Как можно было этого не замечать? Ну ладно, когда тебя самого приворожили, тут понятное дело, не осознаешь. Просто будешь как блаженный бегать хвостиком за объектом и страдать. Но ваши друзья? Соседи по комнате? Однокурсники? Неужели никто ничего не видел? У вас полкурса было под приворотами разной степени интенсивности. Причем заметьте, я не говорю, что все вы были приворожены к кому-то в стенах университета. Если что, напомню, вы вернулись с каникул. Вы там ни с кем не общались? И эти «никто» не пытались женить вас на себе или насильно взять в жены?

Студенты оцепенели, призадумались и начали переглядываться. А потом одна девушка подпрыгнула на месте и воскликнула:

— Ах, мерзавец! А я-то... О боги-и-и...

А тот студент, который от лица всех задал вопрос, озадаченно почесал затылок и выдал:

— Вот так дела... Ну, матушка! Ну, соседка!

Я дала им пару минут переварить и осознать, после чего высказала свое мнение:

— Дорогие мои, вы живете в мире магии и людей, которые этой магией обладают. Людей умных, предприимчивых, небедных. И если будете вести себя... наивно, то вас легко приворожить, опоить, подлить дурманящие разум препараты. И сделаете вы для них все что угодно. Хотите быть свободными и независимыми — не хлопайте ушами. Готовьте лично и регулярно принимайте antidotes, очищающие зелья, эликсиры... Ну, вы поняли. Не стоит пускать жизнь на самотек, она у вас одна.

— Мастер, но как вы узнали? — спросила студентка с первой парты. Хорошенькая, ужасно расстроенная блондинка.

— Я умею смотреть, видеть, анализировать информацию и делать выводы. А еще меня воспитали так, что если есть проблема, то ее надо немедленно начинать решать, пока она не стала бедой.

— Спасибо... — тихонечко отозвалась она, опустила глаза и стерла слезинку.

— Что ж, а теперь давайте проверим, что вы усвоили с прошлого занятия. И повторим рецепт и способ приготовления эликсира от приворота. Студенты, я осознаю, что у вас пятый курс. Что вы в этом году оканчиваете учебу и меньше всего вам хочется повторять пройденный материал прошлых курсов. Но я поняла, что вы не знаете и не в состоянии приготовить жизненно важных зелий. Не только всех, пройденных за эти годы, а даже тех, без которых не обойтись. Поэтому я буду вам их давать дополнительно. Считайте, что я — кара божья, посланная вам за все те годы, которые вы отлынивали и не учили толком мой предмет.

Шутка немного сняла напряжение. Они все еще были расстроены, но собрались, и мы приступили к занятиям.

Когда пришло время прощаться, я обратилась к ним:

— Я прошу вас каждого сесть и хорошо поразмыслить: какими магическими препаратами вы пользуетесь регулярно, покупая их в аптеках. Какие принимают ваши родственники. Что вам может пригодиться для работы. Что — для удобства в быту. Составьте список и честно себе ответьте: что из этого вы в состоянии приготовить, что нет. О чем вы никогда ранее не задумывались, потому что и в голову не приходило, что это нужно. Отдадите ваши списки мне. Анонимные, без подписи. Мне просто хочется увидеть, что вы понимаете масштаб бедствия, а я просмотрю ваши записи и буду давать эти зелья и эликсиры дополнительно к темам лекций. До конца года успеем исправить ситуацию.

Примерно в таком же ключе прошло и общение с остальными курсами, принявшими вчера «противоядие».

Глава 10

Вечером этого же дня физрук принес коляску. Эдакий четырехколесный антикварный транспорт для малышей.

— Ханк, я не могу принять это просто так, — попыталась я отказаться. Все же он и так уже купил кровать и матрас и наотрез отказался брать с меня деньги. — Поймите меня правильно...

— Это не вам, — сухо отрезал он. — Для Софи. Гулять будет. У меня занятия на улице. Солнце еще.

— О... А вам не в тягость? Ведь вы должны на площадке студентам что-то показывать?

— Нет. Поест, заберу гулять. Привезу к кормлению.

— Спасибо, — помедлив, кивнула я. — Малышке свежий воздух пойдет на пользу, а у меня совсем нет возможности вывозить ее на прогулки. Кота с собой возьмете? Пусть тоже гуляет или спит у Софи в ногах. Он теплый и мягкий.

Мастер оценивающе посмотрел на кота, рыжий ответил таким же внимательным взглядом. Забавно выглядело, словно мужики приглядывались друг к другу. Этот кошак вообще странный какой-то. Порой мне казалось, что он почти разумный. Но мир магический, мало ли, вдруг это нормально для местных кошек. Так что я не заморачивалась и лишних вопросов никому не задавала.

— Ладно.

А утром мы въехали в столовую с коляской. До этого малышка перемещалась на руках у мастера Ханка. На нас смотрели, посмеивались и шутили. Но еще больше все обалдели, когда сразу после завтрака мужчина невозмутимо забрал у меня сумку с детскими мелочами, коляску с ребенком и отправился на выход.

— Мари, вы о чем-то договорились с Ханком? Неужели он оттаял и... — любопытствовал магистр Чолин.

— Мастер Ханк выручил меня с прогулками Софи. У него занятия на улице проходят, а еще тепло. Я с радостью приняла его любезное предложение.

— Странная вы, Мари, — отпив кофе, ехидно протянула Франсуаза. — С таким крошечным ребенком вышли на работу в

университет. Таскаете его везде за собой. Позволяете посторонним людям им заниматься. Младенцы должны лежать в люльке в своей комнате под присмотром няни или родственников, а не... в аудитории. Это так вульгарно: женщина с грудным ребенком — преподаватель в университете...

— Может, я, конечно, и не мать года, — хмыкнула я. — Но Софи здоровый, веселый, общительный ребенок. И мне думается, вовсе это не ужасно, что она находится при активной и работающей матери в аудитории и с младенчества учится чему-то полезному. Ведь она все слышит и скоро начнет понимать. И вульгарна не работающая женщина, в одиночку поднимающая ребенка, а... Впрочем, не о чем тут говорить, — одарила я ее невозмутимой улыбкой.

— Ну-ну... Вернется ректор, посмотрим. Как бы он не опомнился и не осознал, что натворил. Да еще неизвестно, что скажет попечительский совет, узнав о... — Она бросила взгляд в сторону выхода, оставила чашку и встала из-за стола: — Хорошего дня, коллеги. Мне пора в аудиторию.

— И чем я ей не угодила? — спросила я.

— Тем, что молоды, красивы, энергичны. А уж ваша вчерашняя эскапада... Весь университет гудит, — ответила Нора. Несмотря на свой строгий облик и идеально уложенный пучок волос, преподавательница бытовой магии оказалась приятной общительной дамой.

— А еще вы необычная, странно разговариваете, употребляете незнакомые слова. И студенты гадают, сколько же вам на самом деле лет, — улыбнулся в бородку магистр Чолин.

— Серьезно?! — озадачилась я. — И какие же варианты?

— Многие думают, что вам на самом-то деле за сорок.

— Серьезно?! — у меня глаза округлились.

— Но есть гипотезы, что тридцать с небольшим.

— Ну дела... — хмыкнула я. — И это все едва ли не за пару дней...

— О да, Мариэлла. Умеете вы произвести впечатление, — засмеялась Нора и встала. — Что ж, коллеги. Пора идти и вкладывать знания в юные головы.

Вечером я наткнулась в библиотеке на незнакомого мужчину. Я, конечно, еще не успела познакомиться со всеми сотрудниками университета. Но многих видела в коридорах или мельком на прилегающей территории. Этого господина вот впервые вижу. Высокий широкоплечий брюнет, довольно привлекательный, хотя и не красавец в классическом понимании. Лицо худое, с резкими хищными чертами. Правую бровь пересекает давний шрамик, волосы гладко зачесаны и собраны в короткий низкий хвостик. Выправка военная, поза уверенная. Интересный экземпляр.

Мужчина стоял, сложив руки за спиной, и изучал содержимое книжных полок. Когда я поравнялась с ним, сухо кивнул и вернулся к своему занятию.

Ну и ладно, я тихонечко поздоровалась да и пошла по своим делам. Мне необходимо держать студентов в тонусе, чтобы не давать им времени расслабиться, заняться дурью и возжелать докопаться до молоденькой преподавательницы. Знаем, проходили. И в школе я училась, и в институте. Нет уж, дружочки. Я вам такой возможности не дам, тут есть магия, волшебные зелья, библиотека, безграничная фантазия и стервозность попаданки с Земли.

Поставив томик на место, я прошла чуть дальше и вытащила другую книгу. Успела присмотреть ее накануне, решила изучить и вытащить что-то полезное и... хитромудрое. Заодно еще и захватила учебник истории. Хоть ознакомлюсь, куда я угодила-то.

В памяти Мариэллы сведения все же выборочные, в основном касающиеся ее лично и всего того, что связано с ее магическим даром и специализацией. Ей важно было, чтобы я смогла обеспечить себя и ее ребенка, соответственно, на этом она и делала упор. С остальным мне предстоит разбираться самой, как обычному книжному персонажу, угодившему в параллельную реальность.

Назад я шла мимо того же мужчины. Он перевел взгляд, всматриваясь в названия на моих книгах, чуть посторонился, давая пройти. И неожиданно спросил:

— Какой курс?

Я посмотрела на то, что несла, нашла и ответила:

— «Общая история» за первый, «Тайны алхимических составов» — вне учебной программы.

Он кивнул и счел вопрос исчерпанным, я же спросила:

— А вы кто?

Но вместо ответа мужчина развернулся, ушел вперед, свернул за стеллаж, и его шаги стихли. Я дошла до прохода, озадаченно заглянула, но там никого не было. И что это было? Призрак, что ли? Но вроде живым и осязаемым казался...

На следующий день мы столкнулись с этим же мужчиной в коридоре третьего этажа, неподалеку от аудитории, в которой проходили мои практические занятия. Я поприветствовала его кивком и поспешила по своим делам.

Мастер Ханк снова забрал на прогулку Софи, укутанную одеялом. Надо ей докупить еще немного одежды, а то осень, хоть и ранняя. В любой день может похолодать или дождь, а мы с ней обе без теплых вещей. Я еще и без подходящей обуви.

Совершенно непонятно, куда Мариэлла дела всю свою прежнюю одежду. И ведь, поганка такая депрессивная, не оставила мне воспоминаний об этом. Где пальто, шубы, плащи? Три убогих платья, стоптанные башмаки и заношенное белье. Вот и весь мой гардероб, когда я оказалась в ее теле...

Ладно, это потом.

А сегодня у меня по плану сначала третий, а после четвертый курсы. Их ждет глобальная встряска.

Главное, чтобы четвертый в обмороки не попадал, узнав о том, что их ждет.

— Приветствую, — с порога громко обратилась я к студентам. — Есть опоздавшие?

Они зашушукались, переглядываясь.

— Месье, вы и вы, разнесите по рядам пробирки, — поманила я двух парней со второго ряда. Первый упорно не пользовался популярностью, студенты старались уползти как можно дальше и выше.

Народ напрягся. Зажужжали тихонько, все еще помнят давешний эликсир от приворотов.

— Не бойтесь. — Я положила на свой стол принесенные книги и тетради, повернулась к аудитории и усмехнулась. — Ну или бойтесь... Итак. Сейчас вы примете зелье. Состав его безвреден, никаких

ужасных и необратимых последствий не несет. Снять его действие вы сможете, как только примете антидот, который мы с вами сегодня изучим.

— А если не снимется антидотом? — с подозрением спросил рыжий нескладный парень с пятого ряда.

— Если вы не справитесь с таким простым рецептом, как сегодняшней антидот, то сильно разочаруете меня, получите неуд и отходите с последствиями сегодняшнего зелья трое суток. Но за это время сможете хоть двадцать раз успеть заново приготовить антидот и преуспеть. Вопросы?

— А если я не буду это пить? Как вы меня заставите? Я не обязан принимать всякие сомнительные препараты!

— Не пейте, — пожалала я плечами. — Верите, мне совершенно безразлично, повеселитесь вы со всеми или нет. Можете просто готовить антидот, сдадите мне итог вашей работы, я проверю, и вы получите или не получите свой балл.

— А будет весело? — с блестящими от предвкушения глазами спросила Алента. Точно, она ведь на третьем курсе.

— О да-а-а! — многообещающе протянула я и подмигнула.

Девушка посмотрела на жидкость в пробирке на свет, понюхала, поболтала, снова понюхала и залпом выпила. Ее соседка пихнула ее локтем в бок и зашептала что-то на ухо. Алента пожалала плечами, подумала и покачала головой. Ее подружка решила и тоже приняла выданный мною алхимический состав. А следом и остальные. Не стал пить тот парень, который надменно сообщил, что я не имею права его заставлять, а он не обязан.

Я промолчала, но изымать у него пробирку не стала. Успеется, если все же не выпьет до конца занятия.

— Ну что ж, а теперь давайте разберем нашу сегодняшнюю тему. Антидот первой ступени против эликсиров и зелий с магической составляющей. Ингредиенты, пропорции, последовательность действий и активирующие слова. Основой его является, как и во всех прочих вариациях антидотов, один и тот же базовый набор трав. Кто мне его назовет?

Я подробно им все объясняла, записывала на доске и понемногу использовала приемы мнемотехники для легкого запоминания.

Стандартные такие, какие сама привыкла применять в жизни, учебе и на работе.

Минут через пятнадцать с разных рядов аудитории послышались ойканья, вскрики и гомон. Ага, процесс пошел. Чудесно. Я вычитала этот интересный рецепт вчера вечером, посмеялась и решила, что он прекрасно нам подходит. Смешной, развлекательный, не несет никакого вреда и быстро и легко готовится. Даже не поленилась его сварить на два моих сегодняшних курса. Но с некоторыми отличиями, все же знаний у четвертого курса побольше, чем у третьего.

— Мастер!!! — возопил кто-то в отчаянии. — У меня вырос... хвост!

Я отложила мел, повернулась и спокойно спросила:

— Только один?

— А могли быть варианты?! — опешила девушка в длинном платье, из-под которого выглядывал роскошный рыжий лисий хвост. Она так обалдела, что у нее даже слезинка высохла.

— Запросто. До семи штук в теории, — невозмутимо ответила я и принялась изучать, кто как преобразился. — Но, как правило, не более трех. Еще уши, носики, усы, шерстка на теле, в редких случаях рожки или хобот. У кого что?

— Уши! — задумчиво пробасил сосед Аленты, Алекс Трезон, и пошевелил этими самыми ушами на макушке. Они весело торчали из его шевелюры.

— У меня тоже хвост, — немного растерянно отозвалась сама Алента на мой вопросительный взгляд.

— А у меня, кажется, шерсть, — запустив руку за пазуху, поскребся верзила с четвертого ряда.

— Да у тебя и без эликсира мастера Монкар шерсть, — хохотнул его приятель и печально сообщил: — У меня хвост. И мне ужасно неудобно, он в штанах, и как его вытащить наружу, непонятно. Это девушкам легко, они в юбках.

Студенты взорвались смехом и принялись в голос рассказывать, у кого и что. В основном были хвосты и уши. У двух девушек выросли маленькие аккуратные рожки. Несколько парней стали мохнатыми на теле, а еще у трех лица покрылись пушистым мехом и прелестными густыми усами, как у тигров. Мне было ужасно интересно, вырастет ли у кого-нибудь хобот, но нет. Не случилось.

Тот единственный студент, который не стал принимать эликсир, слушал внимательно и изучал своих однокурсников. А потом с ироничной улыбкой покачал головой, вздохнул почему-то и выпил содержимое пробирки, так и оставшейся на его столе.

— Студенты, у кого хвост. Рекомендую все же выпустить его на волю, проделав небольшие прорехи по заднему шву, попросите соседа вам помочь. Антидот подействует только через несколько часов, — с милой улыбкой произнесла я.

— Что-о?!

— Не-е-ет!

— Мастер, так нечестно!

— То есть нам выходить такими из аудитории?! О боги!

— Народ с других курсов сдохнет от зависти! — с восторгом заявил Трезон, пошевелил ушами и спросил: — Маэстро, а обязательно принимать антидот именно сейчас? Или можно забрать с собой и выпить его позднее?

— Можете забрать. Но тогда вам придется найти меня вечером или завтра утром и показаться, чтобы я отметила, справились вы или нет.

— Да-а-а... — расплылся он в предвкушающей улыбочке и что-то быстро зашептал Аленте на ухо.

— Так, студенты, прекращаем флудить, давайте-ка приступать к его приготовлению, а то не уложимся до окончания занятия.

— Маэстро, а нам бы... — снова перебил меня парнишка.

— Мастер. Мастер Монкар или мастер Мари, — исправила я.

— Не-е-ет, — со шкодливой физиономией заявил Алекс. — Вы маэстро! Маэстрина. Такого переполоха, как вы устроили нам за эти дни, стены университета еще не видывали. Вы просто выдающийся деятель в области искусства преподавания зельеварения и алхимии. Так вот, маэстрина Мари, а можно нам еще и рецепт этой штуки, которой вы нас угостили?

— Не сегодня, — хмыкнула я. Забавное слово «маэстрина» звучало мило. Насколько помню, в итальянском языке оно означает «молодая учительница». Тут ребята смысл вложили иной, маэстро женского пола. Но все равно мило. — А еще лучше — на факультативах. Мне вменили в обязанность вести их для вас. Для

желающих, естественно. Вот кто желает — добро пожаловать, скучно не будет.

Надо было видеть лица четверокурсников, пришедших на следующую пару, когда из аудитории начали выходить хвостатые, ушастые, рогатые, усатые и пушистые студенты.

— О-бал-деть! — выдохнул кто-то. — За что вас так?!

— Не завидуйте! — хмыкнул хвостатый третьекурсник и весело этим самым хвостом помахал. Они с приятелем уже успели помочь друг другу распороть по дырке на штанах, и сейчас их хвосты весело торчали наружу. — Если будете хорошо себя вести, маэстрина Мари и вам что-то веселое даст.

...Сегодняшние жертвы моей преподавательской методики произвели в университете фурор. А обращение «маэстрина» прилипло ко мне, похоже, намертво. То тут, то там в течение дня я слышала взрывы смеха, шепотки и «маэстрина то, маэстрина се».

Видела снова в разных концах замка давешнего брюнета. Он провожал взглядами непередаваемо эффектных жертв моего сегодняшнего обучающего процесса. Озадаченно хмурился. Узнал меня и чуть поклонился. Но каждый раз исчезал так же внезапно, как и в библиотеке. Только отвлеклась, а он уже ушел. Интересно, кто это? Видный такой мужчина, привлекает внимание.

Еще мне померещилось, что он сидел на моих лекциях у разных курсов. Причем так странно, я его вроде вот увидела боковым зрением. Повернулась к нему, а там никого или совсем другие ребята сидят. Чертовщина какая-то.

Преподавательский состав от моего эксперимента с демонстрацией эликсира был в шоке. Но что характерно, не осудил меня, а лишь живо интересовался, что это, как это... Откуда у меня такие методы, практиковали ли подобное во время моего обучения в академии.

— Нет, магистры. Это авторская методика, — скромно потупилась я и дала Софи бутылочку с молоком.

Румяная и веселая девчужка лежала в коляске и с удовольствием кушала молоко после прогулки. Растет она как быстро... Вроде всего-то неделя, как она оказалась на моем попечении, я к ней даже привыкнуть еще толком не успела. Но уже и взгляд более

осмысленный, и улыбается, и пальчики шустрые пытаются схватить то меня, то кота...

Приемная мама из меня, конечно, никудашная выходит. Я не ношусь с ребенком, не трясусь над ней, да и не полюбила, если уж честно. Воспринимаю просто как порученный мне объект заботы, за которого я головой отвечаю.

Но обижать ее ни в коем случае не собираюсь. А привязаться еще успею. Деваться мне теперь некуда. Мне бы только дожить до выходных, отоспаться, найти время сесть, порефлексировать и поплакать. И попытаться понять, что же я чувствую от всего случившегося, кроме крайней степени офигения и тщательно подавляемой паники. Получается, как бы смешно это ни звучало, я пока только и делаю все эти дни, что пытаюсь вписаться в действительность, мир покоряю, насущные проблемы решаю и учусь быть преподавателем.

Глава 11

— Мари, а почему студенты вас зовут сегодня «маэстрина»? Это вы попросили их? — отвлек меня от размышлений вопрос.

— Нет, что вы, — рассмеялась я, глянув на магистра Чолина. — Один парнишка ляпнул, остальные подхватили. Он пошутил, что я сегодня продемонстрировала им высокое искусство преподавания алхимии.

— Ну-ну. Посмотрим, что на это ваше высокое искусство скажет ректор. Он ведь должен вот-вот появиться на рабочем месте. Вообще непонятно, где он отсутствует. И это в начале учебного года! — Магистр Зандро как всегда была «добра».

— А, кстати! — сделала я вид, будто не заметила ядовитой шпильки. — Есть информация, когда он появится? А то как-то странно. Без него мне не могут окончательно утвердить часы и факультативы, да и вообще... Деканат, разумеется, выдал мне все, но... Хотелось бы все же пообщаться с высшим руководством.

— Коллеги, мне написал хороший знакомый из столицы. Оказывается, ректор у нас будет новый. Наш милый старенький мэтр Гресс ушел в отставку, никого не предупредив. Вероятно, он, как обычно, хотел, но забыл и помнил только то, что сам считал важным.

— А кто же назначен на его место?

— А вот тут неясно. Наш новый ректор тоже Гресс, само собой, но пока еще только магистр. Преемственность, как и всегда. Но мой источник не знает, какой именно из Грессов. У них большой род, как вы знаете.

— И где же этот человек? Некрасиво как-то — бросать вверенное ему учреждение без присмотра. Занятия уже вовсю идут, ректора нет... — Магистр Хавьер недовольно покачала головой.

— Неизвестно, — развел руками магистр Чолин. — По слухам, он направился к нам, но почему-то пока не доехал.

— Или доехал, но не считает нужным представиться, а наблюдает и делает выводы... — заметил Альберт Кьюсек, преподаватель истории магии. — Помните, как год назад среди старших курсов скрывался инспектор его величества? Ох и неприятная вышла история.

Я слушала, мотала на ус и пыталась втянуться в местный быт. Да уж, гораздо веселее было бы стать снова студенткой, а не мамой для чужого ребенка и преподавателем для взрослых девушек и парней.

Как-то так пролетела первая рабочая неделя. Пришли заслуженные входные. Два дня, когда не нужно вести лекции и практические занятия. Можно наконец-то немного выдохнуть. Меня бесконечно порадовала система выплат, принятая в этом университете. Дважды в месяц, причем аванс выдавался уже после недели. То есть мне отдали четверть месячного оклада, а оставшиеся три четверти выплатят, когда месяц закончится. Через первую неделю следующего месяца снова выдадут четверть, но уже оклада второго месяца. Не совсем понимаю такой принцип, но роптать не стала.

Отработала неделю, получила жалование за нее, тут же его потратила подчистую. А что делать-то? Младенец — эта весьма приличная статья расходов. Оплатила вперед до конца месяца козье молоко, которое каждый день исправно привозил молочник на университетскую кухню, и откуда я его забирала. Хорошо хоть кота просто так кормят, остатков пищи хватит и на стаю таких пушистых мурлык.

Оставшихся денег мне хватило на то, чтобы приобрести еще немного вещичек с учетом приближающейся прохлады. Софи — вязанные костюмчик и чепчик и еще комбинезончик на заказ, для себя — утепленный плащ в приличном магазине и совсем недорогой, но, на мой взгляд современного человека, вполне приличный кардиган крупной вязки на деревянных пуговицах у торговки на рынке. Помимо даже мужской, но меня это не смутило. До конца месяца дотяну, потом смогу что-то купить еще. Брюки обязательно, раз уж магиням их разрешено носить, и ботинки или сапоги на глубокую осень.

Местная мода меня в целом радовала, она отличалась в лучшую сторону от зажатой устоями и унылой в той провинции, в которой я себя обнаружила в этом мире. Дамские наряды здесь все же ближе к привычным мне, более свободные и комфортные. В прошлый раз мне пришлось отстаивать возможность не надевать корсет и продемонстрировать, что я маг, а значит, имею право на брюки. Тут никто и слова не сказал.

И я успела заметить и на студентках, и на преподавательницах, и на дамах из обслуживающего персонала и администрации, что корсеты никто не носит. А вот брюки наоборот, очень даже. Правда, свободных фасонов. Либо как те, что у меня — юбка-брюки. Либо объемные и немного мешковатые. В штанах в обтяжку я встретила на улицах всего двух девушек, вероятно боевых магов. Вид у них был... даже не знаю, полувойенный, что ли.

Корсеты не обязательны, юбки нижние желательны, но фасоны платьев без кринолинов и турнюров. Многие дамы носили корсажи поверх блуз или жакеты с вшитыми пластинками из китового уса для поддержания формы. Вот прямо очень сильно похожи некоторые из виденных мной костюмов на косплей стимпанка. Только что нет избытка цилиндров с гогглами и различных наручей с шестеренками. А так да, стилистика примерно такая.

Мне понравилось, я даже не буду пытаться бунтовать против местной моды и стараться одеваться по-земному. Нужно только привыкнуть к шляпам, без них в общество выходить неприлично. Мне дико неудобно, я-то носила или шапки, или бейсболки, или ничего. А тут вот...

И перчатки. В помещении, на лекциях, в столовой — можно с голыми руками. Вышел за территорию университета — все, будь любезен прикрыть кисти рук, иначе не комильфо и так нельзя.

В общем, как только финансовое положение выровняется, я плавно перейду на брючные комплекты разных фасонов. Мне это привычнее и удобнее, чем путаться в длинных юбках. И шляпы, черти бы их побрали, подберу компактные, чтобы не сваливались, если головой качнешь. А то я чуть не опозорилась пару раз, когда резко поворачивалась. Не умею я двигаться плавно, степенно, как подобает приличной барышне. Я-то всю жизнь бегом-бегом.

Город, разросшийся вокруг замка, который сейчас занимает университет, мне в целом понравился. Я далеко не отходила, только туда, куда реально было дойти пешком без опаски. Оказаться на помойке с проломленным черепом, став жертвой грабителей, в мои планы не входило. Я бы вообще еще и оружием обзавелась, если это тут разрешено. Не холодным, конечно, как фехтовать я без понятия. Но стрелять умею, в тире бывала не единожды и вполне уверенно попадаю по мишеням, благо рука твердая и глаз меткий. Если

потренироваться, то осилю местные допотопные револьверы, которыми вооружены служители правопорядка.

Неплохое, в общем, место, где мне предстоит провести следующий период жизни, если только не удастся сбежать обратно на Землю в свое родное тело. К тому же и трамваи еще ходят. Я узнала: четыре маршрута, но только по центральным улицам.

Дирижаблей пока не видела, наверное, тут нет станции. Вероятно, хватает железнодорожной и телепортационной. А может, и не развито еще воздухоплавание. Я пока не дочитала историю и не все знаю, а спрашивать боюсь, чтобы не спалиться.

На этом мои деньги закончились, и больше я с территории университета не выходила. Спала, читала, принимала ванну и занималась собой и ребенком.

Еще часть выходных я ходила с планом университета по этажам и вокруг замка. Изучала местность. Здесь, увы, у меня нет навигатора в телефоне, маршрут по спутнику никто не выстроит. Так что надо знать место, где предстоит отработать ближайшие три года, на которые у меня магический контракт.

Может, Мариэлла все же знала об этом и потому и сбежала, что не нашла в себе мужества явиться преподавателем на строго оговоренный период, имея внебрачного ребенка? Ведь сбежать с должности у нее не вышло бы, а работать с дитем в нагрузку — это только мне кажется нормальным. Остальные-то все в недоумении и непонимании.

Мариэлла боялась сплетен? Осуждения? Презрения? По местным обычаям она явно не попадает под категорию юных, приличных, непорочных... Это я наглая, ничуть не стесняюсь ситуации и веду себя настолько спокойно и уверенно, что никому и в голову не приходит, что с Софи и ее мамой что-то не так. Меня гораздо больше волнует вопрос, что со мной сделают, если узнают, что я пришелица из другого мира и тела.

Или же маузелъ Монкар написала правду, что осуществила этот обмен душами именно из-за ненависти и неприятия малышки? Боясь, что в нервическом припадке станет неадекватной и задушит кроху, сама того не желая? Ужасно, конечно, когда кукушка так отъезжает и

человек невменяемым становится. Какие же мы, люди, хрупкие существа. И так жалко этих девчонок. И Мариэллу, и Софи...

Интересно все же, что стало с отцом девочки? Куда он исчез из поля зрения Мариэллы? Не хотелось бы с ним однажды столкнуться нос к носу. Он-то не в курсе, что Мариэлла уже не та, и небось начнет...

Ладно, что тут гадать. Выжить бы, втянуться.

Не знаю, что нахимичила и намагичила Мариэлла, какими препаратами она накачала свое тело, что внушила моей душе при переносе, но я вот только сейчас более-менее начинаю приходить в себя и ужасаться произошедшему. Да и то как-то вяло.

А ведь моему характеру это совершенно не свойственно. Я вовсе не фаталист, не склонна сидеть сложа руки, ныть и философствовать о произошедшем. Из чего делаю вывод, что я очутилась в теле, напичканном магическими транквилизаторами по самую макушечку. Как в старой-старой сказке, когда зачарованная Марья-искусница^[6] с пустым взглядом постоянно говорит: «Что воля, что неволя — все равно».

И хотя я начала спешно решать проблемы, что как раз в моем духе, но отчего-то не впадала в истерику от самого факта моего нахождения в другом мире. Вот даже сейчас — размышляю об этом, но как-то индифферентно. Мол, ну да, другой мир. А я ничего не понимаю. Магия какая-то, которую я теперь вроде как знаю, но строго в заданных моему персонажу рамках. Я в теле другого человека. Бывает. Надо жить дальше.

Ну вот не получается иначе. Может, и хорошо.

О! Я ощущаю себя персонажем некоей игры. Вот, хороший образ пришел в голову. Словно все понарошку, в заданных игровых сценариях. И хотя умом понимаю, что все по-настоящему, я действительно вляпалась в это вот все, но...

В общем, прорвемся. Всегда со всем справлялась и не ломалась, как бы паршиво жизнь ни складывалась, и сейчас справлюсь. Могло и хуже случиться. Вдруг я там, дома, вообще умирала, а меня вжих — и сюда, еще один шанс прожить жизнь иначе.

И угодила задорно... Уж попасть, так в преподы.

Утро первого рабочего дня второй недели началось с известия, что прибыл новый ректор.

— Наконец-то! — это было единогласное мнение преподавательского состава.

И не только. Об этом же шептались и остальные сотрудники университета. Похоже, никто не знал, чего ждать от нового руководства, и на всякий случай опасались. И если честно, мне кажется, совершенно заслуженно. Не знаю, как было при прежнем начальстве, но сейчас бардак.

Нормально учебная сетка не сформирована, о чем думают деканы и почему так по-дурацки проставлены мои часы, не знаю. Внятной программы нет, мне озвучили, мол, сами давайте, вот вам учебники, вот методички, вперед. Это то, что осталось от прежнего преподавателя, на этой основе думайте. Но там такие методички, что даже я, человек из мира без магии и алхимии, понимаю, что это туфта полная. Сама вот только пока не умею и не знаю, как правильно сделать новые учебные планы. Импровизирую, как могу.

Кому из деканов с какой кафедры я подчиняюсь, тоже не сказали. Похоже, они и сами не знают. И болтаюсь я ни там, ни сям. Вроде и предмет у меня непрофильный, и к кафедре я ни к одной не приписана. А кто тогда мой босс, неясно. Сам ректор? А ректора-то и нет.

Из всего этого напрашивается странный вывод, что мадам, работавшая до меня, вообще особо себя не утруждала, а контроля над ее работой не было. И работала ли она вообще? Может, чья-то любовница и ее держали за красивые глазки, а предмет так... лишь бы был и хоть видимость какая-то соблюдалась? Непонятно, короче. Но я ждала нового ректора, чтобы он навел порядок.

Не то чтобы это все было совсем уж плохо, но хотелось бы ясности. А то ведь анархия — это хорошо лишь до первых проблем. А в том, что они рано или поздно возникнут, я не сомневалась ни секунды. Совсем скоро кто-то из студентов сделает попытку меня прощупать, попробует не учиться и не сдавать положенные зачеты или курсовые. Девушки начнут стервозничать и вставлять мне шпильки. Это неизбежно. А парни, многие из которых практически ровесники Мариэллы, начнут волочиться. Я ведь не слепая, замечаю взгляды и тех, и других.

Это мне удалось их просто ошеломить в первые дни, и они присматриваются. Так уж устроены люди, ничего с этим не поделаешь. И неважно, магический это мир или техногенный, как Земля. Учитывая все это и то, что я в статусе матери-одиночки с рожденным вне брака ребенком, хотелось бы четкой позиции руководства относительно моей персоны и четкого рабочего режима.

— И что же новый ректор? Кто-то уже успел с ним пообщаться?
— спросила я.

Левой рукой я держала бутылочку и кормила Софи, а правой сама быстро завтракала.

— Секретариат и канцелярия. Их подняли с утра пораньше, и они все утро бегают с выпученными глазами, словно виверной покусанные.

Я хмыкнула. Еще бы. Видела я тот творческий беспорядок, что творился в этих двух местах. При стареньком ректоре, который все забывал, они себя не особо нагружали. Пыль, бардак, кучи папок и бумаг на столах. Как они вообще там что-то умудрялись находить, мне неясно.

— Да-да, Мари, — правильно поняли мои эмоции коллеги. — Бедным дамам предстоят «веселые» дни. Это вы еще в архив не спускались. Вот где хаос и бездна.

Занятия я решила вести как обычно, следуя странной методичке и собственному разумению.

Мои хвостатые и ушастые студенты успешно справились с изучением и приготовлением антидота. Некоторые не с первой попытки, но все же сделали все до единого, чем порадовали. И сегодня четвертый курс снова ждал от меня чуда.

— Маэстрина, а вы нас сегодня чем-то будете угощать? — с ехидной улыбкой громко спросил рослый детинушка с галерки. — Я бы не отказался, чтобы что-нибудь выросло... — И он выразительно подвигал бровями.

Его приятели заржали, а девушки зафыркали.

— Нет, Диппель, сегодня у вас ничего не вырастет, — невозмутимо ответила я. — А хотя... Идите-ка сюда. Будете моим подопытным кроликом.

— Маэстрина, ну какой же я кролик? — вальяжно встал и начал спускаться к моей кафедре. — У меня даже хвост был волчий.

— Ну, хорошо, Жак, сейчас у вас будет кое-что как у льва. Не возражаете? — усмехнулась я.

Вытащила из ящика стола флакончик с концентрированным эликсиром, который я сварила и зачаровала за выходные. Причем для себя. Но на что только не пойдешь ради студентов.

— И что это?

— Смелее, Диппель. Вы произведете фурор, я обещаю.

Четверокурсник немного помедлил, но дружки его подначивали, к тому же он сам вызвался... Пришлось ему выпить.

— И что? Я ничего не чувствую, — сообщил он, проглотив все и помедлив несколько секунд.

— А по ощущениям? Вы поняли, что это было? Какой состав? Какие активирующие чары? Запишите на доске все, что вам вспомнится. А мы пока подождем. — Я села на свой стул и жестом пригласила парня к доске.

Тот почесал затылок. Взял мел и неуверенно, с паузами, попытался вспомнить, что же из ингредиентов он почувствовал. Записывал. Чесал голову. Снова писал. Передергивал плечами и опять выводил мелом слова...

А студенты следили с жадным вниманием за его потугами. Потом заметили, зашущукались, зашептались, переглядываясь и пихая друг друга локтями.

Жак Диппель пока ничего не понял, только все активнее скреб зудящую голову. Потом дернул себя за волосы и... осознал. С возгласом подпрыгнул на месте, бросил мел и обеими руками вцепился в свою шевелюру, которая за эти несколько минут уже вымахала ему до пояса и останавливаться в росте не планировала.

— Маэстрина!!! Что это?! — возопил он, уставившись на меня.

— Диппель, вы мне скажите, — улыбнулась я. — Что вы приняли и какой эффект получился? Подсказка: вы проходили это на втором курсе.

— А-а-а! — заорал парень, волосы которого вели себя как живые, шевелились, обретали густоту и длину прямо на наших глазах. И росли, росли...

— Ну-ну, Жак, что вы так кричите? Вас же никто не убивает, — пожурила я его. — Постойте спокойно, осознайте всю глубину своего падения и всю свою неотразимость. Пусть вас утешит то, что сегодня половина женской части университета будет вне себя от зависти.

— О... — услышал он мою последнюю фразу, перестал паниковать и замер. Правда, голову чесать не перестал. Полагаю, зуд у него страшный...

— Студенты? Кто поможет жертве неразумного употребления неизвестных препаратов? Что Диппель должен был сделать, прежде чем выпить?

— Попытаться определить состав и назначение, — раздалось предположение из аудитории.

— Верно. Еще? Быстрее, а то мы так не уложимся до конца занятия, а у нас еще новая тема.

— Дозировку! Судя по интенсивности роста волос, дозировка превышена в десятки раз.

— Правильно. Еще?

— Переносимость. Мог бы случиться аллергический шок.

— Молодцы. А теперь быстро: кто помнит этот эликсир из программы второго курса? Говорю сразу, здесь та же база, но с учетом более сложных чар и в более высокой концентрации. Вы это пока не проходили. Давайте шустренько. Девушки, уверена, вам пригодится данное средство. Да и мужчинам. Господа студенты, у кого есть облысевшие дядюшки и дедушки? Они вам скажут спасибо.

Дело пошло веселее. Народ уже смеялся, предвкушал, потирал руки.

Глава 12

За пятнадцать минут мы разобрали этот эликсир, его состав, последовательность действий при изготовлении, активирующие чары, побочные действия, вероятные аллергические реакции на некоторые из включенных растений и на передозировку. А записывал все это на доске косматый длинноволосый Жак.

— Диппель, благодарю вас. Можете вернуться на место. Девушки, помогите, пожалуйста, однокурснику и заплетите ему косу. Вряд ли он сам умеет это делать. А я пока расскажу вам тему нашего сегодняшнего занятия. Потом сами выучите, разберите по такому же принципу и напишите сжатую, на полстранички, инструкцию с перечнем побочных, противопоказаний и всех сопутствующих полезных и отрицательных явлений.

После того как прогудел сигнал об окончании пары, студенты рванули с вещами на выход. Жак же замешкался и уныло спускался с заднего ряда. Шел он неторопливо, а за ним волочилась по ступеням длиннющая коса, которая все еще продолжала расти. Я прикусила щеку, чтобы не улыбнуться, но он правильно понял мой взгляд. Помедлил у порога, укоризненно глянул на меня и пробасил:

— Эх, маэстрина! — махнул рукой, заржал в голос и принялся наматывать косу на локоть, словно канат.

Когда он вышел, я все же прыснула от смеха и обратилась к коту, который сегодня не захотел гулять с Софи и Ханком.

— Вот так оно и бывает, рыжик, если жрешь все что ни попадя. М-да. Но придется эликсир себе приготовить заново. Убойная штука. А то ведь скоро волосы начнут выпадать, как у всех недавно родивших женщин. Я помню, коллеги жаловались.

— Мряу, — ответил кот и зевнул.

А по универу полетела сплетня, что преподаватель алхимии и зельеварения напоила мальчика чем-то волшебным. И у мальчика теперь толстенная коса, которую можно вместо корабельного каната использовать, такая она впечатляющая выросла. И волосы все еще растут... Несколько часов уже как растут...

К обеду Жак Диппель пришел в столовую, будучи звездой. Кто-то смеялся, кто-то люто завидовал, кто-то офигевал, но равнодушных не осталось. Даже среди преподавательского состава.

— И что же, Мари, этот эликсир действительно так хорош? — задумчиво спросил магистр Альберт. У преподавателя истории магии шевелюра уже начала редеть, хотя до абсолютно лысой головы, как у Ханка, ему еще далеко.

— Как видите, магистр, — улыбнулась я, наслаждаясь обедом. — Я его вообще-то для себя приготовила. Но так уж получилось, что пришлось утереть нос студенту.

— Да тут не нос утерт, а полы во всем замке протерты... — заметил он. — Мари, а для меня сможете приготовить? Я не тороплю, понимаю, что вы сильно заняты... Необходимые травы, разумеется, куплю в городе. И даже готов поработать няней для малышки Софи, чтобы освободить вам немного времени.

— Хорошо, — не стала я ломаться.

Магистр в своем желании оказался не одинок. Кое-кто из коллег еще изъявил желание. Я согласилась, почему нет? Ну приготовлю порцию больше. Мне ведь для себя все равно заново нужно. А с коллегами надо дружить. Нам еще не один день бок о бок работать.

— Кто-нибудь уже общался с новым ректором? — прозвучал вопрос.

— Нет, но мы его уже видели. Он в своем кабинете, принимает дела.

Дальше разговор плавно съехал на обсуждение возможных проблем, изменений и того, чего можно ожидать от нового начальства.

Моя встреча с новым руководством состоялась ближе к вечеру. Я мирно сидела в кабинете, планировала завтрашние лекции и придумывала, чем бы еще зацепить ребят. Первая неделя у них выдалась та еще. Полагаю, прежняя преподавательница себя сильно не утруждала и даже не пыталась заинтересовать и увлечь предметом.

Мне же было самой интересно, поэтому так и получилось. Ну и, конечно, в очередной раз смиренно признаю тот факт, что веду себя совершенно непедагогично в силу того, что я вообще не педагог. Зато какой эффект!

В дверь постучали, заглянула чья-то растрепанная голова и протараторила:

— Маэстрина, с вами новый ректор хочет побеседовать. Он в своем кабинете.

Я даже понять не успела, кто из парней это был, как голова исчезла, а дверь захлопнулась. Подумала я минутку, да и решила сначала завершить свою работу, а потом уже идти знакомиться. Я ведь не налегке, а с котом и ребенком, коляской и сумкой. А Софи девочка упитанная, крупная, таскать ее на себе в слинге — удовольствие ниже среднего, хотя порой мне и это приходится делать. И даже на лекциях, если вдруг она начинает вести себя беспокойно. Ждать, пока она начнет рыдать и сорвет мне занятия, я не хотела. Хотя она ни разу так и не рыдала. Дивный ребенок...

Спустя примерно час в дверь снова постучали и, не дожидаясь разрешения, открыли. Я подняла голову от записей и с удивлением увидела того мужчину со шрамом на брови, которого уже несколько раз замечала в коридорах и на своих занятиях.

— Добрый вечер. Вы ко мне? — спросила я его.

— Здравствуйте. Да, я к вам, — склонил он голову.

При звуке его голоса спящий в коляске кот встрепенулся, подскочил и с громким мяуканьем спрыгнул на пол, спеша к незнакомцу. И, похоже, незнаком он только мне.

— Здравствуй, мой хороший. Как твои дела? — Брюнет наклонился, поднял кота на руки и принялся гладить. А тот самозабвенно выражал свою любовь, обтираясь мордочкой и обнимая лапами за шею.

Я не мешала им, откинулась на спинку стула и с улыбкой наблюдала за воссоединением этой парочки. Как же я не узнала свою находку? Помнила ведь, что волосы черные. А хотя, чему удивляться? Лицо у того человека, которого мы с кучером вытащили из подворотни, было залито кровью, да я и не смотрела, откровенно говоря. Но он тоже хорош... Мог бы и представиться, не единожды ведь сталкивались в коридорах замка. Впрочем, высказала я ему вовсе не этот упрек.

— Почему же вы раньше не пришли за ним? Я ведь вас уже несколько дней назад видела. Ваш кот скучал, и очень сильно. И кстати, вы в курсе, что именно благодаря ему я вас нашла?

— Нет, не в курсе. Мне только сообщили, что меня привезла сюда некая дама с ребенком. И пообещала позаботиться о моем питомце. Поговорим?

— Да уж, пожалуй. Присаживайтесь, — предложила я ему, указав на свободный стул у стены.

Мужчина его подтащил к моему столу и сел напротив, продолжая наглаживать счастливого кота.

— Хотел бы вас поблагодарить за свое спасение, — произнес он. — Я остался жив лишь благодаря вашей своевременной помощи. Еще полчаса — и меня бы уже не вытащили. Спасибо. Не каждый решился бы подобрать бездыханное тело и везти его куда-то. К тому же вы женщина, да еще с младенцем. Я восхищен вашим мужеством и благородством. Был бы рад отплатить вам, если у вас есть какие-то пожелания, только скажите. Может даже финансово, если это требуется.

— Не стоит. Я не ради благодарности или вознаграждения. Просто так получилось. А вот кот у вас невероятно умный. Он искал помощи, выбегал из проулка, пытался привлечь внимание, позвать кого-то.

— Ему это удалось, чему я бесконечно рад. Одного не понимаю. Почему вы привезли меня сюда, в университет? Вот уж где я меньше всего ожидал оказаться, так это тут. Не откроете тайну, отчего вы не отвезли меня в городскую больницу или еще куда-то? Не вызвали полицию?

Я рассмеялась и развела руками:

— Я только прибыла в ваш город, не знала, что тут и где. И кстати, понятия не имела о существовании городской больницы. Мы ехали от телепортационной станции в экипаже сюда, а тут вдруг кот и бессознательное тело. Я рассудила, что уж лазарет-то тут точно есть. И что с вами дальше делать, местные маги решат лучше, чем я. Либо сами спасут, либо передадут куда надо. Про полицию предупредила, что готова ответить на вопросы, если потребуется. Ну а кота пока приютила, не бросать же было. Как вам удалось так его выдрессировать? В жизни не встречала таких умных животных. Он же вел себя лучше, чем идеально вымуштрованная собака.

— А вы не заметили? — немного удивился мой собеседник.

— Чего?

— Он же с магической привязкой.

Я пожалала плечами и жестом предложила пояснить.

— Барон — почти фамильяр. В силу специфики моей магии я не могу завести полноценного фамильяра, поэтому нашел компромисс, провел обряд и вырастил друга.

Я покопалась в доставшейся мне памяти, пытаюсь понять, о чем речь. С прискорбием признала, что это было сочтено как ненужная для меня информация.

— Мне неловко, но я понятия не имею, о чем речь, — сдалась я. — Расскажите? Я бы тоже не отказалась от фамильяра или от магического пушистого друга. Только получается, все это время совершенно напрасно водила кота на поводке? И достаточно было просто с ним разговаривать? То-то на нас так странно смотрели, — фыркнула я. — И хоть бы кто сказал!

— Я дам вам книгу, если хотите, — улыбнулся мужчина. — Но у вас и так уже есть о ком заботиться, не советую взваливать на себя еще одну сложность. Это непросто, магически затратно и требует много душевных сил. Животное нужно брать чуть ли не новорожденным и растить самому. Мы с Бароном вместе уже восемь лет.

— Барон, значит. Приятно познакомиться, рыжик, — сказала я коту, и тот мяукнул в ответ. — Ой! А мы-то с вами так и не представились нормально! Почему вы мне не сказали, что вы это вы, когда мы столкнулись в библиотеке? Да и потом, я ведь вас не единожды видела.

— Эм-м... — Мужчина едва заметно смутился. — Видите ли, это был не совсем я. Я в это время продолжал лежать в палате и окончательно выздоравливать. Это была моя астральная проекция. Мне ведь нужно было осмотреться, понять, что тут и как. Я ведь не предполагал, что окажусь недееспособным. Мне потребовалось заочно сложить представление о сотрудниках и студентах университета, о том, что тут происходит.

— Зачем?

— А вы не поняли, маэстрина? Не признали меня?

— А должна была? — удивилась я.

— Но вы ведь видели мой перстень, когда нашли меня.

— И? Говорите прямо, а то я себя глупо чувствую. И почему вы называете меня «маэстрина»?

— Я отчего-то полагал, что вы опознали герб на перстне и мою родовую принадлежность, но деликатно молчите, чтобы не ставить меня в неловкое положение. А вам, оказывается, было не до того, вы мне жизнь спасали. Артур Гресс. Я ректор. Тот самый новый ректор, который неделю неизвестно где болтался, вместо того чтобы принять дела. Я слышал разговоры магистров и студентов, — усмехнулся он. — Только вот не мог сделать это по объективным причинам. А «маэстрина» — так вас все зовут. Необычно, но вам, пожалуй, идет.

— Ой... — выдохнула я.

О том, что я абсолютно невежественна в вопросах местной геральдики, я, разумеется, сообщать не собиралась. Но мысленно внесла в свой грандиозный список дел еще один пункт. Сложно покорить мир, не зная элементарных вещей. И предстоит мне изучить геральдические списки и кому какой герб принадлежит. А то вот так и спалишься в мелочах.

— Мугу, — угукнул месье ректор и погладил своего питомца.

Мы помолчали. Кот наслаждался воссоединением с хозяином. Хозяин, ну, наверное, тоже был рад выйти из магической комы. А я не знала, что и думать.

— На самом деле, маэстрина Монкар, я нахожусь в сложной ситуации. Вы спасли мне жизнь, за что я перед вами в неоплатном долгу. Кроме того, вы одинокая женщина, и обижать вас как-то низко. Но при этом, как ректор данного университета, я должен навести порядок. Потому что меня сюда выслали... сослали... будем уж откровенны, с вполне четкими требованиями. Мой прадед, архимаг Кáстор Гресс, человек несомненно достойнейший. Но даже архимаги рано или поздно старятся. И в силу возраста он... запустил дела во вверенном ему заведении. Мне предстоит это исправить.

— И? — спокойно спросила я.

— И, как руководитель, я понимаю, что ваше пребывание на должности преподавателя нарушает все мыслимые и немыслимые правила.

— Вовсе нет. Я нанята вашим предшественником вполне официально, полностью соответствую требованиям к занимаемой должности, имею соответствующую квалификацию, а мои диплом и

объем знаний дают, в том числе, и право преподавания. Единственное, чего мне не хватает, это опыта. Но он — дело наживное.

Чувствовала я себя вполне уверенно, в сказанном была убеждена, да и видела, что месье Грессу не доставляет радости тема беседы. Чувствовалось, что ему не хочется меня увольнять. Как он верно сказал ранее, низко это и недостойно. Но я предпочитаю сугубо деловой подход. Бизнес есть бизнес. Личные отношения, вынуждающие к снисходительности, или панибратство — самое верное средство все испортить.

— Маэстрина Монкар, видите ли... Полагаю, что все именно так. Но у вас грудной ребенок.

— И что? — решительно отказалась я понимать намеки. Пусть говорит прямо.

— Как ректор, я не могу оставить вас на должности преподавателя. Но, как порядочный человек, я бы хотел помочь вам найти способ...

— Месье Гресс, скажите, а вы сегодня успели ознакомиться с моим личным делом? — перебила я.

— Да.

— Вы изучили мой контракт с университетом?

— Да. И возникли определенные сложности. Потому что контракт противоречит правилам.

— Месье Гресс, в прежней жизни меня частенько называли «ботаном». Эта дразнилка предназначается тем, кто дотошно и занудно изучает различные предметы, все, что их касается, слишком много времени уделяет делам учебным и получает высшие баллы. Это к тому, что у меня действительно отличные оценки, диплом с отличием, а я — въедливая зануда. И первое, что я сделала, приехав сюда и приступив к работе, изучила свой контракт, должностные обязанности и требования к преподавателям. А также Устав Университета Специальных Чар и внутренние правила и распоряжения заведения. И спешу вас уверить. Первое — мой контракт нерасторжим, и на ближайшие три года я являюсь сотрудником Усача. Второе — в Уставе университета отсутствуют любые пункты, подпункты или прецеденты, которые указывали бы на то, что преподаватель не может являться родителем и что его дети не могут находиться в стенах данного учебного заведения. Третье — в правилах и распорядке

преподавательского общежития также этого нет. Единственное требование — сохранять тишину и не нарушать покой и комфортное проживание коллег, и мы с малышкой Софи его соблюдаем. Согласно же своим должностным обязанностям я должна вести положенное количество часов, давать и проверять материал по утвержденным учебникам и методичкам, вести несколько часов факультатива в неделю. Ну и прочее, по обычной программе. Семинары, курсовые, рефераты, зачеты, экзамены и так далее. Про то, что на моих занятиях не может присутствовать ребенок, нет ни слова. А вы наверняка знаете: что не запрещено, то разрешено. Учитывая все вышесказанное, как ректор вы не имеете права меня уволить. По закону и правилам. Кстати! По этим же правилам я должна быть куратором какой-нибудь группы. Мне пока никого не выдали в подопечные из-за отсутствия высшего руководства и некоторого... разброда и шатания. Не то чтобы я сильно хотела повесить на себя группу раздолбаев-студентов, но обязана.

Месье Гресс выслушал меня с непроницаемым лицом, и только веселые искорки в глубине его глаз давали понять, что моя речь произвела на него впечатление.

А кот, получив порцию ласки и внимания, потянулся, спрыгнул с колен хозяина и перебрался в коляску Софи. Та сразу же загулила и попыталась схватить его за ухо. Котяра же улегся ей под бок, уткнулся носом в шею и громко замурлыкал.

Мы с ректором молча понаблюдали за этим, после чего он негромко рассмеялся и сказал:

— Вам удалось произвести на меня впечатление, маэстрина. Уели, признаю. Потому что я не успел изучить все эти документы. Но я непременно исправлюсь и некоторое время побуду «ботаном», если вы не против.

— Да ради бога, — фыркнула я.

— Ради какого именно?

— Э-э... — сбилась я. Вот ведь неловко как вышло. Пантеон-то я и не изучила. — Я оговорилась. Ради всех богов, конечно же. Просто так сложились обстоятельства, что я давно не была в храме. Надо исправиться...

— Маэстрина, — встав со стула и направляясь к двери, словно невзначай поинтересовался ректор: — Как так вышло, что у вас контракт не на год, а на три? И к тому же нерасторжимый.

Я зависла, пытаюсь понять, в чем подвох. Потом пожала плечами и призналась:

— Сама не знаю. Ваш родственник руководствовался чем-то ведомым лишь ему. Но я не в обиде и рада поработать тут. Мне гораздо непонятнее, почему все прочие сотрудники Усача должны ежегодно перезаключать контракты и продлевать их. Не слишком ли сложно? К тому же куча документов. Зачем?

— Вполне обычная практика во множестве заведений с магически одаренными сотрудниками. Сила — вещь нестабильная. Маги перегорают или, наоборот, выходят на более высокий уровень. Бесчестно задерживать их надолго, ведь у них могут измениться обстоятельства, которые позволяют либо же не дают им выполнять должностные обязанности. Но я допускаю, что мэтр Кастор желал изменить принцип продления договоров либо удлинить срок и перевести контракты с годового на трехлетний.

— Почему бы вам не спросить его об этом самому? Вы ведь родственники.

— Прадед совсем сдал. Старость, склероз. Он даже близких перестал узнавать. Род был вынужден срочно искать ему замену. Мне не повезло, и отказаться от чести заменить его не удалось, — чуть улыбнулся мой собеседник.

— О... Мне жаль, простите. У меня об мэтре Кагоре остались теплые впечатления, хотя мы виделись всего пару раз. Он приятный и достойный месть.

— Всего доброго, маэстрина Монкар, — поклонился он мне. — Увидимся завтра. И да, я изучу Устав, должностные требования и все прочие документы, перечисленные вами. Не потому что ищу повод от вас избавиться, ни в коем случае. Напротив, буду рад, если ваши слова подтвердятся. Мне понравились ваши методы преподавания. Всего неделя, а студенты только и говорят о маэстрине и ее выходках. А также обсуждают, что бы такого интересного уговорить вас им рассказать.

— О... Ну что ж, — улыбнулась я, кивнув.

— А со мной не поделитесь вашим дивным эликсиром для роста волос? — озадачил он меня вопросом. — Мы имели сегодня удовольствие наблюдать наглядную демонстрацию ваших умений. Студент представил их итог всему университету.

— А вам-то зачем?!

— Мне проломили череп, вы же видели. Лекари выбрили изрядно, чтобы добраться до раны, все восстановить, зашить и срастить. Хотелось бы исправить прическу и не прятать этот участок.

— Хорошо, я поделюсь, когда приготовлю.

— Маэстрина, всего доброго. И подумайте все же, чем бы я мог вас отблагодарить. Мне хочется как-то материально проявить это, а не только на словах. Может, вы согласитесь принять амулет или артефакт, или...? Не отказывайтесь, пожалуйста. Осмыслите. — Еще раз поклонившись, Артур Гресс тихонечко позвал своего кота: — Барон, мы уходим. Прощайся.

Глава 13

Рыжему Барону совсем не хотелось уходить, судя по сонной ленивой морде. Он уже пригрелся рядом с ребенком, пахнущим молоком и живым теплом. Но пришлось идти с хозяином.

— Стойте! — дошло до меня. — А нападение на вас... Меня ведь так и не опрашивала полиция. Никто не пришел, хотя я лекарям сообщила, что готова побеседовать. Я, наверное, должна дать показания? Где нашла вас, что видела...

— Ничего не нужно. Когда я очнулся, то уже сообщил, что ничего не видел и не нужно вызывать служителей правопорядка.

— Но почему? Это ведь ненормально, когда вот так и... Вас же практически убили. Я совершенно случайно увидела кота, который звал кого-то на помощь. И если бы не это...

— Совершенно верно. Я бы умер, как и предполагалось. Маэстрина Монкар, я догадываюсь, кто и почему на меня организовал нападение. И решу этот вопрос самостоятельно. Вам не нужно никому ничего рассказывать.

— О-о... — Я немного помолчала, но все же уточнила: — А меня, как свидетеля, не того?..

— Вы же ничего не видели. Ведь не видели?

— Да как-то и не смотрела даже. У меня в экипаже ребенок остался, кучер ждал, а я ужасно боялась идти в этот проулок. Я не смотрела по сторонам. Тело обнаружила и сразу же побежала обратно за кучером, чтобы он вас дотащил.

— Вот и хорошо. Еще раз благодарю за помощь. И если вдруг кто-либо когда-либо станет опрашивать, что маловероятно, но на всякий случай... Так и говорите. Чистую правду. Что боялись, не смотрели по сторонам, спешили. И в университет меня повезли по причине того, что не знаете других мест в городе, так как только что прибыли.

— Месье Гресс, — окликнула я мужчину, который все никак не мог выйти в коридор. — И все же — почему?

Нет, ну раз он знает, кто и за что ему башку проломил, то намекнет пусть. Должна же я хоть примерно понимать расклад.

— Скажем так... По мнению некоторых, меня не должно было оказаться в университете, и я не должен был вступить в должность ректора. Но вас не должно это заботить. Полагаю, в вашей жизни много своих сложностей, поэтому мы не станем возвращаться к моим проблемам. Хорошего вечера, маэстрина.

— И вам не хворать, — пробормотала я, оставшись в одиночестве. — Неведомые дамы и господа, я вас не видела, знать ничего не знаю.

Артур Гресс вышел из кабинета алхимии и пошел по опустевшему к вечеру коридору. Ему было о чем поразмыслить. Картинка никак не складывалась, и составить окончательное мнение об этой хрупкой девушке с трагичной судьбой не получалось.

Он наблюдал за ней все эту неделю. Сначала глазами Барона и получал отрывочные сумбурные картинки, из которых выходило, что девчонке вздохнуть некогда. Бегаёт без устали то с ребенком, то с книгами, то работает, то зелья варит, то что-то еще делает, то читает и конспектирует, то самого кота выгуливает. К ночи она чуть живая от усталости падала в постель. Его магический питомец периодически спал и у нее под боком, но она этого даже не замечала.

А потом уже Артур и своими глазами наблюдал издалека, отправив астральную проекцию. Нужно ведь было успеть осмотреться, раз уж тело немощно и нуждается в лечении.

Поразительная жизнестойкость у этой неунывающей девицы.

Хотя какая она девица, с внебрачным-то ребенком. Глупая! Как же она так опростоволосилась-то? Неужели не могла предположить, чем закончится то, что с ней сотворили?

Когда они с Алексом вытащили из маленького домика на окраине девушку, замученную до полусмерти и находящуюся без сознания, уже тогда было понятно, что ее не только избивали. Но как же лекари не учли и не посмотрели? А она сама? Ведь умная же, образованная, голова светлая, а запас знаний просто поразительный.

Артур Гресс с досадой покачал головой. Вот уж никак не ожидал он встретить ее здесь. Но каковы игры богов! Нарочно не придумаешь! Почти год назад это он с другом случайно спас ее и доставил в академию, поняв по ученической мантии, кто эта несчастная.

Подкинули они истерзанное бесчувственное тело к крыльцу лазарета, накинув на себя заклинание отвода глаз, чтобы не привлекли к расследованию. А потом он сам, тайком от старого друга, шепнул кое-кому, что не мешало бы немного очистить мир... Потому что, учитывая могущественный род, к которому этот гаденыш принадлежал, отвертелся бы. Откупился, прикрылся именем предков и состоянием отца, титулом и заслугами перед короной. Отец бы его не бросил, единственный наследник, как ни крути.

Только вот недостойны жизни такие твари, и хорошо, что и следов никто не нашел, куда сгинул молодой маг Мэркус Нобль из старинного аристократического рода. Мразь... Артур ненавидел таких подонков всем сердцем.

Когда услышал женские крики и стоны, проходя мимо того домика, то дождался в тени, понаблюдал. Трезво оценивая свои силы и немощь после ранения и контузии, понимал, что не справится. И самого тут же рядышком прикопают. Но вернулся чуть позднее, не один, а с подмогой. Успели они с Алексом, девушка была еще жива, хотя она и не первая оказалась там, судя по двум найденным окровавленным платьям других размеров.

А теперь та самая спасенная им девушка нашла его на улице умирающим и привезла к целителям. Что самое смешное, тоже в учебное заведение.

Но зачем же она родила? Почему не прервала последствия жестокого насилия, когда было еще можно? Отчего потом не отдала девочку кому-то на усыновление? Так усложнила и испортила себе жизнь, бедняжка. Она ведь совсем одна, никакой родни, изучил он ее личное дело.

Хотя... Ну вот не выглядит Мариэлла Монкар несчастной или сломленной. И бедняжкой тоже. Девчонке двадцать два года, а она за несколько дней умудрилась студентов всех курсов на уши поставить, отношение к себе перевернуть с ног на голову. Заставила с собой считаться. Никому ведь и в голову не приходит пожалеть ее, задаться вопросом, а что за ребенок, что не так...

Сильная, уверенная в себе, стремительная и непредсказуемая. Огонь просто, а не девушка!

Ни малейших сомнений у Мариэллы нет, идет напролом к своим целям. Не испугалась сюда приехать, себя поставить так, что даже

студенты помогают ей с коляской и младенцем.

А это обращение? «Маэстрина»! Ну это надо? И ведь не сама придумала, за какую-то пару дней умудрилась заслужить уважительное и восхищенное прозвище, причем от парня. Артур уже поинтересовался, как все началось, любопытно ведь. Просто вида не подавал, ему вроде не положено, как ректору.

Поразительный характер у Мариэллы. Не знай он совершенно точно, кто она и откуда, не изучи ее досье и биографию, ни за что бы не поверил, что она еще такая молоденькая. И что это та самая девушка.

И наблюдать за ней безумно интересно и приятно. А еще радуется, что он причастен к тому, что она осталась жива, не сломлена, и что мир не потерял такого талантливое человека. А преподаватель из нее выйдет хороший. Чутье подсказывает, что она тут надолго.

Артур Гресс усмехнулся, поражаясь играм судьбы, и отправился прочь. Тоже пора отдыхать. Как-то ему не везет со здоровьем. Только хоть частично оклемался от проблем и контузии, начал входить в силу и восстанавливать магию (насколько это возможно после столь тяжелых травм) и опять по башке получил.

Сам виноват, конечно, недоглядел, не просчитал. Но обидно ведь! И голова дурная болит теперь, и проплешина выстрижена. Зарастить бы надо... Не хочется бритым и лысым ходить, как мастер Ханк.

— Ну и как вам наше новое руководство? — спросила меня мадам Жанроль, с которой я столкнулась, когда вернулась в общежитие. — Успели пообщаться?

— Мы познакомились, немного поговорили. Вроде бы месье Гресс приличный человек, — ответила я.

— И что же, Мариэлла, этот приличный человек уже известил вас о предстоящем увольнении? — спускаясь с лестницы, ехидно поинтересовалась Франсуаза. Одета она была нарядно, прическа, макияж, из чего я сделала вывод, что у нее свидание в городе.

— Ах, Франсуаза, ну что вы такое говорите?! — всплеснула руками заведующая преподавательским общежитием.

— Вы так переживаете за мою судьбу, магистр Зандро? — любезно поинтересовалась я.

— Скорее за судьбу университета. — Поправила она прическу. — Понабрал наш милый старенький ректор... Ну да ладно.

Магда миролюбиво заметила, что некрасиво так о коллегах, а Франсуаза фыркнула и удалилась, покачивая бедрами.

— Вот что она на вас так взъелась? — с досадой произнесла мадам Жанроль. — Я понимаю, что ей обидно за подругу, которую уволили. Но вы-то ни при чем, на вас-то зачем так...

— А прежнего преподавателя алхимии уволили? Я не знала. Думала, она просто сама ушла по истечении контракта.

— Магистр Эстрелла злоупотребляла своим положением, — постаралась деликатно ответить моя собеседница. — И, по слухам, не совсем справлялась с должностными обязанностями. Она делала ставку не на преподавание, а на частные заказы. Уровень знаний у студентов крайне... гм.. невысок. Впрочем, не хочу сплетничать. Всего хорошего, спокойной ночи. Малышка Софи, будь хорошей девочкой и сладко спи, — защебетала она над коляской, после чего распрощалась.

Я же намотала на ус, что нужно все же узнать, что там с предыдущим преподавом по моему предмету. И сама ли она ушла или ее «ушли».

В мой «План покорения мира» добавился очередной пункт.

С того дня новый руководитель универа приступил к своим обязанностям весьма рьяно. Сотрудники администрации бегали, словно шершнями укушенные. Архив содрогнулся, стряхнул пыль, а все провинившиеся студенты теперь отбывали наказание именно там. Поначалу-то они сочли это за халяву, но оказалось, там столько всего разгребать, что энтузиазм их быстро поутих. И выходили студиозы оттуда кашляющие, зачуханные, в пыли, паутине и саже. Сажа-то откуда? Что-то сжигали?

Я немедленно внесла коррективы в свою программу. И дополнительно всем курсам дала рецепт и методику наложения чар на зелье от аллергии и сопутствующих ей кашля, слезотечения и насморка. И если поначалу к нему отнеслись снисходительно, мол, маэстрине лишь бы нагрузить нас лишними знаниями, то уже через неделю оно стало пользоваться популярностью. И те, кому наука алхимия давалась тяжело, покупали его у однокурсников.

Я же наблюдала, оценивала, изучала местную публику. Все-таки у меня совсем иная ментальность. И раз уж я угодила сюда, надо втягиваться. А вот как освоюсь, разберусь во всем, тогда и начну думать, как мне вернуться в свое тело и в свой мир. Ну или передумаю и решу, что мне тут нравится больше, чем на Земле. Пока я только мимикрирую, притворяюсь, лихорадочно гребу лапками, как лягушка в кувшине с молоком из старой притчи. Может, и мне удастся взбить маслице.

А еще я много читала. Учила. Вникала. Рисовала для себя схемы и интеллект-карты, чтобы разобраться в местном мироустройстве. А то ведь очутилась тут, но знать не знаю, какая религия и боги, кто правит страной, что за королевство, на каком мы материке, как называется столица... И много-много других мелочей, которые сами собой разумеющиеся для местных, но неизвестны мне, чужачке. И я даже не знаю, что будет, если вдруг моя тайна откроется. Совсем ли ужас — обмен душами, и не проводят ли меня в последний путь веселыми криками «Сжечь ведьму!». Или же ничего страшного?

Ректор же взялся не только за общий порядок, но и за преподавательский состав. Нам пока досталось меньше, потому что работу мы свою делали, студентов исправно учили. Но расписание все же изменилось. Почему этого нельзя было сделать раньше, мне не ясно, в силу невежества и непонимания структуры учебной организации. Поэтому я все воспринимала философски.

Просьбу месье Гресса я исполнила, обещанным эликсиром для роста волос обеспечила. Имела с ним еще одну содержательную беседу, в которой он подтвердил, что я была права. Избавиться от меня только потому, что у меня маленький ребенок на иждивении, не выйдет. Впрочем, его это ничуть не огорчило. Наоборот, по непонятной мне причине ректор был доволен. И тем, что ему не придется выступать в роли злодея, и тем, что я такая дотошная и умею работать с документами.

Общались мы редко, только на служебных «сходках». Вот это я страшно не любила никогда, все эти совещания, коллективные сборы для того, чтобы отчитаться и выслушать указания. Такая трата времени...

Изредка сталкивались с нашим новым боссом в коридорах, но он всегда был чем-то занят, куда-то спешил, с кем-то на ходу решал

разные вопросы. Поэтому мы ограничивались приветствиями. Мне тоже некогда беседы беседовать, я света белого не вижу, столько всего необходимо делать.

Но мне приятно было наблюдать за Артуром Грессом. Нравится мне такой тип мужчин. Энергичных, целеустремленных, знающих свое дело. Тех, кто сам пашет и другим не дает дурака валять. Прямо на сердце теплее становилось от того, что я причастна к его спасению. Что не проехала равнодушно мимо чужой беды, нашла минутку и душевные силы сходить и проверить, к кому же так отчаянно звал кот.

Еще надо отдать должное новому руководителю университета в том, как он себя вел с окружающими. Глава Усача был предельно корректен и вежлив. Ни на кого не повышал голос, не грубил, сдержанно и доходчиво объяснял, как человек неправ и что ему нужно сделать, чтобы исправить ситуацию. Я бы так не смогла, уже бы сто раз сорвалась и наорала на некоторых индивидуумов. А этот ничего, держится, даже находит в себе силы улыбаться. Наверное, это то самое аристократическое воспитание, воспетое классиками.

Интересно, кто и за что его сюда «выслал, точнее, сослал», как он сам оговорился. Перед кем он так провинился, что его, такого молодого, и сразу на такую должность?

В целом же наша с Софи жизнь не менялась. Малышка спала, ела, играла, гуляла, росла. Она начала потихонечку переворачиваться со спины на живот. Смешная такая, толстопузенькая букашка. Осмысленно улыбалась, держала головку и намного больше времени бодрствовала. А еще я свела ночные кормления на нет. Пришлось применить магию и травки. Вынужденная мера, но иначе я бы сломалась. Вставать по ночам к малышке, а днем активно вести занятия, готовиться к лекциям и все такое прочее... Я не железная, признаю. Слава богу, мне не нужно было заниматься готовкой, уборкой и стиркой. Питалась в общей столовой, свинячить в комнате просто не успевала, а мелочи решала бытовая магия.

Последнюю Мариэлла знала в совершенстве, я извлекла из «базы данных» все, что удалось, и активно использовала. Почему нет? Раз уж я и типа маг теперь. Так что уборка, чистка моей одежды и обуви, мытье бутылочки для кормления и бесконечная очистка и

«стерилизация» детских подгузников и пеленок. Боги этого мира, спасибо вам за магию, раз уж тут нет одноразовых впитывающих гигиенических средств, стиральных машинок, посудомоек и пылесосов. Не представляю, если бы мне пришлось делать это все вручную, как жителям Земли в прошлые века. По этой же причине я не надеялась только на то, что мне загрузила в память Мариэлла, а активно читала все учебники по сопутствующим темам, какие могла найти в университетской библиотеке. Кто владеет информацией и знаниями, тот правит миром.

Да-да, мой «План покорения мира» стал пухлым, многостраничным и постоянно пополнялся.

Так что магия, магия и еще раз магия, в быту и в повседневной жизни. И для малышки лечебные эликсиры для пищеварения. Ароматические мешочки с успокаивающими травами для спокойного сна и капли для расслабления в вечернюю ванночку. Все же я понимала, что целый день в шумной студенческой тусовке — это стресс, даже если к нему привыкнуть. А вреда девочке я не хотела. Мази, чтобы избежать проблем с кожей от влажных подгузников. И у меня на попечении находился здоровенький, улыбчивый, довольный жизнью бутуз. А еще выручал строгий распорядок дня, который мне удалось выстроить.

И неоценимая помощь мастера Ханка. Золотой человек! Просто золотой!

Он гулял с Софи дважды в день, забирая коляску на улицу, пока у него шли занятия на открытом воздухе. И он же регулярно развлекал ее в часы бодрствования по вечерам. Первое время — сидя с ней на полу в моей комнате, пока я за письменным столом работала. Дверь мы всегда оставляли открытой, чтобы не провоцировать сплетни и гадкие мысли. Но спустя месяц я начала больше доверять ему и позволяла забирать Софи с собой. И они развлекались уже в его жилище, причем и тогда мастер Ханк оставлял дверь открытой. Наверное, по той же причине. Чтобы все могли убедиться, что с ребенком все в порядке.

Моя же персона по-прежнему совершенно не интересовала физрука. Пару раз кто-то пытался пошловато пошутить, мол, я вскружила голову достопочтенному месье, но эти разговоры стихли

сами собой. Нет, совсем нет. Мастер Ханк шел своим путем воина и был верен принесенным обетам. Но он любил детей и был рад возможности провести время с малюткой. Ведь своих потерял, а других уже не будет.

А еще с нами — со мной и с Софи — регулярно проводил время Барон, кот Артура Гресса. Сначала-то он обрадовался возвращению хозяина и три дня не появлялся. А потом просочился сквозь приоткрытую створку окна, помявкал мне на своем кошачьем языке, потерся о ноги, выпрашивая ласку. После чего залез к Софи, устроился рядом, облизал ей ухо и принялся громко мурлыкать. Привык.

В итоге торчал он с нами целыми днями и лишь к ночи уходил к хозяину. Ректор пытался извиняться и кота забирать, но у Барона на этот счет имелось свое мнение. Он хитрым образом удирал, являлся опять к Софи и спал с ней в коляске, пока у меня шли пары или факультативы. Да и за едой ходил вместе со мной, потому что его настоящий хозяин был слишком занят и столовую посещал эпизодически. А тут я, такая милая девушка, которая всегда вовремя кормила, на поводке водила, много гладила, чесала за ушком и вообще приятная во всех отношениях.

Я посмеивалась и животное не гнала. Ну что ж поделаешь, теперь у рыжего Барона двое взрослых человек, «кожаных», как в мёмах шутят. Дневная хозяйка и ночной хозяин. И еще свой собственный маленький пухленький человечек, с которым так приятно спать в коляске или в кроватке.

Глава 14

К концу первого месяца работы меня таки озадачили подопечными. Причем я, в силу все того же невежества, не поняла по какому принципу. По идее, мне должны были бы отдать группу, которую курировала ранее моя предшественница. Или же первокурсников, они новенькие, у них еще не было и нет куратора. Но нет... По неведомым причинам мне вручили артефакторов-третьекурсников.

— Месье Гресс, но почему?! — в недоумении спросила я. — Это же не имеет абсолютно никакой логики! Они же ремесленники, их должен вести маг, который разбирается во всех этих... штуках. Заготовках. Плетениях. Шедеврах магической и механической мысли.

— Именно поэтому, — невозмутимо ответил он.

— Месье ректор, при всем уважении, я тоже не понимаю, — поддержал меня Лукас Чолин. — Я с большой симпатией отношусь к Мари, но тоже считаю, что тут какая-то неувязка.

— Согласен с уважаемым магистром, странное решение. — Декан факультета артефакторики Максимильтян Сверг поддержал своего преподавателя.

— Магистры, маэстрина Монкар, позвольте с вами не согласиться, — невозмутимо отозвался наш странный новый босс. — Вы немного путаетесь в понятиях. Я не прошу, чтобы маэстрина вдруг начала их обучать артефакторике. Вовсе нет, это исключительно ваша профильная задача, магистр Сверг. Что же поделать, если у нас до сих пор такой бардак в учебной организации и не все студенты за месяц оказались на попечении кураторов. Преподавателей мало, групп много. Маэстрину Монкар я попрошу курировать ребят во всех житейских вопросах. Организационные и личные проблемы, если вдруг таковые возникнут. То есть не как преподаватель-предметник, а как...

— ...Мамочка, — ехидно фыркнула Франсуаза и томно потянулась, демонстрируя отличную фигуру и красивую высокую грудь. Мымра!

— Благодарю за подсказку, магистр Зандро, — скользнул по ней равнодушным взглядом Артур Гресс, чем поднял мне настроение. А

нечего потому что бюстом своим тут трясти. — Звучит нелепо, но что-то вроде того. И к слову, это их желание, а не мое самодурство.

— Простите? — не поняла я. — Чье желание?

— Этой группы студентов. Сейчас передам их характеристику вам, не обижайтесь, маэстрина Монкар. Но они считают вас странной, необычной, гениальной и в восторге от ваших методов объяснения материала. Я пока не до конца разобрался, что именно они имели в виду под понятиями «мозговой штурм», «диаграмма связей», «фокус-группа», «интерфейс и гаджеты», «флуд», «спам» и «баннерная слепота». Объясняют они путано, кажется, сами не до конца понимают точное значение, хотя улавливают смысл и к чему это все было сказано. Но при этом уверяют, что вы подарили им массу новых идей, а все те эликсиры и зелья, которые вы им даете, отчего-то легко запоминаются и находят применение в повседневной жизни. Это, к слову, говорит не только третий курс, скорее, общее о вас мнение, сложившееся за месяц.

— Да-а-а? — задумчиво протянула я, гадая, когда же я успела все это им наболтать.

Надо следить за языком, что ли. Что же я им такое объясняла, что вдруг припомнила баннерную слепоту? Вот вообще теряюсь в догадках. Спам и флуд — это понятно, мешали болтовней. Интерфейс — тут тоже ясно, мы артефакты обсуждали, а для волшебных гаджетов это важно.

— Да, — продолжил ректор. — И еще студенты говорят, что ваши зелья для памяти и бодрости в совокупности с мнемотехникой помогают им запоминать колоссальные объемы информации.

— Что еще за «мнемотехника»? — заинтересовался магистр Кьюсек. — Я бы воспользовался. А то эти оболтусы никак не в состоянии запомнить все необходимые вехи и этапы истории магии.

— Маэстрина? — подтолкнул меня к ответу Гресс, а я мысленно обругала себя.

— Сложно коротко сформулировать, коллеги, — проямлила я. Не входило в мои планы так выделяться. — Это совокупность различных хитростей и приемов, которые помогают запоминать большие пласты информации. В ней важно умение визуального мышления, придания образов, деление на смысловые части и создание логических связей с уже имеющимися знаниями. Ну, как-то так. Это

навык, который нужно развивать, овладеть им и привыкнуть оперировать.

Сидевшие в зале магистры начали переглядываться, а я лихорадочно размышляла, нормально ли объяснила или опять что-то не то ляпнула. И что ответить на вопрос: откуда я это знаю и кто меня научил?

— И кто же вас научил, маэстрина Монкар? — прозвучал этот самый вопрос.

— Я училась сама, коллеги. По книге, — абсолютно честно призналась я.

Никто тут не знает, что книга была электронная, что-то типа «Руководство по запоминанию для чайников шаг за шагом». Ну или как-то похоже. И не одна, потому что еще были статьи с разных сайтов и несколько вебинаров.

— В самом деле? Я бы не отказался с ней ознакомиться.

Я зыркнула на этого любознательного ректора и ответила:

— Сожалею, но я не вспомню название и автора. Она утрачена. — Опять правда. Для меня она совершенно и безнадежно утрачена, если только Мариэлла не поменяет нас местами обратно и я не вернусь на Землю. — Я пользуюсь только тем, что успела узнать и освоить когда-то сама. Но именно пользуюсь, причем неосознанно, преподавать эту науку я не смогу. Если только объяснить принцип. Но это надо хорошо посидеть, подумать и как-то внятно сформулировать.

— Буду признателен, маэстрина Монкар, — кивнул он. И продолжил: — Вернемся к группе, у которой вы будете куратором. Вот утвержденный список. Можете приступать с завтрашнего дня.

Я с кислым лицом забрала лист. Вот спасибо, удружили. Артефакторы-третьекурсники. Здоровенные лбы. Нет бы мелких начинающих первогодок дать, по сравнению с ними и мое нынешнее тело почти взрослое. А эти...

Вот так и я обзавелась «деточками».

— Ну, и чья это была гениальная идея? — спросила я на следующий же день на занятиях, с укоризной глядя на этих самых третьекурсников. — Кому пришла в голову мысль, что из меня выйдет для вас хороший куратор?

Ребята начали переглядываться, пожимать плечами и делать вид, что не знают.

— Вы по пьянке, что ли, пришли к этому решению — попросить меня? — фыркнула я. — Фалькóр, вам так понравился ваш лисий хвост?

Рыжий заржал, зажал рот кулаком под моим укоризненным взглядом и пожал плечами.

— Маэстрина, просто мы вас хотим, — заявил Макс Анкёр.

Аудитория взорвалась от гогота, а парень сообразил, что ляпнул, и смутился. Я дождалась, пока все отсмеются, и с улыбкой прокомментировала:

— Вкусы у вас, господа студенты, конечно, извращенные. Выбрать меня куратором было опрометчиво. Сами же говорите, я странная. Но теперь все, сами виноваты. Ректор меня уже осчастливил вашим списком. Буду причинять вам добро оставшиеся три года. Кто не спрятался, я не виновата.

Все снова рассмеялись.

— Староста у вас кто?

— Я, маэстрина, — подняла руку, привлекая внимание, моя самая первая знакомая тут, Алента Дюфо.

— Ладно, вернемся к нашим зельям. С вами мне придется познакомиться плотнее, узнать, кто есть кто и так далее. Но давайте мы сделаем это не на парах. Скажем, вечером. Сможете прийти часов в семь? До ужина? Проведем собрание и пообщаемся немного. Алента, организуйте всех, пожалуйста.

Возражений не нашлось, и мы приступили к занятиям.

Артур Гресс разгребал хаос, доставшийся ему от прадеда, и ужасался. Сначала думал, что сдохнет от скуки здесь, в месте, где старейший член их рода провел несколько столетий на должности ректора. Артур упирался всеми силами и страшно негодовал, когда его отправили на спокойную работу, восстанавливать здоровье и магию.

Наверное, так бы и отбился от назначения, если бы не личная просьба прадедушки. Он все реже оставался вменяемым, все чаще витал в своих фантазиях, не всегда узнавал домочадцев. Совсем сдал старенький мэтр. А тут вдруг позвал Артура, одного из своих многочисленных правнуков, и попросил взять его любимое дело в свои

руки. Позаботиться. Исправить все, что можно, восстановить то, что он запустил.

— Артур, я старался до последнего, — устало произнес древний маг. — Но я не вечен, сам видишь. Поэтому выбрал тебя. Возвращаться в боевую магию тебе нельзя, ты это понимаешь. До конца ты восстановишься нескоро, чтобы магические каналы набрали полную силу и потоки потекли, как прежде, потребуется не один год. Мне неприятно тебе это говорить, но...

— Да я понимаю, — невесело усмехнулся он.

Прадед резал по живому, говорил то, что все знали, но не озвучивали, щадя самолюбие и нервы одного из сильнейших магов рода, второго по силе после Кастора Гресса. Таким бы он и оставался на службе короне, если бы не угодил под взрыв и не пролежал в магической воронке время, достаточное для атрофии силовых каналов. Аура пострадала сильно. Плюс контузия, нестабильная магия, страшные головные боли, переломы и прочие прелести. Его собрали, восстановили все, что было можно. На полную реабилитацию требуется время, и от службы его отстранили по понятным причинам.

Но ректор? Какой из него ректор, это даже смешно. Тихое болото, даже не столица. Студенты, преподаватели, деканы...

Кто же знал, что скучать тут невозможно и минуты, а дел столько, что продохнуть некогда. Да и преподаватели весьма интересные. Жрец на пути воина, мастер Ханк. Опытный и талантливый артефактор, магистр Лукас Чолин. Да и Охарн Эрнo весьма непрост, его монография о пространственных изменениях популярна среди коллег данного направления магии. Артур не обладал этим даром, менять и искажать пространство не мог, но когда-то давно ознакомился с работой магистра Эрнo. Еще во времена своей учебы на боевого мага.

И все же, чем руководствовался прадед, нанимая еще год назад Мариэллу Монкар? Тогда еще студентку пятого курса академии магии. Да, наверняка талантливую, умную и целеустремленную, раз уж она отучилась с отличием. Но все же...

Артур наблюдал за ней все это время, когда они неожиданно для него оказались коллегами. Не гнушаясь подглядывать, по возможности, и глазами Барона. Разумеется, не в спальне или ванной, а в рабочие часы. Что такого знал древний архимаг, что выбрал ее,

невзирая ни на что, и нанял по нерасторжимому контракту на три года? Что разглядел?

Неоднозначная личность. Артур пока не мог ее понять. Сначала просто восхитился, что она не сломалась и такая энергичная, с ребенком работает, живет, подает пример другим. Но спустя месяц стал теряться в догадках.

Она была... странной. Студенты правильно охарактеризовали маэстрину. Непонятные реакции. Абсолютное игнорирование тонких оскорблений, которые иногда прорывались у Франсуазы Зандро. Вот, кстати, противная дамочка. Найти бы повод и уволить ее вслед за подружкой, про которую прадед рассказывал. Как же ее там, Эстрелла Нервуд? Прошлая преподавательница алхимии и зельеварения. Но Мариэлла с поразительным хладнокровием и иронией на эти шпильки отвечала, каждый раз умудряясь ненавязчиво поставить наглую красотку на место.

Сама же словно не замечала заинтересованных взглядов парней в свою сторону. Причем ей удавалось весьма гармонично притушить это внимание к своей персоне. Старшекурсники не решались домогаться в открытую, поскольку она как-то умудрялась перевести тему и отвлечь их. Он услышал как-то, как она назвала это, и подцепил фразу. С улыбкой в ответ на комплимент маэстрина непринужденно заявила:

— Спасибо. А сейчас, студенты, давайте сместим фокус внимания на вот что... — И начала задавать вопросы, что бы они сделали, если бы вдруг оказались в ситуации, когда есть только лес, свежерастущие травы и бесчувственный товарищ, которого надо привести в себя.

— Скрутили бы самокрутку и пыхнули, — пробормотал кто-то с задних рядов.

Он наблюдал тогда глазами своего магического питомца, и Барону пришлось приподнять голову и посмотреть, кто этот деловой четверокурсник.

— Диппель, вы уже один раз приняли неведомое средство. Вашей прическе до сих пор завидуют девушки и лысеющие сотрудники университета. Пыхнув незнакомой травки, вы рискуете стать козленочком и обзавестись не только косой, но копытцами и рожками. Оно вам надо?

Аудитория взорвалась хохотом, даже он сам улыбнулся тогда, слушая беседу маэстрины Мари со студентами. А она продолжила, сместив этот самый «фокус внимания».

Множество незнакомых терминов. Странные методики. Очень интересные, должен признать. Жаль, что он сам их не знал во времена учебы. И не всегда понятный выбор дополнительных материалов, которые она давала своим студентам.

Он сам, если бы был преподавателем, делал упор на рецепты, важные для будущей работы. Чем больше их знаешь, тем полезнее. А Мари разбавляла положенные по программе самыми простыми, но невероятно полезными в обычной жизни. И ведь действительно радостно запоминали это ребята. Кто же в своем уме откажется научиться варить эликсир для улучшения памяти или для бодрости. Или от похмелья. Да, она и это им дала. И ведь парни поржали, девушки губки поджали, а все до единого рецепт освоили. Потому что похмелье не щадит никого.

Но все же, столько странных слов... Где она их все выучила? И употребляет легко, они сами срываются с ее губ. Маэстрина Мари, похоже, даже не всегда осознает, что ее не понимают и переглядываются, мол, а что это?

Не будь он абсолютно уверен, кто она такая, не знай ее биографии и того, что она родилась, выросла, училась и жила здесь же, в этом же королевстве, решил бы, что Мариэлла иностранка. И что это вообще не она. В голове Артура не укладывалось, как ей удалось без последствий для психики оправиться после всего того, что пришлось пережить. Ни одна из известных ему дам так не смогла бы.

Разумеется, не все было так благостно и радостно. Как только студия очухались, втянулись, присмотрелись ко мне, пятый и первый курсы попытались меня прощупать. С первокурсниками было проще. Там просто подростковая дурь еще не выветрилась, они хорохорились и порой творили дичь. Но в целом признавали мой авторитет и статус преподавателя.

А вот пятый курс... Начало проявляться то, чего я ждала с самого начала. Богатенькие девочки и мальчики оценили мой гардероб, точнее его практически полное отсутствие. И то, что я не ношу украшений. А где бы я их взяла? Сама на них еще не заработала, а прежняя

владелица тела их не оставила. Плюс, похоже, кое-кто не поленился навести справки и узнать, кто ж такая эта Мариэлла Монкар и откуда она, такая необычная, взялась. Ну и к тому же парни решили, что я не настолько старше их, чтобы за молоденькой училкой нельзя было поволочиться.

Такое и на Земле запросто случается. А уж тут-то и подавно. По нынешнему возрасту я ведь вроде как аспирантка.

— Студенты, мне грустно наблюдать за вашими знаниями, — заметила я. — Я могу понять, что вы не помните зелья, изучаемые на первом курсе. Но забыть то, что мы с вами учили в первую неделю этого года... У вас память как у рыбок, что ли? Кто из вас готовит и хотя бы иногда принимает эликсир для улучшения памяти? Книппер, вы это делали?

— Маэстрина, я была занята, — рассматривая ногти, лениво протянула первая красавица и первая же стерва потока Генриэтта Книппер.

— Чем?

— Мне нужно было обновить гардероб. Не все могут позволить себе иметь всего два наряда, носить их по очереди и при этом еще и веселиться, — окинула она меня выразительным взглядом. — Некоторым правила приличия этого не позволяют.

— Ах вот оно что! — хмыкнула я, облакачиваясь бедром о преподавательский стол. — И как? Обновили?

— Да, маэстрина Монкар. Обновила, как видите, — пошевелила она пальчиками, привлекая внимание к красивому платью. Правда, красивому, тут не поспоришь. Мантия у нее была расстегнута, и новый наряд хорошо виден.

— Прекрасно, — нехорошо улыбнулась я. — Значит, вам не нравится, что я слишком веселая. Хорошо, студенты. Сегодня я буду серьезна, как три похоронных бюро сразу. Книппер, к доске. Мы желаем услышать от вас — модной, красивой, серьезной, изысканно одетой девушки — все, что вы знаете о кровоостанавливающем зелье.

— Это было вне программы, маэстрина. Я не обязана отвечать на эту тему. У вас не получится меня завалить.

— Ну что вы, Книппер. Это как раз в рамках программы, вы запомнили или не вели конспекты. Прошу вас. Остальные,

открываем учебник, слушаем однокурсницу и сверяемся строго по параграфу. Книппер, не задерживайте нас. И для начала прошу вас написать на доске полный список ингредиентов и пропорции. Потом расскажите нам порядок действий и формулу закрепления этого алхимического состава.

Увы, учиться девушка не хотела. Сочла мой предмет неинтересным, решила, что можно ничего не менять, продолжать не напрягать мозг. Допускаю, с прошлым преподавателем они как-то договаривались. Не знаю. В общем, рассказать она не смогла ничего.

— Книппер, вы можете вернуться на место. Спасибо за ответ. Думаю, вы и сами понимаете, что это «неуд».

— Отчего же? На «удовлетворительно» я ответила, — огрызнулась она, возвращаясь за стол.

— Люсьён Вёбер, сможете по памяти исправить на доске ошибки в ингредиентах и пропорциях?

— Н-ну-у... — замялся он, бросив быстрый взгляд на Генриетту.

— Жаль. Книппер, откройте учебник. Найдите нужную страницу, сравните то, что там указано, с тем, что на доске написали вы. А я пока сама внесу исправления.

Я подошла к доске, принялась зачеркивать и писать сверху правильные данные. И травы другие, и пропорции иные. Потом снизу дописала то, что студентка вообще забыла внести.

Закончив, я отложила мел и повернулась к студентам.

— Ну а сейчас, раз уж у нас не задалась сегодняшняя тема, проверим, как вы усвоили предыдущие. Считайте, что у нас сегодня срез знаний. Хельга Нордвэйн, прошу вас, — повернулась я к соседке Генриетты. — Только давайте с места. Расскажите мне состав...

Глава 15

В общем, испортила мне настроение Генриетта, а огребли все. Десять неудов, три заданных реферата, два доклада. И все строго по темам учебников. Как пятого курса, но строго за прошедшие четыре недели, так и по прошлым курсам. И опять же — не отступая ни на шаг от того, что изложено в обязательной программе. Я уже поняла, что всерьез прежняя преподавательница никого не утруждала.

— Маэстрина Монкар! — взвыли они под конец. — Так нечестно!

— Что именно, маузели и месье? Спрашивать с вас пройденный материал? Я вам больше скажу. Все, кто не будет учить материал, к сессии не будет допущен.

Пятикурсники принялись мрачно переглядываться.

— Стерва! — прошептал кто-то тихонечко. Но акустика была здесь феноменальная, так что услышали все, в том числе и я. Полагаю, на это и был расчет.

— Студенты, не утруждайтесь, — усмехнулась я. — Вы пожелали серьезного преподавателя, вы его получили.

— Вы не имеете права нам мстить, маэстрина! — хмуро огрызнулась зачинщица и виновница сегодняшних неприятностей для всех однокашников. — К тому же вы даете лишние материалы, которые не предусмотрены по программе. А у нас и так хватает занятий. Мы не обязаны учить ничего лишнего.

— Вот как? — невозмутимо поинтересовалась я. — Кто еще считает, что дополнительные ценные знания, которые я давала, не пригодятся? И кто не хочет их впредь получать?

Поднялось несколько неуверенных рук.

— Хорошо. Как вам будет угодно. Пятый курс, с сегодняшнего дня я не стану делиться с вами ничем сверх учебника и методичек, выданных мне в деканате. На следующем занятии проведу проверочную лабораторную работу. Всего доброго.

В этот момент прогудел сигнал окончания пары.

Студенты попытались поднять бунт на корабле, пришлось задавить его. Что же касается остального... Это они просто не в курсе,

что такое итальянская забастовка^[7]. Вряд ли им понравится.

— Мари, чем вы так насолили пятому курсу? — поинтересовались за обедом коллеги.

— Провела срез знаний и строгий опрос, — спокойно ответила я.

— О! Ну и как? Все же последний курс, должны бы показать неплохой результат, — прокомментировала Нора Хавьер.

— Увы, магистр, увы. Результаты весьма плачевны. Пройденный за этот месяц материал они усвоили посредственно, мягко говоря. И отказались от всех тех дополнительных эликсиров и зелий, которые я им пыталась дать. Хотя мне казалось, что все втянулись в мой темп.

— Зачем же вы их нагружали? — спросила Франсуаза.

— Глупость сделала, — признала я. — Думала, им это пригодится. Ведь ценные знания. Сами они вряд ли догадаются, что такие существуют. И уж точно не станут на свой страх и риск их готовить и употреблять.

Преподавательница водных плетений фыркнула. Меня она все так же не любила, но цепляться стала меньше. Времени на глупости не осталось, ректор всех так нагрузил и озадачил, что тут не до меня стало.

— А чему же вы пытались их научить? От чего они отказались? — любопытствовал магистр пространственных изменений Охáрн Эрнó.

— Различные жизненно полезные. Для памяти, для бодрости, для хорошей кожи и волос, для острого зрения. Они отчего-то не входят в обязательную программу, но, по моему скромному мнению, без них как-то не очень хорошо живется.

— Коллега, а я бы вот не отказался от эликсира для бодрости, — оживился магистр. — Осень на меня всегда плохо влияет, утомляемость повышается.

— Научить вас готовить? Или просто дать рецептуру?

— Эм-м... Маэстрина, а вас не затруднит просто приготовить эти чудесные эликсиры для всех желающих? Разумеется, мы компенсируем стоимость ингредиентов... Или еще проще. Я часто бываю в городе. Напишите мне список трав и необходимых веществ, я куплю на всех. А вы нас выручите, если приготовите. Да, коллеги?

Думаю, я не один, кто желает воспользоваться полезными эликсирами и зельями. Для памяти я бы тоже не отказался.

— Хорошо, — пожала я плечами.

Мне это действительно несложно. Себе-то я все эти чудесные волшебные жидкости готовлю регулярно. И если поначалу, когда я только очутилась тут, делала это, не особо отдавая себе в этом отчет. Просто знала — как и варила еще в пансионе. То сейчас это происходило уже осмысленно. Я искала новые рецепты в книгах, разбирала их полезность и необходимость, ну и готовила. И для себя, и для малышки Софи.

Черта с два младенец был бы такой спокойный без всего этого. У них же все эти колики, газики, диатезы, зубы, истерики и не знаю, что еще. А так — тишь и благодать. И даже по ночам она больше не просыпается и не просит кушать. Мы с ней обе спим до самого утра. Я — потому что устаю сильно, она — так как много гуляет, играет и полностью здорова.

Но, кстати, имеет смысл узнать о дополнительном заработке. Я ведь уже думала об этом, только не до того пока. Моя предшественница не стеснялась подрабатывать, готовя на заказ для городской аптеки. Почему бы и мне не попробовать? Деньги нужны, и чем дальше, тем больше. Грядет зима, нужны будут теплые вещи для меня и для Софи. Не говоря уж о том, что она стремительно растет. И то, что я купила ей месяц назад, уже становится маловато.

Пятый курс стenal и страдал. Я им обещала серьезность трех похоронных бюро — я им ее обеспечила. Следующие три недели слились для них в один печальный и глобальный кошмар.

Я была вежлива. Не реагировала, когда они огрызались, пытались качать права, доказывали мне, что мой предмет непрофильный и вообще не обязательный. Не слушала никаких оправданий, что они не успели, подумали, что это не нужно, что им это никогда не пригодится.

Увы, я была неумолима.

Они восхотели знаний строго по программе — они их получили. И да, спрашивала я их тоже строго по программе. Но выносила мозг так, что с моих пар они выходили морально уничтоженными, со сплошными неудами и с огромным количеством дополнительных заданий. Строго по программе, ага.

Самое смешное, что они попытались кляузничать на меня руководству. Ректор получил анонимное послание, в котором несчастные «жертвы преподавательского произвола» — это дословно — просили помощи, разбирательства и отстранения меня от должности.

Узнала я об этом позже. Сначала же была крайне озадачена, когда внезапно обнаружила на заднем ряду месть ректора. На мои вопросительно поднятые брови он лишь склонил голову в приветствии и жестом предложил мне вести занятие. Ну и ладно. Я быстро забыла о его присутствии и принялась морально уничтожать, ой, нести знания и требовать ответа.

На каждый стон, что этого они не проходили, отвечала, какая глава учебника за какой курс. Или какой пункт пройденных глав уже в этом году. А также когда именно и в каком контексте это рассказывала я, и просила открыть тетрадь и найти конспект за нужную дату.

И все это предельно серьезно и тактично, не повышая голоса, не позволяя себе грубости, иронии или сарказма. Что вы, что вы. Сказано — похоронное бюро, значит, похоронное бюро.

Вот как закопаем в могилку кое-чью наглость, тогда и посмотрим.

А месье Гресс после пары показал мне анонимку, попросил зайти к нему в кабинет, когда освобожусь, чтобы обсудить ситуацию.

Я зашла. Рассказала. Сообщила, как все началось, что происходит в данный момент, посетовала на удручающе низкий уровень знаний студентов. Практически нулевой, будем откровенны.

Ректор выслушал, покивал, прищурившись рассматривая меня и неведомо чего ожидая. А потом устроил конец света всем. Во-первых, студентам, потому что распорядился всем курсам, кроме первого, который не успел еще проштрафиться, пройти переаттестацию по алхимии и зельеварению. Во-вторых, мне. Потому что именно мне предстоит подтянуть их и потом принимать эту аттестацию в составе независимой комиссии.

И совершить все это предстоит до наступления зимней сессии. Потому что кто не пройдет переаттестацию за прошлые курсы, к этой самой сессии допущен не будет.

Вот так-то.

Повторюсь, но уж больно фраза хорошая: огребли все!

— Ну и чего вы добились, маэстрина? — мрачно спросил меня Анри Лефлекс. — У нас выпускной курс, и тут такое...

— Я добилась? — удивилась я. — А когда писали анонимную жалобу ректору, чего вы ждали? Что новый глава университета придет, выгонит злую меня, которая заставляет вас работать на своих парах? А вас, бедняжек, погладит по голове и скажет: «Студенты, продолжайте валять дурака. Учиться вообще не надо, ведь знания — это совершенно бесполезная вещь». Так?

— Мы ничего не писали! — возмутился парень. — Вы действительно совсем нас замучили, но писать кляузы... Не надо наговаривать.

— Ну-ну. Поспрашивайте-ка своих особенно обиженных подруг. Письмецо пахло духами. А теперь открывайте тетради и учебники, будете сверяться, чтобы я, не дайте боги, ничего лишнего не заставила вас учить. И конспектируем.

— Да маэстрина!!! — взвыли сразу несколько голосов. А кто-то из парней аж кулаком по парте шибанул: — Сколько же можно?! Что ж вы такая злая-то?! Долго вы еще будете нам мстить?!

— Не понимаю, о чем вы. Вы попросили меня придерживаться программы. Я выполняю вашу просьбу. Действую строго по своей должностной инструкции и преподаю лишь обязательный материал.

Кто-то тихо ругнулся. Множество взглядов скрестилось на Генриетте, которая смотрела в свою тетрадь и делала вид, что ее тут нет. Она сжала зубы, не поднимая глаз, и зашуршала страницами учебника.

А я приступила к лекции. По программе. Ага. Ну недобрая я, признаю. Негуманная. Вот вообще ни разу я не всепрощающая милая девочка, о которую можно ноги вытирать. Есть у меня одна препоганая черта характера. Если меня обижают, я, вместо того чтобы плакать, делаю все, чтобы плакали те, кто меня огорчил. Я ужасно злопамятная и мстительная.

Не горжусь этим. Но по-другому, мягче, можно только с детьми. Да и то слабинку показывать нельзя. А взрослые люди... Заслужил — получи ответочку. Не успокоюсь, пока не воздам по заслугам. Вот потом выдохну и забуду.

Поэтому врагов у меня ни в школе, ни в институте не было. Все как-то быстро понимали, что лучше не обижать эту славную светлоглазую девочку Машу.

На работе... Да тоже как-то не было их. Потому что я не спускала на тормозах хамство, подколки, попытки подсидеть. Не знаю, наверное, это нехорошо. Может, и замуж я не вышла по этой же причине. Я плохо умею прощать и редко что-то забываю. Но могу сказать в свое оправдание, что сама никогда не провоцирую и не нападаю первой. О людях всегда заочно думаю хорошо, пока они не докажут обратное.

В конце занятия, когда я сообщила проштрафившимся студиязам, что на сегодня все, и осчастливила домашним заданием и списком того, что буду спрашивать, пятый курс выбросил белый флаг.

— Маэстрина! — встал Вебер, которого, похоже, выбрали переговорщиком. — Мы это... Ну... В общем, мы были неправы. Зря мы на вас наговаривали. И те эликсиры и зелья, которые вы нам давали в прошлом месяце, они действительно нужные. И мы даже освоили их. Для памяти, вот. И для бодрости.

— Хорошо, — кивнула я без тени улыбки. — Месье ректор нас всех так осчастливил, что они пригодятся. Мне в том числе.

— Да... — кашлянул парень и исподтишка кинул в спину Генриетты скатанный из бумаги шарик.

Та еще ниже склонилась над тетрадью, отказываясь понимать намеки. Пришлось ему самому продолжать, потому что на него, в свою очередь, шикали со всех сторон, мол, ну давай, давай.

— И еще это... маэстрина Монкар... А давайте вы больше не будете серьезной, как три похоронных бюро? Давайте уже прикопаем... некоторых... И все. Можно, как раньше? С этими... мозговыми штурмами, диаграммами связей и вот теми образными штуками, как вы другим курсам по-прежнему даете.

— А все с этим согласны? — спросила я. — Или лишь пара человек, а остальные считают это лишним?

— Все! Маэстрина, мы все за!

Его поддержали со всех сторон возгласами. Тут прогудел сигнал окончания занятия, но никто не шелохнулся, ждали моего ответа.

— Ладно, — не стала я вредничать. — Вернемся к прежней методике. Только от переаттестации это вас не освободит, ее назначила не я, а ректор. Но могу помочь в кратчайший срок наверстать упущенное за годы, запомнить все и подготовиться. И учтите, проводить ее буду не я. Меня уже поставили в известность, что созовут комиссию, в состав которой войдут независимые эксперты из других учебных заведений. Раз уж вы довели это до официального разбирательства.

В общем, я приняла их капитуляцию и пошла на мировую. А Генриетта задержалась, когда все ушли, и попросила прощения, что нахамила мне тогда. Ну что ж, человек, умеющий признать свою неправоту, принести извинения и исправиться, достоин уважения. Я ей так и сказала.

«Три похоронных бюро» отправились в бессрочный отпуск.

А маэстрина Мариэлла Монкар заработала репутацию препода, которого лучше не злить. А то огребешь счастья столько, что и не выплывешь.

Артур Гресс с бесконечным любопытством наблюдал за противостоянием Мари и студентов-выпускников. Разумеется, он с самого начала был в курсе случившегося у них разногласия. Веселился над фразой, что она будет серьезна, как три похоронных бюро.

И не только он. Коллеги делали ставки за спиной у Мариэллы, гадая: кто кого? Усмирит ли молоденькая неопытная преподавательница, сама вчерашняя студентка, целую толпу лоботрясов? Или же ей придется смириться, и это они ее прогнут?

Артур сделал ставку на Мари. Понаблюдав за ней месяц, оценив ее упорство и зная то, чего не видели на ее парах коллеги... Это, наверное, неприлично — подглядывать через своего волшебного питомца, но удержаться от искушения невозможно. Так вот, ни секунды ректор Усача не сомневался в силах маэстрины Монкар. Ему просто было любопытно, как она это делает.

Повеселился и над кляузой, и над стенаниями «ну и стерва же маэстрина оказалась!», и над шепотками в коридорах, что лучше бы не гневить маэстрину. А то «три похоронных бюро» — это страшно, никому не хочется повторить судьбу пятого курса.

Что интересно, ставку на Мари сделали еще мастер Ханк и магистры Чолин и Хавьер. Ханк с ней много времени проводит рядом, пока играет с малюткой, наблюдает, делает выводы. А мудрые пожившие магистры, проработавшие несколько десятилетий с молодежью, имеют богатый опыт за спиной, умеют видеть людей. И эту девушку, и ее характер уже оценили.

Выигрыш его в итоге оказался вполне неплохим, так же как и у вставших на его сторону трех преподавателей. И всю общую сумму они принесли к нему в кабинет, чтобы он, как глава учреждения, придумал убедительную причину, как отдать их для малышки Софи. Хорошо, что он не один так подумал. Признаться, что они делали на Мари ставки, никому не хотелось.

Гресс добавил их выигрыши к уже отложенному для этой же цели своему. Вызвал Мариэллу Монкар в кабинет и вручил якобы подъемные, как молодому специалисту, только начинающему профессиональный путь.

Было приятно видеть, как она обрадовалась и весело заявила малышке:

— Софи, да мы с тобой богачки! Ура! В ближайший выходной отправимся в безудержный забег за нарядами. Да, карапузик? Что носят зимой такие модные полугодовалые девчонки, как ты?

— А что носят такие молодые преподаватели, как вы? — с легкой усмешкой спросил магистр Гресс.

— Брюки, в основном. Ненавижу холод, месье ректор. И бесконечно рада, что я маг и могу позволить себе не путаться в юбках по грязи и снегу.

Она открыто улыбалась, и Артур в который раз подумал: как же хорошо, что он сумел однажды оказаться в нужное время в нужном месте и смог спасти жизнь этой славной умной девушке.

Глава 16

Как-то незаметно в рабочей гонке и в противостоянии характеров пролетел второй месяц моей преподавательской деятельности. И фактически столько же я обитала в новом мире. Даже привыкла уже. И к новому быту, и к неудобной одежде, и к отсутствию смартфона и компьютера. Во многом успела разобраться по книгам. Благо библиотека в Усаче огромная.

Прочитала историю мира Óдимен и королевства Изáр, в котором я проживаю ныне. Столица его — Зеру́ко. Город, в котором располагается Университет Специальных Чар — Áзкен. А замок, где мы обитали сейчас, оказывается, испокон веков принадлежал роду Гресс. И организовал сие учебное заведение несколько столетий назад один из Грессов, магистр Нил Гресс.

Вот так-то. Вот почему никто не смещал прежнего старенького мэтра с его должности, невзирая на все его чудачества и запущенность дел. И то, что нынешний ректор тоже из рода Гресс, вполне закономерно. И тайной его назначение ни для кого не являлось. Ну, кроме незадачливых попаданок из другого мира.

Разобралась я и с религией, и с божественным пантеоном. Пару раз неудачно чертыхнулась, заслужила косые удивленные взгляды и сразу же отучилась от этой привычки. Придется искать местные аналоги привычным ругательным чертям, чтобы в сердцах ругнуться. Неплохо бы еще и местную нецензурную лексику услышать, но неловко об этом спрашивать. Как-то если только само случится, и я пополню запас брани.

Так вот, богов несколько. Не древнегреческий гадюшник, слава местным богам, и не в таком колоссальном количестве. Местный пантеон мой мозг, возвращенный на единобожии, в состоянии запомнить и осознать.

Женская часть, три божественные дамы: богиня материнства, плодородия, жизни и всего сопутствующего — Маурита, богиня удачи и судьбы — Зóртия и богиня любви — Ланита.

Мужчин двое. Бог смерти и загробной жизни — Хелиот и двуликий бог войны и мира — Герр-Мунд. Лицо войны — Герр, лицо

мира — Мунд.

Хотя... Если двуликого бога считать за двух личностей в общем теле, как сиамских близнецов, то тоже получается, что трое. И тогда общее количество божественных сущностей уже не пять, а шесть. Местные теологи не пришли к единому мнению, считать ли двуликого Герр-Мунда за одного или за двоих. Я для себя решила, что лучше за двоих и при случае свечки и дары приносить каждому отдельно.

Как человек двадцать первого века, считаю, что лучше перебдеть, чем недобдеть и огрести неприятностей от обиженного небожителя. Причем дома я всегда была атеисткой и не верила ни в одного.

Но почитав местную литературу и свидетельства очевидцев, пришла к выводу, что в мире магии все совсем иначе. Тут с богами не забалуешь, они активно вмешиваются в людские судьбы. Можно посетить храм, взмолиться, принести соответствующие дары, и есть шанс, что до тебя снизойдут и... что-то свершится. Тут, в мире Одимен, все серьезно, по-волшебному.

Кроме богов еще есть духи стихий, элементали. Но они чистые сгустки энергии, обитающие как бы в своем подпространстве. И есть духи природы. Этих много, полагаю, что-то вроде привычных мне лешего, водяного, кикиморы болотной и прочих. С ними я пока не сталкивалась, но допускаю, что просто не умею смотреть. Возможно, рядом где-то обитают домовые или замковые, только я не знаю, как их увидеть.

Ах да! Есть призраки. Но их замечают не все. Закономерность я пока не выявила. Я видела, только была не в курсе, что это призраки, поэтому и не боялась. А когда узнала, что они привидения, все равно не испугалась, потому что думала, что это так и должно быть. Ну идет медленно по темному коридору слегка флуоресцентная дама в пышном наряде. Никого не трогает, выглядит пристойно, на нее никто не реагирует. Откуда мне было знать, что ее просто никто другой не замечал, а я поздоровалась с пустым местом. Дама-то мне ответила, хоть и слегка удивилась.

Пришлось навести справки. Я ведь думала, что духи, призраки и привидения должны быть невидимыми или хотя бы прозрачными. А оказалось, что для тех, кто их видит, они всего лишь слегка светятся потусторонним светом. Но выяснилось, что, по идее, я тоже не должна их замечать.

Поскольку я, точнее, Мариэлла Монкар не обладает способностями к стихийной магии. Тут я опять не все поняла. Мне ведь достался ее дар вместе с телом, навыками и багажом профессиональных знаний по алхимии. Вместе с пакетом информации о личной жизни, принудительно залитой в мой разум. При чем тут стихии? Ведь моя душа, принадлежащая землянке Марии Каменевой, не обладает вообще никаким магическим даром.

Надо бы разобраться. Но не сейчас, не до того пока. И так по самые ушки загружена.

С ректором мы пересекались нечасто. А если вдруг и беседовали, то исключительно по рабочим вопросам и коротко. Хотя он всегда все знал, неведомо как оказываясь в курсе происходящего в университете. Доносят ему, что ли? Иначе бы откуда? И всегда так смотрит и улыбается странно, будто ему известно обо мне нечто эдакое. Я даже напрягаться начала, мало ли, вдруг Мариэлла с ним знакома была. Даже уточнила, а то вдруг?... Нехорошо вышло бы. Но нет. Артур Гресс едва заметно усмехнулся, покачал головой и уверил, что прежде мы не были представлены друг другу.

Но вообще, мы почти не сталкивались, он был дико занят. Его тоже погребло под завалами нерешенных вопросов и проблем, которые оставил ему в наследство прежний глава Усача. Но зато он меня несказанно порадовал, выдав что-то вроде внезапной премии. Сказал, что это подъемные для молодого специалиста, только начинающего профессиональный путь. Чтобы устроиться, обжиться, соответствовать и так далее. Это было очень кстати, я существовала в режиме жесткой экономии, так как нужно было озаботиться необходимым гардеробом для нас с Софи. Я была ужасно довольна и наконец-то смогла докупить кое-что из необходимого.

Должна сказать, что мне, трудоголику, привыкшему к ненормированному рабочему дню и постоянным рабочим созвонам, тому, кто даже в выходные дни не умел отдыхать и создавал контент для соцсетей, читал книги по саморазвитию или смотрел вебинары, был понятен и близок его трудовой энтузиазм. Я сама такая, что уж. И если бы меня не сдерживал младенец, о котором нужно заботиться круглые сутки напролет, и физически ослабленный после родов и затянувшейся депрессии организм прежней хозяйки...

С последней проблемой я вполне успешно боролась. Сбалансированное питание, минеральные добавки, магические эликсиры и энергетические тонизирующие зелья. Самостоятельный легкий массаж, мази и крема для кожи, волос и ногтей. Оказывается, Мариэлла знала огромное количество рецептов, не понимаю, почему она всем этим не пользовалась. Я-то в курсе, каких проблем ждать женщине после родов, слышана и начитана в блогах. Зубы и волосы я потерять не желала, так что приняла меры. Плюс зарядка по мере сил: растяжка, прыжки, приседания, пресс и так далее. Но, конечно, у себя в комнате, и ни на какие пробежки я не ходила. С коляской марафоны невозможны.

В общем, новое место обитания своей души я привела в порядок. Пеклась о нем и заботилась о маленькой Софи. Тут мои познания были весьма ограничены, опыт общения с младенцами у меня нулевой, но я старалась и не стеснялась спрашивать взрослых тетюшек из персонала универа.

Правда, я по-прежнему не ощущала Софи своим ребенком. То есть я понимала, что она плоть от плоти, как говорится. Но духовно я ей все же не настоящая мама. Воспринимала я ее скорее как подопечную или домашнего питомца, хотя это звучит коряво и странно. Не знаю, как точнее объяснить испытываемые мною чувства к этой милой девочке. Она теперь моя, и я сделаю все от меня зависящее, чтобы ей было хорошо, но она... не моя. Вот такой парадокс. Родительница из меня не эталонная, признаю.

В приемной ректора было пусто, секретарь куда-то убежала, так что я подошла и постучала непосредственно в дверь кабинета. Мне никто не ответил, но раз уж я тут, не уходить же, так что повернула ручку и заглянула.

За огромным столом с завалами папок и свитков, сложив руки и уронив на них голову, спал месье Гресс. Похоже, бедолага себя вконец загонял. Я помялась на пороге, размышляя, но все же вошла и прикрыла за собой дверь.

Коляску я оставила в кабинете, Софи бодрствовала в слинге и с любопытством глазела по сторонам. Ей уже четыре месяца, часы сна становятся короче, время бодрствования длиннее, голову она держит уверенно, интересуется не только едой и кошачьим хвостом и с

любопытством изучает все вокруг. Я и приматывала ее слингом уже не как раньше — кулечком, а как в переноске-кенгуру: чтобы ножки свисали, ручки на воле, а спина прямо. Очень не хватало нормальных ремней с защелкивающимися карабинами.

Так вот, ректор крепко спал. Барон, пришедший с нами, запрыгнул на стол и разлегся во всю длину. Я же не знала, будить начальство или подождать. Постояла у окна, глядя вниз на унылый осенний двор и студентов. Переместилась к книжным шкафам, прошла вдоль них, изучая содержимое и названия книг. Вдруг что-то ценное и полезное есть, чего я не увидела в библиотеке. Полюбовалась на хрустальный шар на треноге. Он занимал отдельную полку, а рядом с ним лежала колода карт тарó и гадальные кости с рунами. Я покопалась в памяти, отыскивая сведения об этих приспособлениях. Нет, Мариэлла гаданием не занималась, значит, не умею и я. Ну и ладно, не очень-то и хотелось.

Вру, хотелось, но не беда, можно попросить коллег. Хоть бы даже и ректора. Мужик, конечно, умотался основательно, но иногда же он отдыхает. А кстати, когда он отдыхает? Я даже не в курсе, где он живет. В преподавательском общежитии мы ни разу не сталкивались.

Я перевела взгляд на стекло, в котором отражалась комната и ее владелец. И обнаружила, что этот самый владелец уже не спит, а, подперев голову кулаком, смотрит на меня. Некоторое время мы изучали друг друга в отражении.

— Выглядите отвратительно, — негромко сказала я, не поворачиваясь. — Совсем себя не щадите.

— Думаете? — как-то вяло отозвался он, не пытаясь изменить позы.

— Вижу. — Я продолжала стоять спиной, разговаривая с его отражением. — Такими темпами вы скоро снова окажетесь на лечебной койке. Когда вы последний раз нормально спали и ели? Мы крайне редко видим вас в столовой.

— Ну... — месье Артур подумал, как-то неуверенно сообщил: — Вроде бы вчера.

— Спали?

— Ел. Кажется. Да, я ужинал, совершенно точно.

— А сегодня? Вы ведь в курсе, что уже вечер?

— Ну... — опять-таки вяло протянул он: — Я пил кофе. Несколько чашек.

— У вас есть жена?

— Нет, — удивился он моему вопросу.

— Невеста?

— Боги миловали, я не обручен.

— А секретарь? Ваш, личный, а не общий, занимающийся делами университета?

— Маэстрина Монкар, пощадите! К чему все эти вопросы? — улыбнулся мужчина, выпрямился, подвигал плечами и откинулся на спинку кресла. Потом до него дошло, что он сидит в присутствии дамы, что совершенно недопустимо по местному этикету, и сделал попытку встать.

— Сидите, — отмахнулась я, а Софи агукнула и задергала ножками.

Пришлось мне повернуться к собеседнику и подойти ближе. Он же окончательно проснулся, протянул руку и поздоровался с малышкой. Та радостно ухватила его за палец и принялась пускать слюни. Я с этим смирилась и уже перестала остро реагировать и пытаться ей их постоянно вытирать. Мне сказали, что это нормально, начинают резаться зубы, так что носить слюнявчики и любоваться слюнявыми пузырями.

— Зато вы, девушки, выглядите ошеломительно и прекрасно.

Общительная Софи улыбалась и радовалась. Я чуть склонила голову, поблагодарив за комплимент.

— Вы сегодня заняты? — спросила я.

— Я каждый день занят, маэстрина Монкар. Даже не предполагал, насколько мой дорогой родственник все запустил. Вероятно, следовало отпустить его на покой еще лет пятьдесят назад.

Я зависла, подчитывая, а потом осторожно спросила:

— А сколько лет уважаемому мэтру? За сто?

— За триста.

Я опять прикинула, подсчитывая.

— Не сходится у меня что-то. Если мэтру Кастору более трехсот лет, то сколько же вам? Он ваш прадед, вы говорили?

— Мы ведь маги, вы забыли? Прадеду ошутимо за триста, деду почти двести, отцу сто двадцать. В этом году юбилей справлять будет.

А мне всего тридцать три, опережая ваш вопрос. Я традиционно поздний ребенок и, по меркам моего семейства, еще зеленый юнец, — иронично ответил ректор.

— А как так? — у меня брови взлетели.

— Да как-то вот так. Представители рода Гресс поздно женятся и не спешат обзаводиться наследниками. В этом есть определенные преимущества, маэстрина.

— Какие же? — склонила я голову к плечу.

— Все знают нашу традицию и не пытаются навязать брачные узы.

— А дети? Если вдруг что... внебрачные?

— Маэстрина, ну как вы могли так плохо о нас подумать? У нормальных магов не бывает «вдруг» и внебрачных детей. Допустивших подобное ожидают неприятности.

У меня на этот счет имелось свое мнение, потому что именно мне достался в наследство этот самый «вдруг». И папашка Софи как раз и есть маг, раз уж он учился в одной академии с Мариэллой. Вот тоже еще... Придется заняться вопросом, узнать, что там и как. Надо вписать пункт в «План покорения мира».

— Маэстрина, мы отвлеклись. Приношу извинения. Вы по какому вопросу?

— Да уже неважно, — задумчиво отозвалась я, а потом приняла решение. — Знаете, месье ректор, у меня острое желание взять над вами шефство. А то мы так снова окажемся без руководства, а я только начала адаптироваться.

— Что? — растерялся мужчина. — Почему? Зачем? И почему вы?..

— Ну, считайте, что у меня незавершенная программа. Я вас нашла, спасла, доставила для квалифицированного лечения. А вы пытаетесь уничтожить мои труды. Потому что еще немного, и снова угодите к целителям. Не спите. Не едите. И насколько я вижу, совсем не следите за своим здоровьем. А мне характер не позволяет смотреть на это равнодушно. Заботилась я только о Софи, теперь и вас опекать невольно хочется, — улыбкой смягчила я свою странную речь.

Нет, ну правда. Хороший мужик вроде. Внятный, без закидонов. Внешне не в моем вкусе, но это неважно, потому что мы коллеги.

Служебные романы — это не моя тема, спасибо, не надо. А вот чисто по-человечески, по-дружески, я вполне готова подставить плечо.

— Не стоит, маэстрина. Это плохо скажется и на вашей, и на моей репутации, — усмехнулся Гресс и погладил своего кота, и тот тут же громко замурлыкал. А ректор уточнил: — Незавершенная программа? Это что-то из тех самых странных фраз, которые никто не понимает, но подхватывают и начинают употреблять?

— Вы о чем? О тех, которые упоминали на собрании? Мы вроде выяснили их значение.

— Пазл сложился, интерактивный, номинация, взломать систему, презентация... Как я уже говорил, никто не знает точное значение этих слов, но вы так к месту их употребляете, что они тут же вливаются в речь ваших студентов.

— Эм-м... — не нашлась я что сказать.

Вот так дела! Я действительно все еще употребляю их? Вроде старалась следить за своей речью, не выражаться на сленге, привычном по общению в соцсетях. К тому же мы тут говорим не на русском, а на каком-то местном языке. Я его знание получила автоматом, вместе с грамматикой и умением читать и писать. По идее, должны звучать аналоги земным терминам, но на местном языке. Коли уж я получила лингвистический пакет при обмене душами.

— Вы за мной следили? — наконец выдала я вопрос.

— Ну что вы! Но наблюдал. Вы интересная личность, маузел Мариэлла. Удивительная, я бы сказал. И да, меня, как и ваших студентов, волнует вопрос: сколько же вам лет на самом деле? — Он рассмеялся. — Я читал ваше дело, знаю биографические данные. Просто вы в такой взрослой манере с ними общаетесь, столько всего знаете, постоянно ставите ребят в тупик суждениями... Они невольно забывают, что фактически вы почти ровесники.

— Я плохо выгляжу? Старше? — попыталась я перевести тему разговора. — Вроде стараюсь следить за собой, хотя молодая мать имеет право на некоторые огрехи в облике...

— Вы восхитительно выглядите. И прекрасно поняли, о чем я. Но я не буду мучить вас своим любопытством. Двадцать два, значит, двадцать два. Пусть...

Мы помолчали. Я не знала, что сказать, и немного расстроилась. Не удастся мне мимикрировать. Плохо, наверное. Или наоборот, хорошо — студенты осознают, что пусть не физически, но психологически я старше. Софи ничего не тревожило, она агукала, продолжая тискать и дергать палец моего излишне любопытного собеседника.

— Знаете, месье ректор... А пойдете-ка ужинать, — кашлянув, заявила я. — Никуда ваши дела не убегут. Потом завершите. Давно мы вас не видели в столовой. Посидите с коллегами за общим столом, немного отдохнете и подкрепитесь. А позднее, не сегодня, я найду время и силы, опрошу вас, рассчитаю по всем параметрам, составлю список необходимых эликсиров и зелий с учетом вашего образа жизни и рациона. И приготовлю их на досуге.

Магистр выслушал мою речь, потом внезапно закинул голову и расхохотался. От души, весело, аж слезы выступили. Софи обрадованно задрыгалась, словно ее за веревочки дергали и за ручки, и за ножки. Даже мне по подбородку заехала кулачком. Барон же встал и попытался залезть на руки своему хозяину. Ему не нравилось, что на него, такого рыжего и мохнатого, не обращают внимания. Он ведь пришел, надо гладить.

— А пойдете, маэстрина Монкар. Вы неподражаемы, — погладил кота по спинке Артур.

— Можете называть меня по имени. Мари. Мы со всеми коллегами в основном просто по именам, тут так принято, как мне сказали

— Учту. Благодарю, маэстрина Мари. — Ректор встал из-за стола, протянул руки и спросил: — Вы позволите мне отнести в столовую эту юную особу? Не могу же я допустить, чтобы в моем присутствии девушки носили тяжести. Барон, тебе придется пойти самому.

Кот муркнул, спрыгнул на пол и потерся о мои ноги, намекая, что раз Софи понесет его хозяин, то его неплохо бы взять на руки мне.

Увы, попаданки с Земли такие непонятливые... Они просто зовут котиков за собой:

— Кис-кис, Барон. Идем кушать.

По дороге я размышляла, что по закону жанра, попади я в нормальную фэнтези-историю, у меня должен был бы закрутиться роман с красавчиком ректором. Мужик молодой, интересный,

внимание определенно привлекает. Я в нынешнем существовании тоже юна, недурна собой, могла бы быть студенткой... Вышла бы неплохая сказочка.

Только вот история у меня не классическая, я не студентка, а преподаватель. Мы с ним коллеги. И мы практически не общаемся, потому что оба вкалываем как проклятые на новом месте работы и разгребаем последствия халатности наших предшественников. И у меня есть Софи, и непонятный социальный статус... В общем, романтическая история мне не светит.

Глава 17

Наше явление в столовую произвело фурор. Софи месье Гресс держал на руках, естественно, отказавшись от слинга. Мне пришлось убрать его вместе с остальными детскими причиндалами в сумку, и я сама ее несла.

— Добрый вечер, коллеги, — подойдя к столу, поздоровался ректор с сидевшими там преподавателями. — Маэстрина Монкар проявила настойчивость и заставила отправиться ужинать. Рад вас видеть.

— Присаживайтесь, магистр, — развернул ему стул магистр Эрно. — Вижу, вы сегодня решили поближе пообщаться с малышкой Софи? Мари, добрый вечер. Прошу вас, — предложил мне второй стул преподаватель пространственных изменений.

Ужин прошел вполне мирно, хотя и под прицелом взглядов толпы любопытствующих студентов. И таки да, девушки бросали на привлекательного молодого bruneta кокетливые взгляды. Они все не теряли надежды, что он отметит вниманием кого-нибудь из них. Выгодная партия, как ни крути. В мире аристократов и магов это имеет значение.

— Месье ректор, а вы регулярно употребляете эликсир против приворотов? — спросила я и прикусила щеку, чтобы не начать улыбаться.

— А надо? — замерла его рука над стаканом морса.

— Конечно. Вы же в курсе, что половина народу оказалась так или иначе под приворотными зельями и заговорами. Еще в первую неделю обучения мы этот вопрос решали. Они у меня теперь поголовно каждую пару недель себе варят это средство и принимают. Никому не понравилось нахождение под навязанными чувствами.

— Но они же студенты... — как-то растерянно произнес мужчина. — Я не тот объект...

— Месье ректор, Мари совершенно права, — поддержала меня магистр Хавьер. — Всем, кто не достиг пенсионного возраста и крутится среди молодых и энергичных дарований, стоит о себе заботиться. Мастер Ханк и то имеет опыт противостояния девицам,

мечтающим о замужестве. Хотя ни для кого не секрет его обеты. Мари любезно готовит этот эликсир и для нас, хотя, разумеется, нам нет необходимости принимать его каждую неделю.

— Я ректор.

— Вы молодой мужчина, месье Гресс, — дробно рассмеялся магистр Чолин и пригладил бородку. — Поверьте, еще немного, и вам придется отбиваться от внимания противоположного пола, как и всем нам.

— Ох, Лукас, ну ты-то уж не примазывайся, — улыбнулась Нора.

— А что? Я вполне еще ничего, — развеселился пожилой маг. — Особенно на практикумах и зачетах. Моей симпатии тогда жаждут абсолютно все студентки.

Все заулыбались. Магистр Зандро повела плечами, демонстрируя бюст, и стрельнула глазками в Артура.

— Не расслабляйтесь, месье ректор, — томно произнесла она. — Конечно, романы со студентами недопустимы. Но так сложно избежать их внимания.

— Придется постараться, — усмехнулся чему-то Гресс, глянув на нее мельком. Предлагаемый бюст внимания не удостоил. Зато посмотрел на меня. — Я вас услышал, коллеги. Маэстрина Мари, был бы признателен, если бы и для меня делали порцию. В принципе, думаю, стоит это делать для всех сотрудников Усача. Мы все же серьезное учреждение, отвечаем не только за себя, но и за огромное количество юных магов. И все знаем, как бурлят сила, кровь и... гм... дурь. Маэстрина, вы не откажетесь взять на себя эту часть работы? Разумеется, это финансово будет зачтено как дополнительная нагрузка. И было бы неплохо, если бы провели ревизию ингредиентов, может, что-то нужно докупить.

— Какая хорошая мысль, месье ректор, — поддержал эту идею преподаватель истории магии. — Мари, вы возьметесь?

— Пожалуй... — прикинула я свое время и возможности. — Можно раз в месяц готовить. Магистр Лукас, а вы не делали амулеты от приворота? Или артефакты?

— Делал, конечно. Но у них высокая себестоимость, они требуют регулярной подзарядки и не защищают от всех видов приворота. От зелья, например, они защитят не до конца, останется остаточное «отравление», если можно так выразиться. А вот тот эликсир, что вы

отыскали где-то и успешно применили на наших учениках, показал стопроцентную реакцию при низкой себестоимости. Минус только, что его нужно регулярно готовить свежим и принимать, не теряя бдительности. Но вы большая умничка, Мари.

После познавательной беседы с месье Грессом о возрасте его родственников и оговорки о магах, я отправилась в библиотеку. А куда еще? Не ходить же и не спрашивать: господа аборигены мира Одимен, а какова у вас средняя продолжительность жизни у простых людей? А у магов? А у архимагов?

Просто для меня озвученные цифры — это что-то из области фантастики. Если чисто математически посчитать, то папенька Артура Гресса обзавелся наследником в возрасте восьмидесяти семи лет. На моей планете — это возраст, когда хочется не молодую жену, а грелку и капельницу.

Выводы складывались неоднозначные. Если мне не удастся повернуть обратный обмен душами и вернуться домой, то жить я здесь буду долго. Не обязательно счастливо, но два—три века минимум. Поскольку и триста лет, оказывается, не предел для могущественных магов. Это раз.

За телом и здоровьем нужно следить, чтобы не провести последнюю пару столетий скрюченной беззубой старушкой. Это два.

И потомством у магов обзаводиться принято лишь после первой полусотни прожитых лет. Это три.

Так что Мариэлла, ставшая мамой в двадцать два года, — это скорее исключение из правил. Точнее, если девушка имеет дар слабенький, по профессии и по призванию себя никак не реализует, а лишь счастливая жена обеспеченного мужчины, то там как угодно может сложиться. А вот у таких, как я, мои коллеги, мои студентки... У них иные планы на семейную жизнь и наследников. Лет до пятидесяти живут, самосовершенствуются, познают мир, путешествуют, работают, и лишь потом...

Мне было о чем подумать. И я немного иначе восприняла Франсуазу, которая, не стесняясь, подкалывала меня младенцем и юностью. Ей как раз ближе к шестидесяти, я разузнала. Но при этом выглядит она молодо, чувствует себя еще моложе и совершенно не торопится обзаводиться мужем и потомством.

Но сколько же тогда лет пожилым магистрам? Тем же Чолину и Хавьер? И ведь неловко спрашивать.

Прояснив для себя этот вопрос, я решила, что мне стоит позаботиться о своем помощнике и поклоннике Софи.

— Ханк, можно задать вам несколько вопросов? — обратилась я к мужчине, игравшему на полу с малышкой. Она активно дрыгала лапками и трясла погремушкой. — Это не из праздного любопытства, мне нужно для расчетов. Уверяю, все останется между нами и нужно мне только для дела. Если вас не затруднит...

Физрук перевел на меня взгляд и молча кивнул.

— У вас есть магический дар? — Он покачал головой, и я принялась спрашивать и записывать в свой блокнот необходимые мне сведения. — Сколько вам точных лет? Когда ваш день рождения? Врожденные и приобретенные заболевания? Имелись ли травмы и остались ли последствия от них, например, реакция на погоду или что-то съеденное? Аллергия на что-то или непереносимость отдельных видов продуктов? Какие-то досадные проблемы со здоровьем, типа мигрени в дождливую погоду или ноющие суставы в морозы?

Он слушал меня с непроницаемым лицом, лишь пару раз в глазах мелькнуло что-то типа: она сбрендила?! Но отвечал.

Ханку оказалось семьдесят три года, а не сорок, как я думала. И да, у него имелся целый букет старых травм, которые периодически напоминали о себе. Как я и предполагала. И кое-какие проблемы со здоровьем, приобретенные за прожитые годы. В том числе облысение.

Что удивительно, мужчина не спросил: а на кой мне все это понадобилось?

Я же потратила несколько дней, составила для него программу, приготовила несколько различных эликсиров и зелий. Курс рассчитала на месяц. И выдала все это с четкой инструкцией. Что, когда, сколько и как именно принимать.

— Зачем? — коротко спросил мастер Ханк, изучая коробку с флаконами и банками и исписанный лист.

— Мне хочется отблагодарить вас за помощь. Но я не могу сделать это как-то иначе. Поэтому попытаюсь помочь вам тем способом, который мне подвластен. Здесь программа приема

зачарованных эликсиров, настоек и зелий, рассчитанная под ваш возраст, пол, вес и состояние здоровья. Для начала именно так. Потом некоторые препараты нужно будет сменить на другие, чтобы восстановить баланс... э-э-э... всего.

— Я помогаю не вам, Мари. А ей, — кивнул он на Софи, терзающую кошачий хвост. Барон стоически терпел, лишь изредка стучая лапой со спрятанными когтями по расшалившимся пальчикам. — К тому же мне самому приятно.

— Я знаю, — улыбнулась я. — Примите, пожалуйста, Ханк. Это от чистого сердца, правда.

Принял. И даже стал принимать, соблюдая мои рекомендации. Сложно сказать, насколько лучше он начнет себя чувствовать через месяц, но я выбирала по нескольким книгам самые лучшие рецепты. Ну и комплекс витаминов и минералов. Да.

А что вы хотите от человека, привыкшего, что непременно нужно все это принимать и следить за здоровьем?

С ректором все это провернуть было невозможно. Я сдуру ляпнула тогда о шефстве над ним. Не учла ситуацию и менталитет местной публики. Если мастер Ханк — это неприкосновенный персонаж, с обетами и целомудрием, о котором всем известно, то ректор... Как было уже сказано ранее коллегами: молодой, холостой, желаемый кус для юных аристократок.

И тут Мариэлла Монкар, которой двадцать с небольшим, мужа нет, но есть ребенок. Понятно ведь, какие сплетни пошли бы. Поэтому я поразмыслила и решила не напоминать о своих опрометчиво сказанных словах. Мастеру Ханку я действительно благодарна. И потом, пусть выглядит он моложе, но фактически ему семь десятков. Софи он заменил дедушку.

Зато себе я тоже составила программу и лично все приготовила. Мне надо жить долго, счастливо и молодо. Бережем каждый волосок, ноготок и зубик. Прожить триста лет беззубой я категорически отказываюсь, а зубное протезирование тут не развито.

А еще — нервы! Ну не восстанавливаются нервные клетки, никакая магия не поможет. Поэтому с утра капельки для душевного равновесия, на ночь капельки для спокойного сна... и да здравствует дзен.

Мастер Ханк выданные ему препараты оценил. По его словам, он стал гораздо лучше себя чувствовать. Я порадовалась, что хоть так смогла отблагодарить его. И продолжила свою алхимическую деятельность.

Но это дела личные и общение с коллегами. А рабочий процесс у меня проходил бодро, весело, с огоньком. Порой — буквально. На практических занятиях, когда студенты собственноручно готовили адские смеси. Иногда что-то загоралось, взрывалось, убегало, воняло...

А еще мои факультативы были забиты народом. Потому что мы там и подтягивали программу прошлых лет к переаттестации. И учила я их новым эликсирам и зельям, крайне полезным в быту и для красоты, гигиены, здоровья. Но на парах на них не хватало времени.

Нагружала я бедолаг по максимуму. Опрашивать всех времени, естественно, не хватало. Поэтому я вынуждена была пойти на крайние меры. Я ловила студиезов и проверяла их знания везде, где удавалось.

Сначала народ дружно офигел. Они мямлили, выпучив глаза, потея от натуги и невозможности быстро соскрести мозг в кучу, и пытались что-то мне ответить. А потом ничего, оценили, прониклись, втянулись, перестали шарахаться и бодро отвечали на вопросы.

Я просто подходила к компаниям или к несчастным одиночкам, коим не повезло оказаться у меня на пути. Между лекциями, в коридорах, в столовой или на улице. Ко всем без разбору. Доставала свой ежедневник и приступала:

— Добрый день, студенты. Мгновенный опрос, время! Кьюсак, быстренько расскажите мне способ измельчения мандрагоры для зелья невидимости. Мейзен, продиктуйте мне рецептуру эликсира бодрствования. Летт, перечислите мне ингредиенты зелья от кашля...

— Я не Летт, я Корг, маэстрина.

— Приношу извинения, — зачеркивала я неправильно записанную фамилию, писала верную, и опрос летел дальше: — Плөйден, расскажите, каким веществом окислить медь. Чем растворить золото...

Остальные преподаватели были шокированы. Кое-кто даже изволил выразить свое мнение на этот счет. Но я оказалась удивительно толстокожей и почему-то не захотела на это мнение реагировать.

А вот ректору пришлось, ему на мой произвол снова пожаловались. Причем не студенты, эти решили со мной второй раз не связываться, да и привыкли уже ко мне, втянулись. Написал анонимку кто-то из коллег или из администрации Усача. Было неприятно, но закономерно. Явилась тут молодая выскочка, вытворяет боги знают что, весь университет на уши поставила...

— Маэстрина Мари, — отчего-то улыбаясь с жутко довольным видом, обратился ко мне глава учреждения. — Присаживайтесь. Говорят, вы студентов обижаете. Третируете. Никого уважения к традициям и незыблемости учебного процесса не проявляете.

— Магистр Гресс, да какие уж тут традиции, когда к переаттестации нужно подтянуть программу прошлых лет? Где же я найду время их всех опросить на парах, если нужно в эти часы уложить информацию этого года? Студенты плакались?

— Нет, — рассмеялся он. — Эти молчат. Стонут, ноют, но молчат. Похоже, боятся, как бы вы еще чего не изобрели.

— И ничего я не изобретала, — обиделась я. — Обычная живая работа. Чего время терять, когда можно быстренько опросить и проконтролировать. Не могу же я им позволить идти на аттестацию неучами. Они ведь ее провалят. И что тогда делать?

В общем, ректор беседу провел, анонимщик был удовлетворен. Наверное. Но в целом, мне было фиолетово. Я же не для своего удовольствия фигней страдаю.

Студентов я загнала, достала, замучила, но у них теперь от зубов отскакивал материал. Ночью их разбуди, они глаза протрут, со стоном выдадут что-то вроде:

— Маэстрина, опять вы?! В состав эликсира входят... — и отгарабелят то, что я в них вколачивала.

С практической работой дела обстояли хуже. Но тут как с готовкой: кто-то шеф-повар от бога, а кто-то может на коленке склепать адронный коллаيدر, но не в состоянии пожарить яичницу. Или сожжет, или пересолит. Я образно, конечно. Хотя... в мире архимагов-долгожителей и телепортационных станций, возможно, коллаидеры давно уже существуют, только называются как-то иначе.

Малышка Софи исправно присутствовала со мной на всех парах, лабораторных и практических работах, на дополнительных занятиях,

коллоквиумах и факультативах. Все привыкли к ней, она привыкла ко всем.

Девочка она симпатичная, улыбчивая, дружелюбная и спокойная. Поэтому частенько оказывалась на руках у кого-то из парней. Это как-то само началось. Я лишь пару раз попросила подержать, пока я что-то достану или напишу в тетради на весу. А дальше оно пошло-поехало и стало привычным и само собой разумеющимся. Ребята писали что-то или слушали мои объяснения, а Софи на локте у кого-то пристроена. Кулаки сосет или пытается пуговицу с мантии скovyрнуть. Эдакий общий университетский ребенок.

Или идем в столовую после занятий, а Софи опять же едет на руках у одного из парней, другой толкает коляску, а я или с котом на руках, или с блокнотом. И на ходу продолжаю что-то говорить по сегодняшней теме. То ли я такая болтливая, то ли так много знаю, но мы не всегда успевали все вопросы обсудить в заданные интервалы.

Удивительное дело, студенты слушали. И им действительно были интересны темы, о которых я говорила. На нас косились, прислушивались... Но мы частенько обсуждали не алхимию и не зельеварение. Это же своего рода химия и фармацевтика, вот мы и дискутировали, как можно было бы что-то там...

Ну а что делать-то? Сроки сжатые, материала неизученного — поля непаханные.

— ...Маэстрина, но это ведь не совсем алхимия, да? — звучало порой от кого-то. — Зачем нам это учить?

— Ребята, будьте как белки!

Первый раз эта фраза вызвала смех, и последовали закономерные вопросы: зачем и почему?

— Если вдруг вы не в курсе, дорогие мои, то огромное количество деревьев в лесах вырастает из-за того, что белки прячут желуди и семена на будущее и забывают о них. А из этих припрятанных плодовых запасов вырастают деревья. При этом белки — неумомимые подвижные создания. Они постоянно в движении, иначе их просто разорвет от неистраченной энергии. У них в поведенческой программе заложено добыть как можно больше запасов к зиме, значит, надо шустро и много двигаться

— То есть нам нужно приобрести склероз и забывать, где мы что спрятали? — озадачился студент. — И при этом энергично двигаться?

— Чейз, вы и так страдаете склерозом. Вы все еще не сдали мне реферат. Суть в том, что человеческий мозг ничего не забывает. Вообще ничего! Все, что вы когда-то слышали, увидели, прочитали — остается в нем. Воспользуетесь вы этим или нет, другой вопрос. Но даже если вы забывчивая белка, то припрятанная в вашем подсознании информация даст плоды. И вполне возможно, однажды наступит такой день, когда случится нечто непредвиденное. И вы такой: «О! А ведь когда-то вредная и требовательная маэстрина Монкар мне об этом рассказывала. Сейчас я покопаюсь в памяти и вспомню. Ага!».

— То есть нам быть как белки...

— Будьте, Чейз. Это лучше, чем быть дятлом или павлином. Думайте энергичнее. Прячьте в своей голове информацию. Однажды из нее вырастет что-то путное.

Фраза «Будь как белка» скоро стала летучей. Вот так и рождаются мемы. Мне следовало бы догадаться, но здесь ведь нет соцсетей, я и не подумала.

Глава 18

Артур Гресс с любопытством продолжал следить за успехами Мариэллы. Эта девушка была настолько яркой, выбивающейся из общей массы, что ее невозможно было не замечать или игнорировать. Крайне занятая и эффектная личность. И он даже не про внешность, хотя и красотой ее боги не обделили.

Но Мари цепляла не этим, а своей неординарностью. Она раздражала, увлекала, шокировала, озадачивала суждениями и реакциями. Порой он ловил себя на том, что вместо того, чтобы работать, сидит и борется с искушением заглянуть к ней через своего кота. Даже верный Барон, и тот предпочитал общество Мари и крошки Софи. Хотя, казалось бы, какая ему разница, где спать: у хозяина в кабинете или в коляске с младенцем. Собственное магическое животное Артур видел лишь по ночам.

Студенты же вообще хвостом ходили за этой непредсказуемой Монкар. Ее факультативы были заполнены до предела участниками. Темы, которые она давала дополнительно, ставили в тупик даже его, опытного мага, уже получившего степень магистра и имеющего профессиональный опыт за плечами. Не потому, что были какими-то невероятно сложными или заумными. Они были... неожиданными. Со странными логическими выводами, которые ранее просто не приходили в голову. Иногда Артур озадаченно думал: «А что, так можно было?». И схемы, графики, сравнительные таблицы и диаграммы, формулы и расчеты... Доски были исписаны мелом плотно и непостижимо. Студенты понимали, что характерно. Он же иногда не мог сразу включиться и разобраться, что они такое обсуждали и рассчитывали.

Зрелище идущей по коридору девушки с блокнотом в руках, при этом бурно жестикулирующей и что-то рассказывающей окружившей ее стайке студентов, вообще стало привычным. Кто-то из мальчишек нес на руках симпатичную кроху и слушал маэстрину. Еще кто-то толкал коляску, если ее брали с собой. И кто-то третий тащил Барона. Кот везде упорно следовал за своими любимицами.

А темы их обсуждений? Ну, зельеварение — это понятно. Алхимия для старших курсов — тоже. Но физика сознания? Телепатия? Третий глаз и генетические мутации? Радиация? Вспышки на солнце и магнитные бури? Низкие и высокие частоты и воздействие их на психику? Какими путями следовало мышление Мари, было совершенно неясно. Почему лекция в пределах заданной программы сводилась к бурным дебатам на иные темы, и продолжались они даже после окончания пары, еще менее понятно.

Преподавательница зельеварения и алхимии периодически даже обедала или ужинала не с коллегами, а с той группой студентов, у которой только что провела пару, но они не успели договорить. Причем не по ее инициативе. Она никогда не навязывала свое общество студентам во внеучебное время. Это ребята ее порой не отпускали и практически за руки уводили к своему столу.

— Ну, маэстрина, погодите! Вот вы считаете, что мутацию можно делать направленной... Вы куда? Мы же еще не закончили разговор. Присаживайтесь к нам. Что вам принести на обед?

— Мясо, овощи, компот и что-то сладкое, — небрежно отмахивалась она.

Ректор успел уже заметить в ней это спокойное отношение к еде. Она ела то же, что и студенты, если сидела с ними за одним столом, и не претендовала на преподавательский набор блюд.

А ее фразы? Весь преподавательский состав смеялся, когда услышал выражение «Будь как белка». И вот даже сомнения ни у кого не вызывало, откуда это пошло. От Мари, конечно.

Месье Гресс был заинтригован персоной Мариэллы Монкар. Она стала местной достопримечательностью за эту осень и несомненным лидером у студентов. Они ведь фактически одного возраста, но при этом у нее статус преподавателя, ум, энергия и бешеная харизма.

Не замечать ее стало невозможно. Она даже Ханка умудрилась немного растормошить, он теперь не ограничивается односложными ответами. А малютке Софи вечно мрачный и отрешенный мастер даже улыбается.

Но все же, чем руководствовался дорогой прадед, нанимая Мариэллу на работу? Неужели он хорошо ее знал и представлял, чего ожидать? Но откуда? Что связывало престарелого архимага из Университета Специальных Чар и талантливую студентку столичной

академии магии? Как и когда мэтр Кастор Гресс успел заметить и оценить эту девушку? Она говорила, что они общались всего пару раз, и он склонен ей верить.

И все же... Кто она?! Глупцом Артур Гресс никогда не был, он чувал, что с Мариэллой Монкар что-то нечисто. Но что? И как перестать думать о ней?

— Ребята, у нас проблема, — сообщила я своим третьекурсникам на факультативе. — У нас закончилась кладбищенская снежная ягода. У поставщика в наличии нет, все выгребли местные аптекари и алхимики. Ваши идеи и предложения?

— А нам она для чего, маэстрина? — почесав затылок, спросил рыжий Энтони.

— Фалькор, не разочаровывайте меня. У вас и так уже один неуд, который вы до сих пор не исправили. Кто поможет одногруппнику и напомнит, зачем нам снежная ягода? И почему именно кладбищенская?

— Эликсир пробуждения спящих потоков, — лениво отозвался приятель Энтони и пихнул того локтем в бок, мол, не тупи. — Маэстрина, так, может, и ну его, этот эликсир?

— Ну да, Макс. А потом ректор нам всем за отход от программы и игнорирование обязательных тем сделает такое «да ну его», что мало никому не покажется. Вы ведь в курсе, что он боевой маг? Это вам не старенький мэтр Кастор, специализировавшийся в последние годы исключительно на теоретической магии.

— Магистр Гресс — да-а-а... — уважительно протянул студент. — И что нам делать, маэстрина?

— Вы мне скажите, — велела я. — Думайте, студенты. Не все же я за вас должна решать. Как раньше такая проблема решалась? Когда ингредиенты закончились, у поставщика нет, в университетской оранжерее тоже, а по программе нужно изучить то, без чего дальше двигаться нельзя?

— А давайте ее сами соберем! — оживился Фалькор. — Чего? Городское кладбище большое. Наверняка еще не все кусты обобраны.

— Энтони, напомните-ка мне правила сбора кладбищенской снежной ягоды, — велела я тут же.

— Так это... Ну... С полуночи до часу ночи. Перчатки предварительно обработать этим... Чем-то там обработать. И контейнер для самих ягод тоже... того.

— Ваше счастье, что вас не слышит профессор травоведенья. Третий курс... Не «чем-то там», а... Кто скажет? — Я принципиально никогда не поправляла и не давала подсказки сама. Пусть мозгами шевелят.

— Отрицательно заряженным составом для нейтрализации магической энергии собирателя. Или же собирать должен не маг.

— Верно, Алента. Итак, нам нужен некто не одаренный. Или отрицательно заряженный состав для пропитки перчаток и контейнера и маг, который пойдет на кладбище и наберет ягод на всю группу. Что выбираем?

Я, собственно, могла и не спрашивать. Ежу понятно, что они пожелают отправиться ночью на кладбище. Возможно, не все. Но парни — точно. Я не ошиблась. Моя группа третьекурсников-артефакторов принялась активно переглядываться и выразительно округлять глаза.

— Маэстрина, а вы с нами? — спросил Макс.

— А вы что, все собрались?

— Я не пойду! — тут же отказалась Аврора Лэббер. — Я боюсь.

— Ты чего? — зашипела на нее подружка, Анна Юдóр. — Это ж такое приключение! Мы потом будем вспоминать, а ты как дура, одна не в теме будешь.

— Я боюсь, — тихо пробормотала Аврора, и уже громче: — Маэстрина, но я пойду, если надо. Только вы мне подскажите, что для храбрости приготовить? Есть зелье?

— О! Годное предложение! Аврора, молодец, — оживился Энтони. — Девчонкам точно пригодится.

— Да я бы и сама приняла, — со смешком прокомментировала я. — Вот только по ночным кладбищам я еще не гуляла. Только вот что будем делать с Софи?

Мои студенты зависли.

— Можно меня оставить с малышкой Софи в общежитии, — тихонечко пробормотала Аврора и начала медленно сползать под парту, как бы прячась.

— Трусиха, — беззлобно обозвала ее Анна.

Аврора шмыгнула носом и кивнула, признавая, что да, трусиха. Я улыбнулась, но никак комментировать не стала. Пусть сами решают. Взрослые уже, я их преподаватель, а не нянька.

Нянечка нужна только младенцу. Вот от нее я бы не отказалась, устаю я сильно все же. Не от хорошей жизни таскаю Софи везде с собой. Это еще мое счастье, что она нестандартный ребенок. Может, магически одаренные все такие? Я не знаю... Но девочка за все это время при мне плакала буквально раза три. Абсолютно пофигистично настроена к посторонним. Никого не боится. Не реагирует на громкие звуки. Не капризничает. Спит. Ест. Играет. Улыбается. Многих уже узнает в лицо. Слушает голос, когда ей что-то говорят. И аура у нее светлая и приятная, если перейти на магическое зрение и всмотреться. Радужная такая, переливающаяся.

Золотой ребенок! Не будь она таковой, ничего бы мне не удавалось в таком виде, как сейчас.

Тьфу-тьфу-тьфу и еще постучать по дереву.

И что-то мне подсказывает, что, даже возьми мы с собой на кладбище Софи, она мирно продрыхнет все это ночное безобразие в коляске. А вот мы будем бояться, суетиться и все такое прочее, что сопутствует многолюдным ночным прогулкам по захоронениям.

Просто так вести студентов куда-то я не имела права. Мы, конечно, все такие самостоятельные и взрослые, но они ученики, я преподаватель и их куратор. Поэтому я пришла к высшему руководству с заявлением за пропуском. Ну или что тут выдают.

Месье Гресс взял у меня лист бумаги, внимательно прочитал. По мере ознакомления брови его плавно переместились на лоб, а выражение лица стало таким... интересным.

— Маэстрина Монкар, я правильно понимаю? Вы просите выписать пропуск вашей подопечной группе в полном составе, за исключением некоей Авроры Леббер, для ночной прогулки?

— Да.

— На кладбище?

— Да.

— За снежной ягодой?

— Да. — Я была лаконична.

— Чем вас не устраивают поставщики? Или те кусты снежной ягоды, что растут вдоль ограды в северной части Усача?

— Поставщики нас подвели. У них все закончилось. А ягода нам нужна срочно и именно кладбищенская. Так что вот. Пойдем собирать.

— А вы что, собрались тоже идти с ними? — с непередаваемыми интонациями уточнил он. — На кладбище?

Вот странный. Неужели я брошу своих ребят? Естественно пойду. Вот только тяпну для храбрости эликсир, который мы с ними уже приготовили. Хотя лучше бы коньяка или текилы, но чего нет, того нет. Оденусь во что-то немаркое и теплое. И пойду. Именно это я и сообщила.

— Вы же... боитесь покойников. Я совершенно точно помню это из вашего дела.

Да? Мариэлла боялась покойников? Однако, какой конфуз. Нет, я тоже как бы не фанатка общения с мертвыми людьми. Я их видела только по телевизору, если честно. Если не считать университетских призраков.

— Н-ну-у... — протянула я. — Со своими страхами надо бороться. Преодолевать их. Мы уже и эликсир храбрости на всех приготовили. И потом, я же не в морг собираюсь. И не одна. Нас будет целых три десятка таких... Смелых. — Тут я не выдержала и прыснула от смеха.

— Мари, почему у меня такое чувство, будто меня пытаются втянуть в какую-то авантюру? — потряс передо мной заявлением Артур Гресс.

— Никаких авантур! Исключительно сбор урожая для последующего использования в учебных целях. Мы заодно еще чего-нибудь наковыряем из могилки. Пригодится на составляющие для практических работ. Ребята же артефакторы.

— Как бы из вас жители этих могилки чего-нибудь не наковыряли. А то ведь пригодится им на пропитание.

— А что, есть вероятность, что кладбище неспокойно? Мне ребята сказали, там все тихо и городские некроманты следят за порядком и все регулярно зачищают.

Ректор задумчиво побарабанил пальцами по столу, почему-то при этом рассматривая меня. Потом усмехнулся, да и выписал пропуск.

Заверил подписью и печатью и вручил мне.

— Что, так просто? — немного растерялась я.

Думала, сейчас придется доказывать, что это не идиотская идея, что мы справимся, что все будет нормально. Ожидала, что нам навяжут сопровождение, хотя бы даже мастера Ханка.

— Да, — почему-то довольно ухмыляясь, сообщил Артур Гресс.

Я помялась. Вот чувствую, что-то тут не то. Есть какой-то подвох. Но ректор молчал, пришлось мне забрать пропуск и уйти.

— Ну что, маэстрина? — обступили меня будущие ночные ходоки на кладбище. — Подписал?

— Подписал. На всех, кроме Авроры, но включая меня. Аврора, вы остаетесь с Софи в моей комнате.

— Да, маэстрина! — просияла девушка и украдкой выдохнула. — Не беспокойтесь! Я тоже умею с маленькими обращаться, у меня племянница в начале лета родилась. Я сестре помогала с ней.

Экие они все тут умелые... Алента вот тоже говорила, что умеет с младенцами нянчиться. Брат у нее вроде. У этой племяшка. И одна я, такая умная, такая эмансипированная женщина из другого развитого мира, а впервые в жизни дите на руки взяла лишь тут, да и то чужое. Судьба умеет шутить.

А кстати!

— Так, господа расхитители гробниц... Сегодня же чтобы все помолились Хелиоту. На его территорию пойдём. И богине Зортии. Пусть у нас все удачно пройдет. Остальным богам по желанию, опционально.

— Есть!

— Как скажете, маэстрина!

— Непременно сделаем!

— Что такое «опционально», маэстрина?

— Необязательно, на усмотрение клиента, — машинально отозвалась я и обернулась, почувствовав, что кто-то на меня смотрит.

В конце коридора мелькнула фигура ректора. И вот гадай теперь: слышал ли он наш разговор и не ляпнула ли я чего-то лишнего.

До вечера я нервничала. Это я на людях такая храбрая, потому что живу как в клетке с дикими животными: нельзя показывать страх, а

то сожрут. Студиозы — меня, конечно. Не в буквальном смысле сожрут, но нельзя давать ни малейшего повода сомневаться в своей крутизне.

— Дыши, Машка! Дыши! — нервно бегая по комнате, уговаривала я себя. — И с этим справимся. Ну, подумаешь, на кладбище сходим, ягодок нарвем.

У меня вырвался истерический смешок. В памяти Мариэллы не сохранилось ничего о прогулках к могилам. Или она умная и таких экскурсий не совершала, потому что боялась трупов. Или, как и во множестве других случаев, сочла эту информацию неважной и не передала ее мне.

— Ну, Мариэлла! — погрозила я пальцем своему отражению в зеркале. Точнее, не своему, а ее... — Трусиха! Вот лучше бы ты нашла хорошую семью для девочки, где бы ее любили и вырастили путным человеком. Чем вот так разрушила три жизни. Свою, мою и Софи. Так, все. Дышим. Маша, ты все сможешь! Господи, как же хочется выпить пятьдесят грамм и закурить... Сил нет, а ведь нельзя.

Вообще-то я не курю. Вернее, иногда. Очень редко, слабенькие и в избранных ситуациях. Или в кальянной. Но сейчас, на нервной почве, хотелось немилосердно, словно я с давней и прочной зависимостью.

Барон приподнял голову и следил за моим мельтешением с серьезным видом, словно бы понимал, что я говорю. Умное животное, меня порой оторопь берет под его взглядом. Словно мужик рассматривает, а не кот. Он сегодня отчего-то решил остаться на ночь и не пошел спать к хозяину.

Тряхнув головой, я отправилась собираться. Переодеться в темную, немаркую, удобную одежду. Утеплиться, потому что клацать зубами я так и так буду, но лучше от страха, чем от холода, все же уже конец осени. Распихала по кармашкам поясной сумки, больше похожей на патронташ, множество флакончиков. Взяла перчатки, уже пропитанные нужным магическим средством. Коробки или корзины должны принести ребята.

Тоже вот, на кой я веду их всех? Зачем поддалась на авантюру? Надо было человек пять отправить, самых храбрых и выносливых. Так

нет же, им приключения, прогулка на кладбище, а я со своими гениальными идеями теперь уповаю на то, что все будет хорошо.

Глава 19

В условленный час в окошко постучали. Я приоткрыла створку и обнаружила Аврору и Энтони.

— Маэстрина, я пришла, — шепнула девушка. — Энтони, подсади.

Через минуту Аврора уже переваливалась через подоконник. Прикрыв окно, я шепотом провела инструктаж, показала ей, что где лежит, и предложила располагаться в кресле или на диване.

— Как у вас чисто, но так мало вещей, — с любопытством оглядевшись, выдала она. — Я думала, у преподавателей тут все так... Ну, как дома.

Я тоже огляделась, стараясь оценить комнату чужим взглядом. Ну да, вещей мало. Но это же общежитие. Одежда и посуда в шкафах. Книги на стеллаже и на письменном столе. Котелок и травы рядом с плиткой. У детской кровати одеяло для ползания, пара погремушек, бутылочка, чистые одежки и пеленки.

Вроде все нужное есть. А на всякие украшения жилища у меня ни сил, ни времени, ни желания.

Надев верхнюю одежду, я отдала последние указания Авроре и приоткрыла окошко. Мне нужно выбраться на улицу тем же путем, каким сюда пролезла студентка.

Странно, конечно, заниматься этим. Но по правилам студентам нельзя проходить в преподавательское общежитие без острой необходимости, раз. И никогда нельзя этого делать ночью, два. А мне не хотелось нарываться на неудобные вопросы, куда я направляюсь так поздно и с кем осталась малышка, и откровенно врать в ответ.

Поэтому вот так.

— Маэстрина, давайте, я вас держу, — прошептал парень, щупая меня за зад.

— Я чувствую. Фалькор, талия у меня выше, — отозвалась я.

Аврора в комнате прыснула от смеха и прикрыла рот ладонью, а наглые руки поползли выше:

— Тут?

— Ниже! — прошипела я. — Энтони, завтра зайдите в библиотеку и возьмите анатомический атлас. Стыдно в вашем возрасте не знать, где у женщины талия, и промахиваться то выше, то ниже.

Бесстыдник такой, облапал меня в свое удовольствие, поставил на землю и зажал рот, чтобы не ржать в голос.

Мы с ним отправились к остальной группе, поджидавшей нас у ворот.

— Ну как? — нетерпеливо спросил у Энтони Макс, бросив на меня быстрый взгляд.

— Отличная! — продемонстрировал ему два больших пальца рыжий-бесстыжий.

Нет, вы на них посмотрите! Они еще и обсуждают, какова на ощупь задница маэстрины! Я закатила глаза, но не стала ничего говорить. Парни, что с них взять.

— Готовы? Оделись тепло? Корзины взяли? Зелье выпили? Перчатки обработали? — уточнила я. Выслушала ответы, что все хорошо, и они все взяли, и ничего не забыли, и одеты по погоде, и можно идти, велела: — Двигаем. И не шумите, город спит. Не в наших интересах привлекать к себе ненужное внимание. Быстро приходим, быстро собираем строго в положенный короткий промежуток времени, быстро возвращаемся.

Начало нашей ночной прогулки шло по плану. Мы добрались до городского кладбища, никого не напугали, и никто на нас не напал. Меня, правда, не покидало ощущение взгляда в спину. Но я решила, что это от нервов чудится.

Кладбище оказалось вполне цивилизным, огороженным высокой кованой оградой с толстыми прутьями с заостренными концами-пиками. Через такой частокол не пролезешь ни насквозь, ни сверху. Не говорю уж о том, что в магическом зрении вся ограда светилась и переливалась охранными и защитными заклинаниями. Переход на магическое зрение я наконец хорошо освоила, сверяясь с книгами. Раньше делала это интуитивно, не понимая и не отдавая себе отчета. Рефлексы прошлой хозяйки тела. Но мне хотелось осознанности в действиях, поэтому я многое проходила самостоятельно по учебникам, постигая азы, чтобы осознавать, что я делаю и как.

А вот створка ворот отчего-то оказалась приоткрыта, и заклинания на ней едва светились.

— Так и должно быть? — спросила я, ни к кому конкретно не обращаясь. — На ночь ворота не запирают?

— Должны бы, — ответил мне кто-то из студентов. — Но вроде все тихо...

— Ладно, ребята, давайте в темпе. Надо найти кусты снежнотродника. Выжидаем до полуночи, еще минут пять осталось. Собираем сколько удастся и возвращаемся сюда, к воротам. Разделитесь по парам, девушка плюс парень. И вперед.

— А вы?

— Ты чо? Маэстрина на шухере будет! — пояснил кто-то из парней.

— А я буду стоять тут, на этом самом шухере, и бояться, — мрачно отозвалась я.

— Чего? — спросила Алента.

— Всего. Ну, с богами! — отправила я их.

Ребята ушли, а я сместилась в сторону, встала вплотную к широкому стволу дерева и приготовилась ждать. Тихие голоса отдалились, повисла тишина. Кладбищенская. Ага. Только ветер подвывает.

— До последнего не верил, что вы все же пойдете сюда.

Прозвучавший прямо над ухом мужской голос заставил меня взвизгнуть и шарахнуться в сторону. А перехватившие руки — забиться и зарядить кулаком куда-то в сторону голоса, а ногой в предполагаемую голень.

— Тише-тише, Мари! Это я, Артур Гресс! — не дал мне задать стрекача внезапный нарушитель спокойствия и крепче сжал руками.

— Р-р... Ректор?! — обалдела я. — А вы-то что тут делаете?!

— Пытаюсь спасти свой нос от вашего кулака. Вы всегда такая нервная и агрессивная?

— Да, — не стала я отрицать.

Ну а чего? Ни мой личный опыт, ни опыт Мариэллы не располагают к пассивному ожиданию, пока нас начнут насиловать или убивать.

— Хотя, что это я... — едва слышно пробормотал он. — Решил составить вам компанию. Так и знал ведь, что студенты все радостно рванут к могилам и склепам, а у вас духу не хватит войти.

— Откуда? — с подозрением всмотрелась я в темноту, пытаюсь увидеть его глаза.

Нет, ну правда. С чего такие выводы? Я не пошла туда не потому, что боюсь, а просто должна ждать, пока все соберутся. Ну и этот пресловутый «шухер» на мне.

— Читал ваше личное дело, конечно же.

— Да-а-а? — протянула я. Вот бы мне еще самой это дело прочитать. А то вдруг я еще чего-то не знаю «о себе», кроме того, что, оказывается, боюсь покойников. — И все же, зачем вы тут?

— Чтобы вы не были одна, — спокойно ответил Гресс.

Выпустив меня, отступил на шаг, вытащил из кармана коробку, что-то вынул из нее и... закурил. Seriously?!

— Вы курите? — удивилась я. Вроде от него никогда не пахло.

— Вообще нет, но иногда да. Сейчас скорее да, чем нет.

Я помолчала, принохиваясь. Вроде обычный слабый табак. Никаких посторонних примесей не ощущаю. А хотя нет... Что-то есть, только не пойму что.

— А что добавлено? — не утерпела я с вопросом. — Вроде не галлюциногенная трава.

— Вы шутите, да? Разве бы я стал употреблять травку, отправившись ночью на кладбище, да еще в присутствии коллеги.

— Да я откуда знаю, что вы употребляете по ночам на кладбище, — не устыдилась я. — И все же, что это? Не пойму никак.

— Серебрянка лапчатая.

— А-а... — Я напрягла память. — А зачем? Голову ведь вам уже давно заживили, сотрясения мозга нет. Сосуды до сих пор шалят? Головные боли? Вы ведь говорили, что все в порядке.

— Контузия же была, — с явной неохотой все же признался Гресс. — Я ведь говорил вам. Иногда еще... А в чистом виде вдыхать — мерзкая она.

Это да. Серебрянка лапчатая помогает при сильных головных болях, вызванных травмами, что-то нормализует в мозгу, в самом сером веществе. Но для результата ее надлежало сжигать в курильнице

и вдыхать дым. Ну или вот так, смешав с небольшим количеством табака. Но вкус, должно быть, отвратный.

Я еще покопалась в памяти Мариэллы. Хорошая травка, кстати. Ее и в эликсиры добавляют. Надо иметь в виду.

— О чем задумались, Мари?

— А? О серебрянке лапчатой, о том, куда ее можно еще добавлять, и о табаке. У вас есть обычная сигарета?

— Да. Вам зачем.

— Дайте, пожалуйста.

Крайне озадаченный ректор открыл пачку, позволив мне вытащить одну сигарету, закрыл и стал ждать. А я... Ну не могу же я чужое тело травить. Я и свое берегла, а уж это и подавно. Поэтому я поводила добычей под носом, приносиваясь.

— Вы курите?!

— Нет, разумеется. Не видите разве, что я делаю?

— А что вы делаете?

— Вдыхаю запах табака.

— Ну это, конечно, все объясняет, — с иронией протянул он и затянулся своей серебрянкой лапчатой. Бр-р. Запах отстойный.

— Это нервическое, — неохотно пояснила я.

Мы постояли. Летели минуты, доносились с кладбища тихие голоса. Рядом с мужчиной мне уже не было страшно, так что я спокойно ждала своих студентов, лениво размышляла о нем и его же украдкой рассматривала из-под ресниц.

Красивый мужик. Нет, не классически, а вот... Ну, такой он. Интересный и располагающий. И фактически ровесник меня настоящей. Мариэлла Монкар для него еще молоденькая. Мне же он по поведению и повадкам — в самый раз. Прямо аж жалко, что никакие романтические отношения с ним невозможны. Он мне определено нравится. Пожалуй, даже слишком сильно.

Я не сразу поняла, что не так. Вроде еще минуту назад все было тихо-мирно, ветер, поскрипывание веток над головой, негромкие голоса за оградой... Я выпрямилась, машинально спрятала в карман сигарету и сделала шаг в сторону кладбищенских ворот.

— Слышите? — шепнула я.

— Нет, — напрягся магистр Гресс.

— И я не слышу. Что-то не так...

Мы переглянулись.

— Стойте здесь, я проверю.

— Ну уж нет! — решительно цапнула я за рукав рванувшего в сторону ворот мужчину. — Нашли дурочку!

А то я фильмов не смотрела. Всегда того, кто остается ждать в условной «наружке», сжирают или убивают. Нет уж, дудки. Я не готова стать добычей монстров, которые побегут с кладбища.

Надо отдать должное ректору. Он хоть и обжег меня осуждающим взглядом, но тратить время на препирательства не стал, бодро поспешил на кладбище. Мы вошли, прислушались.

— Заприте ворота, — скомандовал он.

У меня округлились глаза, потому что думала, что драпать надо, как раз когда выход настежь. Но мало ли, как оно тут, в магическом мире.

Пока я прикрывала створку и сдвигала задвижку, магистр Гресс сканировал. Я ощущала, что он делает, но сама так не умела. У меня иная специфика магии. Точнее не у меня, а у Мариэллы.

Тут я краем глаза заметила плывущее в нашу сторону привидение. Благообразная старушка в кружевной ночнушке двигалась в нашу сторону вполне целеустремленно. Но Артур ее отчего-то не замечал, сосредоточенно колдуя.

— Здесь недавно работал некромант. Почему вы пустили сюда студентов, Мари?

— Наверное, потому что я не чувствую работы некромантов, — огрызнулась я и дернула его за рукав. — У нас гостья.

— Кто? — не поднимая глаз от своих рук, плетущих нечто невидимое, уточнил он.

— Э-э... призрачная дама с топором в голове, — подобрала я определение.

— Спросите, что она хочет нам сообщить. Я не вижу призраков.

Я встретилась глазами со стремящимся к нам призраком, давая понять, что вижу ее и готова к контакту.

— Голубушка, как удачно, что вы меня можете видеть в отличие от вашего боевого спутника с дыркой в ауре в области головы. Ну надо же... — облетела она его по кругу. — Почти такой же, как я. Меня

тоже, знаете ли, по голове стукнули. Но мне повезло меньше, не вытащили.

— Доброй ночи, мадам, — поприветствовала я.

— Да какая ж она добрая, если сначала некто бесстыдным образом вскрывает склепы, потом мерзко колдует, а в итоге еще и толпа юношей и девиц тут бродит?

— А вы не подскажите, где эта толпа? Что-то они притихли. Должны были бы уже собрать снежные ягоды, за которыми мы и пришли.

— Так они и собрали, — кивнула бабуля. Выглядело это ужасающе: кивок головой, из которой торчит боевой топорик. — Только зачем же они пролезли в область затухшей пентаграммы?

— Что говорит мадам? — перебил меня Гресс.

— Вы и не слышите? — удивилась я. — Что наши студенты собрали ягоды, но вошли в область затухшей пентаграммы и... Мадам, и что с ними?

— Мэтресса. Застыли, естественно. Голубушка, стыдно не знать таких вещей. Это же азы некромантии. Чему вас только учили?!

— Я не некромант, уважаемая мэтресса. Я зельевар и алхимик. Месье ректор, наши студенты застыли, что бы это ни значило.

— Спросите у дамы, здесь ли еще некромант, который эту пентаграмму плел? И сколько нежити он поднял?

Привидение ректора слышало, повторять вопрос мне не пришлось.

— Некромант ушел. А нежить да, бродит. Поэтому забирайте ваших студентов и уходите. Придумали тоже, тревожить покой почтенных неживых.

— Благодарю вас, мэтресса. Было любезно сообщить нам о проблеме. Вас не затруднит проводить нас с магистром к нашим подопечным? Раз некромант ушел, то нужно поспешить, пока его нежить никого не тронула.

— Следуйте за мной, — поджала губы старушка. — И скажите вашему магистру, что его сеть огня совершенно бесполезна в данных обстоятельствах.

— О... Ведите. А что было бы лучше, раз его сеть огня бесполезна?

После моих слов Гресс перестал выплетать и застыл в ожидании.

— Стазис, все равно ваш боевой маг сейчас совсем не боевой, с такой-то дырой в ауре. Очевидно же, что была магическая контузия. Толку от него сейчас... Сам тут и останется. Ему вообще нельзя сейчас ничего серьезнее, чем свечку зажечь. Некромантов вызывайте, что же еще!

У меня округлились глаза.

— Магистр, скидывайте плетение. Ваша сеть огня вас тут и оставит. Достопочтенная мэтресса видит и ваши заклинания, и дыру в вашей ауре после контузии. Она рекомендует стазис и срочно вызывать некрмантов.

Старая мертвая магичка закатила глаза и поманила меня. А я ректора. И мы поспешили за нашими студентами.

Глава 20

Картина открылась неожиданная. Пентаграмма оказалась огромнейшая, поэтому ее и не заметили ребята. И не зная мы о ней точно, ни за что не опознали бы в этих отдельных канавках ее лучи.

Охватывала она большую территорию, и как раз в ней-то и застыли, словно шахматные фигуры, наши ребята. Причем в движении, словно увязнув в киселе прямо на ходу.

Я когда-то видела в документальном фильме животных, которые замерзли прямо на ходу, пробираясь через огромные снежные заносы в лютой мороз. Вот прямо так, стоя, в замедленном движении они и замерли навеки. Жуткое зрелище, и мне было дико жалко этих отчаянных зверьков, которые шли до последнего, надеясь, что смогут преодолеть путь.

Я ошарашенно смотрела на студентов, не имея ни малейшего представления, что делать в подобной ситуации.

Ректор же негромко выругался, присел и принялся что-то делать над линией пентаграммы.

— Шарахнет, — флегматично заметила призрак.

— Шарахнет, — повторила я.

— Ваши предложения, мэтресса? — не поднимая глаз, спросил Гресс.

— Деактивация пятого порядка, чары пробуждения сетью на детей, разряд побуждения к движению первого порядка.

Я повторила вслух. Магистр прекрасно понял, что от него требуется, в отличие от меня, и принялся действовать. Нарушил пентаграмму, сплел и что-то швырнул на студентов.

— Мари, разряд побуждения умеете делать?

— Эм-м... нет.

— Я не смогу их всех накрыть. У меня некоторые... проблемы с магией после контузии.

— Некоторые? — фыркнула призрак. — Да ему вообще нельзя колдовать еще минимум год. Почему вы притащили сюда мага с такой аурой?

— Это не я! — открестилась я. — Он сам!

— Естественно сам, — не повелась она. — Еще бы он не прибежал за такой красавицей. Видно же, что... Зельевар... Руки бы оторвать вашим учителям. Не в состоянии своего мужика отпоить.

— Я не...

— Ах, милочка! Глупости! Найдите в центральной библиотеке закрытый раздел. С вашим уровнем вам дадут допуск. И изучите труды мэтрессы некромантии Аухэлии Брэдес. Где-то там я включала и список алхимических зелий и эликсиров, способных и мертвого оживить.

— Аухелия Бродес, мэтресса, некромант, — пробормотала я, чтобы не забыть.

— Мари!

— Ой! Да, скажите, что мне сделать, я выполню.

— Пощечина, самое быстрое и действенное, раз не можете кастовать разряд побуждения. Нет у вас времени учиться, голубушка. Сюда идут... три зомби и, кажется, упырь.

— Ой, мля-я! — не удержалась я. — Простите. Артур, сюда идут три зомби и упырь, и сейчас мы с вами будем лупить по щекам своих студентов. Начали!

А дальше был дурдом. Мы бегали и давали студентам пощечины. Ага. Я девушкам, ректор парням. Те вздрагивали, словно просыпались, изумленно оглядывались. Потом мы схватили корзины со снежными ягодами, тут уж я была решительно настроена и подбадривала замешкавшихся пинками и тычками. И вот уже веселая и, главное, крайне бодрая группа студентов и преподавателей Усача рысью несется к кладбищенским воротам.

Которые заперты.

У которых бродят два зомби.

— Ой, мля-я! — опять воскликнула ошарашенная такой ночной прогулкой попаданка.

— Сзади тоже, маэстрина! — крикнул кто-то из девушек.

— Мочи гадов! — воскликнула я.

Кто-то из студентов, как оказалось, владел и водной магией. Не зря их Франсуаза своим водным плетениям обучала. На свежеподнятых, ничего не понимающих зомби ливанула с неба вода.

— Морозь гадов! — неуверенно предложила я.

— Ну, маэстрина! — гаркнул Гресс, про которого я с перепугу забыла. — У кого есть амулеты? Кто владеет огнем? Кто льдом? Девушки, быстро встаньте за Монкар!

Ректора слушались и уважали, а меня — любили. Это я поняла за сегодняшний вечер. Потому что ребята защищали в первую очередь меня, своего бестолкового прибабахнутого препода. А студентки встали не за мной, а передо мной. Закрывая от нежити. И девушки оказались более подготовленными к таким ситуациям. У них и артефакты имелись, и не терялись они, действуя слаженно и подчиняясь командам.

Я же была ошеломлена. К такому меня жизнь не готовила. Я, конечно, смелая. И зомби совершенно не боюсь, так же как и упырей и прочую нежить. Если вижу их на экране в кинофильме. Но отбиваться от них ночью на кладбище... Это из какой-то другой сказки, точно говорю.

А вокруг парила мэтресса Аухелия Бродес, ее призрачная ночнушка развевалась от невидимого потустороннего ветра, глаза горели боевым огнем, и дама подсказывала, что, кто и куда. Ну а я пересказывала это вслух. Кроме меня призрака видели еще несколько студентов, что немного порадовало. Не хотелось бы быть какой-то уникальной. На уникальных опыты ставят, я этого не хочу. Зато теперь понятно, что университетских призраков я вижу тоже не одна, но и не все их замечают.

Шумела наша компания изрядно. Это, к счастью, не осталось незамеченным стражей, которая несла патруль неподалеку. А учитывая, что квартал этот рядом с кладбищем, приписанный к ним маг являлся некромантом.

Он прорвался к нам, упокоил мокрых, обмороженных зомби и слегка подпаленного упыря, поклонился призрачной коллеге и отчитал нас.

— Какого упыря недобитого вы шляетесь по кладбищу? — начал он орать. — Потревожили нежить! Устроили среди ночи шум и переполох! Как вы вообще пробрались сквозь запертые ворота?! Кто такие?

— Студенты Университета Специальных Чар. Ректор, магистр Артур Гресс. Преподаватель зельеварения и алхимии, маэстрина

Мариэлла Монкар. А теперь у нас к вам вопросы, уважаемый. Почему на вверенной вам территории неизвестные некроманты проводят обряды и поднимают нежить? Но ладно бы это! Но еще и доступ на кладбище открыт. Заходи кто хочешь, становись кормом упырям. Не говоря уже о том, что сама нежить спокойно могла выйти в город, не задержи мы ее.

Я с интересом и по-новому взглянула на Артура. Так вот как выглядят потомственные аристократы, когда отчитывают нижестоящих. И это при том, что он не назвал свой титул. Только магистром представился.

Ничего так. Вызывает трепет и восхищение. Я так не умею, плебей я из страны, где всех аристократов давно уничтожили.

— Маэстрина? — подлетела ко мне мэтресса Аухелия. — Это что-то новенькое. В мое время так магов не величали. И как же ныне получают статус маэстро магии? И он до магистра или после?

— Он вне, — улыбнулась я, одновременно пытаюсь прислушиваться к разборкам стражников и нашего ректора. — Студенты просто обозвали меня так, пошутили. А прозвище прилипло, да и все.

— И почему же?

— Позвольте мы вам расскажем, почтенная мэтресса, — пробралась к нам Зоя Мейзен. — Понимаете, мастер Монкар нестандартная. Невероятная. И у нее такой странный и необычный способ преподносить материал... Вот кто-то из парней и пошутил, что она не мастер, а выдающийся деятель в области искусства преподавания зельеварения и алхимии. Маэстрина Мари.

Я усмехнулась и развела руками. Самой смешно, что так прозвали, но уже и я привыкла.

— Необычная и невероятная маэстрина Мари, значит... — хмыкнула старушка. — Вам идет, голубушка. Но магистерскую работу все же нужно написать и защитить. Стыдно в вашем возрасте не иметь статуса магистра. Займитесь. И приходите как-нибудь поболтать, может, даже подскажу вам идеи. Но, увы, видима я только в ночное время. Издержки состояния, знаете ли.

— Спасибо. Я постараюсь, но не в ближайшее время.

— Ничего, маэстрина, — снова со смешком ответила мэтресса Аухелия. — Я тут обитаю последние триста лет и ближайшие триста — четыреста тоже никуда не денусь.

— А потом? — полюбопытствовала Зоя.

— Кто знает? Спокойной ночи, дети. И не забудьте ваши снежные ягоды.

Попрощавшись, почтенная призрачная дама уплыла в глубины кладбища.

— А почему она с гномским топором в голове? — спросила Зоя.

— А это был гномский топор? — опешила я. — А где же гномы?

— В горах, конечно, где они еще могут быть. Но почему их топор тут?

В этом мире есть гномы. Прелестно.

— А эльфы?

— Шутите, маэстрина, да? — хихикнула студентка.

— Гномский топор в голове мэтра некромантии тоже неожиданно было увидеть, согласитесь, — усмехнулась я. — Тут что угодно еще может оказаться. Почему бы и не эльф.

— Да ну не-е-е. Этот народ ушел из нашего мира давно, как раз лет триста с чем-то лет назад...

— То есть при жизни мэтрессы. И значит, теоретически мы можем узреть неподалеку призрака с эльфийским луком... — философски заметила я.

— Где призрака с эльфийским луком?! — ошеломленно переспросил городской некромант, который отвлекся от ректора и услышал мои слова. — Только этого нам еще не хватало!

— Это шутка, магистр. Мы обсуждаем теоретическую вероятность и неопределенность и пытаемся составить прогноз на встречу тут покойного эльфа с луком.

— Чего? — моргнул мужчина.

— Маэстрина Монкар, прекратите шокировать неподготовленную к вашим изыскам преподавания публику, — пожурил меня Гресс.

— Маэстрина?! Вы еще и музыкантов сюда притащили?! А дирижер где?

Утро мы встретили в кутузке. Загребли всю нашу развеселую компанию, сказали, сидите до рассвета. А то, мол, ваш оркестр, состоящий из маэстро алхимии, боевого мага с дырой в ауре в качестве дирижера, толпы лоботрясов разной степени напуганности и корзин с кладбищенским урожаем, потенциально опасен для горожан. Лучше расскажете там, в тепле, что видели, слышали, чувствовали.

Месье Артур Гресс был в ярости. Студенты пребывали в величайшей степени офигения. Я философски смотрела на жизнь. Лучше уж кутузка в центре города, чем кладбище там же. Софи, Аврора и Барон проконтролируют друг друга, у них все будет хорошо. А я... Ну что я, считай, в студенчество вернулась. Накуролесили, попались, огребли.

Сначала, после дачи показаний, все устало сидели и приходили в себя, заняв все скамейки в огромной общей камере. Из нее ради нас изгнали в другие, помельче, трех шлюх, воришку и пьяного мещанина, который не мог сказать, где его дом.

Потом играли в разную чепуху: «Правда или ложь», «Крокодил», «Да или нет». Шлюхи и воришка из соседних маленьких камер удаленно играли с нами. Пьяница дрых.

Но к утру все устали и сдулись. Никто ведь не ожидал, что культмассовый поход превратится в ночные бдения в не самом приятном месте. Проснулась я в объятиях ректора, прикорнув у него под мышкой, и, как там оказалась, совершенно не помнила. Мы сидели рядом, да. Но когда меня вырубил, уже неясно.

Напротив примерно так же спали ребята. Сбившись кучками по двое-трое, чтобы не мерзнуть.

— Просыпайтесь, усачи, — загремел ключами и замком стражник. — Рассвело, топайте в свой универ. Месье ректор, начальство передало, что позднее ждет от вас объяснительную, как вы и договорились. А то их руководство сожрет...

— Наконец-то, — буркнул Артур. — Маэстрина, вы как?

— А чего, и правда маэстрина, да? Вы теперича в Усаче и музыке учить будете? — полюбопытствовал стражник.

— Нет. Эта маэстрина преподает зельеварение и алхимию, может научить, как отравить или как вылечить, — отозвался наш «дирижер», помогая мне встать на ноги.

— Ух ты ж! — присвистнула из соседней камеры одна из проснувшихся шлюх. — Так это ж чего ж? Мадама — полезная маэстрина, значит? Мы не расслышали сначала, думали, что тебя маэстро величают, красавчик! — Она подмигнула Грессу.

Тот усмехнулся, насмешливо ей поклонился в ответ на комплимент, и ответил:

— Не угадали. Вот наша маэстрина.

— Эй, мадама маэстрина, — потянувшись, позвала она меня. — Ты, ежели чего случится в городе, обидит кто, говори, что Веселая Магда твоя клиентка. Уж больно ты хороша, чисто фря дворцовая, только без понтов. Наверняка секретки какие знаешь. Мы бы это... с девочками зелья заказывали. А то прежняя магичка пропала совсем, а нынешний аптекарь одно дерьмо продает. Приличным женщинам и купить-то нечего.

— Веселая Магда — это вы? — уточнила я.

— А то ж. Меня все знают в этой части города. Заведение у меня. Приличное, ты не смотри, что сюда угодили. Надрался приبلудный маг, погром с фейерверками устроил, пока разбирались, вот и...

— Я учту, Магда.

— Э нет, мадама маэстрина. Веселая Магда, и никак иначе! Обычных-то пруд пруди, а вот Веселая — я одна.

— Прошу прощения, Веселая Магда, — улыбнулась я хозяйке борделя.

— А ты, дирижер, приходи. Девочки у меня чистые, слежу за порядком. И вы, воробушки-студентки, тоже залетайте, — расхохоталась она своей шутке, окинув покрасневших парней веселым взглядом.

Нас выпустили, мы дружной помятой стайкой сошли с крыльца и застыли, приводя себя в порядок, отряхиваясь и застегиваясь. Я сунула руку в карман и обнаружила там сигарету. Вынула, несколько растерянно покрутила между пальцев. Потом окинула взглядом своих подопечных и Артура Гресса.

Сонные. Помятые. Лохматые. Кто зевает, кто глаза трет, кто пытается хоть немного пригладить одежду и волосы. Но при этом те, кто отвечал за корзины со снежной ягодой, держали их крепко. Мы столько вынесли сегодня ради этого урожая.

— Ничего так по ягодки сходили, — произнесла, глядя на ребят, и прыснула от смеха.

Наверное, мы выглядели странно. Большая компания, весело ржущая у входа в кутузку. И вряд ли кому-то приходило в голову, что эти нарушители спокойствия, просидевшие ночь в кутузке, всего лишь безобидные студенты Университета Специальных Чар. И возглавлял их вовсе не атаман какой-то, а преподаватель зельеварения и алхимии и ректор.

Мы отсмеялись, и я, утирая слезы, спросила:

— Ребята, а чего-нибудь полезного успели с могилки надергать?

— Немного мха.

— Обломок надгробия.

— Обрывок веревки висельника.

— Земля с могилы утопленницы.

— Прутик с рябины.

— Щепка с гроба.

— Палец. Чей-то, — тихонько произнес девичий голос.

— Да вы просто авантюристы и расхитители гробниц, — с веселым изумлением прокомментировал ректор. — Маэстрина, пожалейте универ! Он ваших воспитательных историй не вынесет.

— А палец-то хоть какой? — ничуть не устыдилась я. Слишком устала, чтобы реагировать на подначки.

Зоя вытащила из кармана какую-то мумифицированную фигню. Покрутила ее в руках, совершенно не брезгуя, и пожалела плечами.

За нее ответил Макс Анкер:

— Это средний палец правой руки, маэстрина.

Никто не понял, почему я так смеялась. А я даже не могла им объяснить.

Глава 21

Без ректора нашу пожеванную кладбищенскую группировку на территорию университета, наверное, не впустили бы в такое время и в таком виде. Но коли уж нас вел он, стражник хоть и бурчал неодобрительно, но калитку открыл.

Добрались мы через сонный тихий парк, окружающий замок, после чего основная часть студентов отправилась в общежитие. Но нескольким парням пришлось пройти в лабораторию и оставить там собранный урожай снежной ягоды. После чего мы с Грессом и этих страдальцев отпустили и побрели уже вдвоем в сторону преподавательского общежития. В обход, по улице. Потому что даже он признал, что идти замковыми коридорами не рискнет. Велик шанс заблудиться, так как он банально не помнит дорогу. А я ее и не знала, не довелось еще нормально исследовать этот путь, чтобы рисковать.

Мы дошли до крыльца, Гресс собрался войти, но я покачала головой и поманила к окнам. У меня ведь там няня-студентка, которой быть в преподавательской комнате не должно. И надо ее выпустить тем же путем, каким она попала внутрь.

Я проверила оконные створки, нашла ту, что не была закрыта на защелку, а лишь прикрыта, и распахнула ее.

— Месье ректор, нужна ваша помощь, — шепнула я спутнику. — Подсадите меня, пожалуйста.

— Вы ползете через окно? — с веселым блеском в глазах спросил он.

— Ну да, а как иначе-то?

— Действительно, как иначе? И чего это я спрашиваю... — с иронией фыркнул он, но присел, подхватил меня под колени и помог забраться.

И да, он тоже пощупал мою задницу! Но когда я возмущенно оглянулась, то встретил меня невинным взглядом, мол, что не так? И ведь не озвучишь, что именно не так.

Софи спала в детской кроватке в обнимку с Бароном. А утомившаяся ожиданием Аврора замоталась, как гусеница, в плед и

спала поверх покрывала на моей кровати. Она даже не проснулась от моей возни.

Я разулась прямо у подоконника, чтобы не тащить грязь, на цыпочках прокралась и легко погладила девушку по плечу. Она сначала сонно завозилась, потом открыла глаза, поморгала, осознала, что это я, и села.

Я приложила палец к губам, улыбнулась и кивнула ей на окно. Вот так, пантомимой, мы и попрощались, Аврора жестами доложила, что все хорошо, они с котом и младенцем ели и спали. Потом, сложив плед, обулась и подошла к окну. Собралась уже выбираться наружу и только тут увидела, что ее ждет не Энтони Фалькор, а месье ректор собственной персоной.

У Авроры вытянулось лицо, рот округлился буквой «о», и она испуганно на меня взглянула. Ну опять мимикой и жестами дала ей понять, что все нормально, можно выбираться.

Барон проснулся, наблюдал за нами все то время, пока я общалась с Авророй. А когда она ступила на землю, потянулся, выбрался из теплой кровати и рыжей молнией скользнул к окошку и выпрыгнул. Хозяин поймал его на лету.

Я еще посмотрела на их обнимашки и то, как Барон трет мордочкой о своего человека, после чего помахала рукой, закрыла окно и тихонечко задернула штору.

Мне необходимы горячий душ, много мыла и шампуня, потому что я вся провоняла кутузкой, и сон. Но перед последним сначала быстренько проверить Софи и сунуть ей бутылочку, чтобы она не проснулась, как только я усну.

— Да-а-а, Машка, — бормотала я в ванной, оттираясь мочалкой. — Чтобы еще раз мы с тобой по ягодки пошли... Ну их на фиг, такие урожаи. Страшно представить, что было бы, отправься мы по грибы...

В общем, мы со студентами и Артуром провели незабываемую ночь, весело встретили рассвет, прогулялись, набрались впечатлений... Хорошо еще, что я подгадала эту вылазку под выходные, и сегодня можно будет всем отоспаться, прийти в себя. А мне еще и с ягодами разобраться, чтобы они не испортились.

Артур Гресс вернулся к крыльцу, вошел в преподавательское общежитие и неторопливо поднялся на свой этаж. Да, он тоже жил

здесь, на самом верху, в ректорских апартаментах, состоящих из нескольких комнат. Его предки являлись владельцами и организаторами УСЧ и, естественно, позаботились о своем комфортном проживании.

Прадед любил уют, и доставшиеся Артуру покои отличались от комнат прочих сотрудников и преподавателей. Спальня, гардеробная, ванная, гостиная, кабинет. И еще одна жилая комната неясного назначения. Вероятно, гостевая спальня для членов семьи.

Все было прекрасно обставлено старинной мебелью, но, на вкус нового главы универа, было слишком старомодным и мрачным. Только вот заниматься интерьером и ремонтом совершенно некогда. Может, со временем, как полностью обживется...

Поймав себя на этой мысли, Артур сбился с шага и хмыкнул. Ну надо же! Еще пару месяцев назад он протестовал всем своим существом против того, чтобы очутиться тут, погрязнуть в болоте учебно-организационных дел, в обществе замшелых пней-преподавателей, многие из которых тут работают дольше, чем он на свете живет. И среди глупых студентов.

А глядите-ка, не успел опомниться, как втянулся. И вовсе не болото. И скучать некогда. И студенты вполне адекватные. И преподаватели вовсе не такие уж замшелые пни. Точнее, не все из них такие. Одна Мари чего стоит.

На губах невольно выступила улыбка. Давно он так не веселился и не участвовал в таких... глупых и нелепых авантюрах. Застрясть на кладбище среди поднятой нежити, не имея возможности нормально плести заклинание, — удовольствие сомнительное. Хорошо хоть, он артефактами весь увешан. Поддерживали его силы.

Да еще все это с толпой не смыслящих в некромантии студентов-артефакторов и молоденькой преподавательницы, которая тоже ничего не понимает ни в магии смерти, ни в боевой. Он ожидал массовую истерику и панику, и получил совсем иное: общение с призраком, четкие действия студентов, защищавших не себя, а любимую маэстрину. Разбирательство с некромантом из городской стражи, ночь в кутузке и тревожный сон в обнимку с этой самой преподавательницей. И ведь точно подметила та шлюха. Выглядит Мари как фря дворцовая, но без понтов. Уверенная в себе, ухоженная,

с прической даже в ночи, с идеальным маникюром, легким макияжем и одета просто и удобно, но привлекательно.

Гресс затрясся от беззвучного смеха, вспоминая ночные похождения. И то, как он подсаживал ее в окно и, пользуясь случаем, заодно пощупал аппетитную фигурку. Ну а как было удержаться? Он же не святой.

И вот еще что. Насколько он помнил из ее личного дела, ранее Мариэлла Монкар не была замечена в способностях к седьмой стихии. Ни единого упоминания о том, что она может видеть призрачные сущности или имеет хотя бы крохи ментальной магии. У нее сильный дар зельевара и алхимика, на этом она, собственно, и специализируется. Соответственно, сбалансированные доли стихий земли, воды и жизни, что дает возможность заговаривать зелья и эликсиры. Совсем немного, буквально капли, огня и воздуха, которых хватает на бытовой минимум, вроде разжечь свечу или подсушить волосы. И абсолютный ноль предрасположенности к стихиям смерти и ментальной.

Но теперь насчет последнего он сильно сомневается. Мари спокойно и уверенно общается с привидениями. И ей удалось легко и быстро наладить контакт со студентами. Вряд ли она осознанно ими управляет, он не заметил никаких заклинаний седьмой стихии. Но что-то такое точно есть.

Потому что за все это время она не завела ни одного явного врага или недоброжелателя. А ведь в больших коллективах, особенно среди молодежи, зависть и ревность — обычные явления. Студентки из богатых семей, считающие себя звездами и объектами поклонения, не смирились бы так просто с новой звездой. А Мари именно звезда, она сияет, ее нельзя не замечать. Но нет же. Мелкие недоразумения и ни одного явного конфликта. Наоборот, ей все поголовно симпатизируют в той или иной степени.

Вопрос: были ли эти способности раньше или явились результатом сильнейшего шока, нервного срыва, тяжелой болезни после надругательства и побоев и рождения ребенка? Теоретически — запросто. Девушка умирала, но выкарабкалась, собрала все жизненные силы и, вероятно, открыла новые умения, о которых и сама, похоже, еще не знает.

Вот откуда она такая свалилась? Нет, надо бы все же пообщаться с прадедом, пусть поделится, что помнит о Мариэлле. Когда бы только еще найти время и выбраться к родным, не рискуя при этом. Сюда живым он добрался чудом. И имя этому чуду — Мари.

Кот муркнул и вопросительно заглянул хозяину в глаза.

— Все хорошо, Барон, все хорошо. Давай-ка я приведу себя в порядок, и поспим немного.

Питомец успел выспаться, в отличие от своего хозяина, но не возражал еще вздремнуть. Почему нет?

Насколько я помнила, мы со студентами договаривались, что не будем распространяться о ночных похождениях на кладбище и в кутузке. А также о моей роли во всем этом безобразии и о присутствии ректора. Но разве шило в мешке утаишь? Естественно, кто-то кому-то по секрету шепнул, этот кто-то еще кому-то, а что знают трое, знают все.

Уже к вечеру следующего дня я была звездой Усача. Ну еще бы, куратор отважных артефакторов, которая лазит в окно, гуляет по кладбищу, сражается с зомби, сидит со всеми в кутузке и заводит знакомства с городскими шлюхами. Да еще и приличного человека, ректора, во все это втягивает.

Наши приключения обросли домыслами и легендами, а рейтинги, мой и Гресса, взлетели до небес. Пока побеждал он, поскольку был завидным холостяком и величиной недоступной.

Но я все же удостоилась веселых взглядов и вопросов от коллег.

— Мари, вы действительно лазили в окно? — серьезно спросила Нора.

— Пришлось, — пожала я плечами.

— Маэстрина, и как вам наше кладбище? — улыбаясь в бородку, поинтересовался магистр Чолин. — Как вели себя мои артефакторы?

— Кладбище так себе, обычное. Ребята молодцы, для своего курса они неплохо держались. Но вот над комплектом амулетов и артефактов я бы еще поработала. Как показала жизнь, ситуации бывают разные.

— Ситуации обычные, а вот преподаватели себя порой ведут по-разному. Некоторые — безответственно, — протянула магистр водных плетений.

— Франсуаза, хотела вас похвалить. Вы прекрасный преподаватель. Ребята замечательно справились с заклинаниями стихии воды и сплели необходимые плетения быстро и правильно, — глянула я на нее.

Я могу к ней самой относиться как угодно, учитывая ее склочный характер и то, что она вечно меня цепляет. Но не оценить по достоинству ее профессиональные навыки и уровень преподавания я не могла.

— О... — растерялась она от похвалы, хотя ожидала, что я огрызнусь. — Ну... Я стараюсь и люблю свой предмет.

— Вы правда большая молодец. Можно маленькую ремарку? Если это реально, конечно. Мой уровень владения стихией воды не велик, поэтому... Если научить ребят превращать объекты в ледяную глыбу? Было бы неплохо. Это пригодилось бы нам вчера. Или хотя бы остужать до предельно допустимой низкой температуры и таким образом лишать подвижности. Думаю, это могло бы многим пригодиться в ситуациях столкновения с нежитью.

Франсуаза задумалась. Когда она переставала корчить из себя роковую красотку и стерву, то у нее сразу менялся вид. Просто красивая взрослая женщина с умными глазами.

— Мне надо произвести расчеты, — отозвалась она наконец. — Не все потянут это заклинание, оно довольно энергоемкое.

Я кивнула и больше не возвращалась к этой теме. Это не моя территория, пусть сама решает, чему учить студентов.

— Мари, а что вы скажете о нашем ректоре? — поинтересовался кто-то из коллег с другого конца стола. — Как вам удалось его втянуть в эту прогулку?

— А что я должна сказать? Магистр Гресс ответственный человек, не пожелал оставлять своих подопечных без охраны и любезно составил нам компанию. Уже было слишком поздно, чтобы тревожить еще кого-то из мужчин-преподавателей. Магистр отправился с нами сам.

— И он действительно остался с вами под стражей?

— А он мог бросить нас и уйти в одиночестве? — Я даже растерялась от подобного предположения.

— Разумеется, мог. Кто бы посмел его задерживать против воли? Его титул, статус и заслуги не позволяют этого.

— О... Ну... Месье ректор порядочный человек, ответственный руководитель и не мог позволить себе столь низкий поступок, — наконец нашла я слова.

Чего еще я не знаю о нем? Точнее, а что вообще знаю о нем? Да почти ничего. И что там за дырка в ауре после контузии? А я ведь и не заметила. И он сам ни словом не обмолвился, что ему нельзя колдовать, и о столь глобальных проблемах с магией и здоровьем. А ведь я его опрашивала, когда составляла список эликсиров. Теперь придется снова думать.

Ах да! И посетить городскую библиотеку, найти научные работы некромантки.

— Коллеги, а что вы знаете о мэтрессе Аухелии Бродес? — спросила я.

— А что, разве старая карга еще жива? — озадачился Максимильтян Сверг.

Мы с деканом факультета артефакторики общались крайне редко, поэтому я даже удивилась, что он вступил в диалог. Взглядом предложила ему продолжать.

— Нет, конечно, Максимильтян, — ответил Альберт Кьюсек. — Мэтресса некромантии давно уже покинула нас. Крайне своеобразная и непримиримая особа была при жизни. Но умная. Считается непревзойденным авторитетом в своей стихии. По ее трудам написано несколько учебников, по которым и сегодня учатся некроманты. Была убита лет триста назад, точную дату сейчас не вспомню. Захоронена где-то неподалеку. А почему вы интересуетесь, маэстрина?

— Она как раз на городском кладбище захоронена. Столкнулись сегодня ночью с ее призраком. Мэтресса нам помогала, ребята следовали ее подсказкам, что дало нам шанс дождаться стражу.

О том, что я тоже с ней общалась, промолчала.

В городскую библиотеку я все же нашла время выбраться. Завела читательский билет, оплатила абонемент на месяц. И да, отыскала нужные книги. К счастью, их выдавали на руки, потому что позволить себе изучать эти толстые работы в читальном зале в городе я не могла.

С ректором мы вернулись к прежнему рабочему стилю общения. Виделись нечасто и всегда по работе. Хотя один раз столкнулась с ним

на выходе из общежития. Оказывается, он живет тоже здесь же, на верхнем этаже.

В целом, ничего не изменилось, кроме его взгляда и улыбки. Это был не флирт, ни малейшего повода заподозрить себя в интересе к моей скромной персоне месье Гресс не давал. Но женщины чувствуют этот самый интерес иначе. Интуицией. Третьим глазом. Копчиком. Какими-то чакрами или... не знаю даже чем, но я чувствовала, наш молодой ректор запал на Мариэллу Монкар.

А я, Мария Каменева, была вместо Мариэллы. И хотя тоже была бы не против, но... Всегда эти пресловутые «но». Поэтому улыбаемся и плывем по волнам преподавания, заставляя студентов грызть гранит науки, а малышку Софи — прорезыватель для растущих зубов.

У меня к Артуру Грессу вопросов пока не было, но я читала труды мэтрессы Бродес. Не все понимала, кое-что мне вообще было недоступно в силу иной направленности магического дара. Но общее понимание о некромантии у меня все равно складывалось. Не знаю, правда, зачем мне это. Но раз сказал призрак, что там есть что-то про дыры в ауре, значит, читаем. Рано или поздно доберусь.

Многие рецепты выписывала. Мне они пока без надобности, так как направлены исключительно на восстановление магов смерти, но надо сохранить. Опять же, какие-то мудреные алхимические жидкости для артефактов, направленных на защиту от нежити и атаку на нее же.

Моя толстая-толстая книга рецептов и полезных заклинаний наполнялась. Сначала-то была тетрадка, но поняв, что ее не хватит, я купила огромный том в бычьей коже. Букинист сказал, что обычно их приобретают ведьмы, когда заводят свой собственный гримуар. И его можно зачаровать, чтобы никто, кроме меня, не мог сунуть туда свой любопытный нос.

Неплохая фишка встроена в прошивку. Как ставить местный магический пароль к доступу, я пока не знала, но разберусь со временем. У меня вон дите подрастает, студенты вокруг бродят, нечего им делать в моем гримуаре.

Звучит-то как, а? Чистый восторг! Маша и ее гримуар. Аж саму смех разбирает.

Глава 22

День летел за днем, а потом неожиданно для нас всех подошло время переаттестации, которую было решено провести в последние учебные часы осени. Календарь тут странный, к слову. Зима, весна и лето — по три месяца. А вот осень — четыре. Так как именно осенью сбор урожая, подготовка к зимнему сезону, и она затяжная из-за климата.

Зато потом наступает первый месяц зимы, который традиционно отмечается Белым Балом. Когда все должны непременно в белых нарядах танцевать и радоваться удачному завершению теплых сезонов и приходу снега, который укроет землю пуховым одеялом.

Дальше все ждут сначала праздника в честь Дня поклонения богам, а после — Нового года в первый день весны. Потом тоже идут свои праздники и мероприятия, но больше светские.

Так вот, жили мы потихонечку, я гоняла студюзов, они стенали, ныли, но учили, а потом вдруг неожиданно, раз — и аттестация.

Должна порадоваться и отметить заслуги ребят. Сдали с первой же попытки абсолютно все, но, разумеется, с разными баллами. Учитывая общее количество материала, который они должны были пересдать, мы совершили невозможное.

А вот меня к приему итогов вообще не допустили. Месье Гресс вызвал меня к себе прямо накануне и сообщил об этом.

— Но почему? Ведь именно я готовила их, — озадачилась я, поскольку до последнего была уверена, что тоже буду в составе комиссии.

— Как раз по этой причине. Они вам достались с не самыми лучшими знаниями, и вы сделали все, что могли, за такой короткий срок. Но проверять их будут магистры. Я пригласил несколько человек из других академий, в которых ваш предмет является профильным. Мне нужна независимая объективная экспертиза. А вы невольно будете предвзяты.

— Ну ладно, как скажете. Хотя ребята расстроятся, они на меня рассчитывают.

— Вот и я о том же. Пусть сдадут сами, не прикрываясь вашим расположением. И еще... — Он помялся немного, но все же озвучил: — Маэстрина Монкар, лучше бы вам вообще не появляться в главном корпусе послезавтра. И в столовой. Будут посторонние люди, которым лучше не знать о... — неловко замолчал он, не договорив.

— О младенце? Не демонстрировать ее? — понятно уточнила я.

— Да! — с облегчением, хотя и несколько виновато, подтвердил Артур. — Поймите правильно, мы с вами в сложной ситуации, ведь вас принял на работу мой предшественник. А я... Только не обижайтесь! Вы прекрасно справляетесь и, как бы это ни было странно, но ваша девочка вписалась и никому не мешает. Но... условности.

— Хорошо, — покладисто согласилась я. Ну а чего спорить, если он прав. Мир тут своеобразный, свой уклад и быт. Это вам не развитые цивилизованные страны Земли с эмансипацией и равноправием. — Только мне придется заpastись продуктами для нас обеих и взять пару книг в библиотеке.

— Отдыхайте. Считайте, у вас внеплановый выходной в уединении. А нашим почтенным коллегам скажем, что я попросил вас не появляться, дабы учащиеся не нервничали и не пытались напоследок хоть что-то успеть у вас уточнить. Пусть будет, что строгий ректор изолировал их и хочет, чтобы они себя показали.

Сообщила я новость студентам, расстроила, утешила словами и напутствовала:

— Да пребудут с вами премудрые таракашки!

— Маэстрина! — взорвались смехом они. — Почему таракашки-то? Вы же говорили, чтобы мы были как белки.

— Это вы сами будьте как белки. А таракашки в головах у вас живут, судя по той дичи, что вы периодически творите. Да-да, я все знаю, про ваши выходы и отработку за них в архиве. То-то ректор рад рабочей силе. Так вот, пусть эти ваши таракашки хотя бы будут премудрыми!

Правда, мои ребята меня все равно не бросили. По мере того как они освобождались, кто-то прибежал и скребся в окно. Первыми прискакали Алента, Алекс и Энтони. Постучались тихонько в створку, дождались, пока я выгляну, и радостно сообщили, что они все сдали.

— Молодцы. А почему так быстро? Вас в какой последовательности опрашивают?

— Со второго курса начали. Они меньше всего успели пройти, их легче проверить. Потом наш, третий. К вечеру и пятый опросят.

— Ясно. Минуту, я оденусь, а то холодно к вам так выглядывать.

— Стойте! Маэстрина, мы вам вкусного принесли из столовой. А то нам сказали, что ректор вам запретил даже нос показывать, чтобы не травмировать наши нежные души и чтобы мы не пытались на вас повлиять.

Ребята переглянулись и засмеялись своей шутке.

— Ну, вообще-то, да. Запретил, — подтвердила я. — Сказал, что я лицо заинтересованное, поэтому сидеть и не высовываться. Давайте, что там у вас?

— Пирожки с разной начинкой для вас. И для кота вот тут мясо. Магистр Гресс и его не захотел выпускать к посторонним.

Я только глаза закатила. Уж можно подумать. Этот кот и так целыми днями у нас с Софи пасется. Я все забрала, хотела одеться и еще пообщаться, но они убежали.

Позднее забежали девочки с четвертого курса, счастливые и веселые. Притащили мне шоколадку, потому что, как оказалось, дополнительные баллы им удалось заработать знанием и навыком, которые я им давала факультативно. Это комиссии показалось хорошим знаком, и баллы накинули.

Сразу после них заскочил Диппель, рассказал, что почтенных магистров из комиссии заинтересовал эликсир для роста волос. И, мол, они даже записали рецепт, который он по памяти им начитал. Быстро произнес его вслух и уточнил, правильно ли?

— Правильно, вы молодец, Жак, — улыбнулась я.

— Да я его теперь на смертном одре правнукам продиктую, чтобы лысыми никогда не становились, — заржал четверокурсник. — А я вам из столовой принес компот. Они на полдник вкусный сделали. Из ягод. Вы же любите ходить по ягодки, — он снова заржал, зажимая себе свободной рукой рот.

— Надеюсь, вы его не через кладбище несли? — хихикнула я, забирая еще горячий кувшин.

— Да вы что, маэстрина? Как же на кладбище, да без вас? Оркестр тогда не полон.

Я прыснула от смеха и покачала головой. Вот уж ославились мы на весь универ с тем незабываемым походом на кладбище.

Совсем к вечеру в три захода явились пятикурсники. Принесли коробку конфет, упаковку пирожных и ужин из столовой. Эти уже умели многое, поэтому ужин прибыл горячим, прикрытым стазисом.

И не то чтобы я была не рада, но вопрос: откуда все знают, где мое окно? Ну, моя группа — это понятно. А все остальные студенты? Надо тщательнее задергивать шторы и никогда не переодеваться, если возможен вариант, что меня видно снаружи. Или сделать стекло непрозрачным.

Апофеозом этого вечера было явление Артура Гресса собственной ректорской персоной. И тоже к окну.

— Магистр Гресс?! — Я аж опешила, узнав его в темноте.

— А вы ждали кого-то другого? — уточнил он.

— Ко мне весь день студенты шли, я думала, снова кто-то из ребят.

— А... Нет, это всего лишь я, ректор. Хотел сообщить, что переаттестация прошла успешно. Абсолютно все сдали. Можете спокойно изучать все, что у вас там положено, и готовиться к сессии. И еще. Завтрашний Белый Бал начнется в семь часов. Проследите за своей группой и приходите вместе с ними.

— Но... Я не собиралась идти на бал, — растерялась я. — У меня и наряда нет.

— Почему?

— Но Софи же... Одно дело днем, в аудитории. Она привыкла. А как я ее понесу на праздник, где все будут веселиться и танцевать?

— А почему вы не нашли няню на вечер?

— Ну... — Что сказать, я не знала.

Он реально не понимает? Где я ему тут возьму няню, если студенты все идут на бал, преподаватели тоже. У остальных сотрудников университета свои дела и семейные праздники. А со стороны никого приглашать на территорию нельзя. Я и не планировала даже идти на этот Белый бал, и платья белого у меня нет.

— Мари, так нельзя. Ваша группа и мысли не допускает, что вы их бросите. Вы, как их куратор, должны появиться.

— А Софи? — кисло уточнила я.

— И Софи, раз уж она здесь обитает вместе с нами всеми. Так. Завтра прямо с утра отправляйтесь в город и купите себе и ей что-то белое. Не обязательно платье, и не обязательно бальное, но обязательно белое. Это дань традициям, по-другому никак нельзя. Вы ведь это знаете, да?

— Что? Естественно! А могли быть варианты?

— О, Мари, с вами я уже ничему бы не удивился, — загадочно хмыкнул мужчина. — До вечера успеете и найти что-то и собраться.

— Магистр, подождите. Но как я на балу с малышкой? Она же захочет спать и все такое...

— Отгородим ее щитами от света и музыки. В компании такого большого количества магов с этим не возникнет проблем. Привозите ее прямо в коляске и накиньте что-то сверху пологом. Барона тоже захватите, мне спокойнее, когда я знаю, где он. Да и присмотрят они с Софи друг за другом.

— О да! — рассмеялась я тихонько. — Софи — укротительница рыжих котов.

— Он к ней привязался, я даже ревную немного, — усмехнулся ректор. — Доброй ночи, маэстрина. Увидимся завтра на балу.

Он ушел, а я еще постояла, размышляя, что это было. И почему у меня снова ощущение, что Гресс меня кадрит? Немножечко совсем, не переходя границ, но... чувствуется что-то эдакое в усмешках, в интонациях... И как это вяжется с его давними словами, что даже элементарная забота о нем может губительно сказаться на наших репутациях?

Ну, я-то понимаю, к чему это. В этом мире у Мариэллы Монкар проблемы из-за внебрачного ребенка. Это только я все время об этом забываю, так как, во-первых, это не мой ребенок. Малышка мне досталась в комплекте со всем остальным. А во-вторых, даже если бы она действительно была мне дочкой, то с моим менталитетом землянки двадцать первого века в этом нет ничего ужасного. Не шестнадцать же лет, не школьница, у которой вся жизнь рухнуть может. Ну, случилось, вот такая неприятность, и что теперь? Выжила, выкарабкалась, родила, бывает, — и дальше по жизни, не вешая носа, добиваясь успеха и профессиональных заслуг.

Правда, даже мне регулярно приходится себе это мысленно проговаривать. Аутотренинг и повторение — наше все. Справимся,

Маша, справимся.

Но все равно, что-то у меня не вяжется...

Ладно. Боги местные с ним, с ректором. И со мной тоже. И вообще, раз уж завтра мне бальный наряд искать, то и в храм постараюсь забежать. А то все узнала, в религиозных догмах более-менее разобралась, но живьем, так сказать, визит богам не наносила.

На следующий день, на мое счастье, за Софи согласилась присмотреть магистр Хавьер. Эта строгая дама обладала высочайшим навыком использования бытовой магии, которую и преподавала. А еще любила детей, но даже внуки у нее уже давно выросли и живут далеко. Поэтому иногда она мне помогала, если время позволяло. Надолго я и сама не решалась ее просить, и так уж мастер Ханк ежедневно забирает Софи на свежий воздух. Совесть нужно иметь.

Но сейчас у меня безвыходная ситуация. Времени мало, на улице уже снег и подморозило, с коляской я потеряю мобильность и скорость. Поэтому пришлось обратиться к Норе и переправить в ее комнату на втором этаже Софи, необходимые ей мелочи и молоко.

А я припустила в город.

Всем нам когда-либо в жизни доводилось срочно искать наряд на свидание, мероприятие, корпоратив или на свадьбу, куда тебя вдруг пригласили. И если уж даже в нашем мире, перенасыщенном одеждой и огромным количеством магазинов, это та еще задача, то в этом чужом мне городе и мире — настоящий квест.

Цвет должен быть непременно белый. Фасон — приличный. Вид — элегантный, потому что положение и статус обязывают. На корпоратив я бы не задумываясь надела хоть брючный костюм, хоть белые джинсы. На свидание тоже. Но тут-то планируется бал. Значит, без вариантов, платье или юбка.

Белые.

И это в городе, в котором не так много мест, где готовую приличную одежду в принципе можно найти, а к балу готовятся заранее и шьют на заказ.

Спустя два часа и половину города я начала приходить в отчаяние. Можно было найти подходящие одежки всех цветов радуги, кроме белого.

— Эй, мадама! — окликнул меня вдруг женский голос. — Маэстрина, ты, что ли?

— Что? — Я резко обернулась и увидела одну из проституток, с которыми мы сидели в соседних камерах в кутузке. — Добрый день. Простите, не помню ваше имя.

— Точно ты, маэстрина. Вежливая какая... Я Лиззи. Чего грустная такая?

— С первым днем зимы вас, Лиззи. Да мне срочно нужно собраться на университетский бал. А я не планировала идти, заранее не подготовилась. И теперь никак не могу найти ни одного белого платья.

— У-у-у, это ты зря. Городские маузели и мадамы уже все выкупили.

Я развела руками, подтверждая, что и сама уже в этом убедилась.

— Ты знаешь чего, маэстрина. Я тебе адресок дам. Одна из наших бывших девочек шьет хорошо. Может, есть у нее что из готового. Наши-то тоже одеваются нарядно.

— А мне не опасно идти туда одной?

— Хм... — Лиззи окинула меня взглядом. — А пойдем-ка вместе, тут недалеко. Поболтаем по пути. Ты мне расскажешь, чего там интересного в ваших университетах происходит. Только капюшон пониже на лицо надвинь. Не надо, чтобы тебя со мной видели.

Она действительно проводила меня к бедному, но чистому домику на окраине. И там действительно жила не девочка уже давно, а хромая женщина лет сорока. Видно, несладко ей пришлось. И нога одна короче другой и не гнется, и на лице несколько шрамов, из-за чего улыбка получалась кривая и саркастичная.

— Жанна, ну-ка поройся, чего у тебя из готового приличного есть для Белого бала, — с порога заявила Лиззи. — Я тебе серьезную мадаму привела. Видала, какая фря? Мы в кутузке познакомились. Она студентов всяким зельям обучает.

— Добрый вечер, Жанна, — поздоровалась я. — Да, у меня возникла сложность с белым платьем. Не планировала идти, а приходится. Руководство отправило искать подходящий наряд.

— А чего ж не планировали? — окинула меня внимательным взглядом женщина и похромала в глубь комнаты.

— Ребенка не с кем оставить.

— От те на! — всплеснула руками Лиззи. — Маэстрина, так у тебя чего, дите есть? Это ж как? Ты же магичка, вы же так рано не рожаете. И сколько ребенку?

— Так случилось. Полгодика ей.

Жанна хмыкнула, бросив на меня взгляд через плечо.

— А папаша? Чего папаше не отдашь? Как же ты со студентами? Кто за дитем смотрит? — не унималась Лиззи.

— Лиззи, отстань от маузель, — строго обронила Жанна. — Не видишь, что ли? Нет там рядом папаши. Одинокая она.

Под двумя взглядами я пожала плечами. Лиззи открыла рот, чтобы еще задать вопрос, но Жанна опередила.

— Ты, Лиззи, вечно языком мелешь. Сколько тебя учили — смотри глубже. Пелена же. Ребенок — плод насилия, — указала она взглядом в область моего живота.

— Вы маг? — заинтересовалась я.

— Нет, бабка немного видела. Не ведьма, но так, сила краем зацепила... Ну и я чуток. Аура у вас чистая, маузель, ясная и светлая. Разум искристый, сильный, манящий. А вот тело... Несладко вам пришлось. Как выжили-то?

Я опять развела руками. Понятия не имею, как и кто Мариэллу вытащил оттуда, спас и доставил к целителям.

— Ну и хорошо. Не стоит помнить такое. Боги миловали, значит. Платье есть белое, но не бальное, — резко перевела она тему. — Сейчас прикинем, может, стодится.

Лиззи расстроено хлопала глазами. В ее картине мире не укладывалось, что даже с приличной девушкой, магом, преподавателем университета может случиться подобное.

— И что, Жанна? Многие могут видеть, что... гм... с телом вот так? Просто вы первая сказали, а я ведь живу среди магов разных стихий и направлений.

— Ведьмы видят, — коротко обронила она. — Ну и ведьмаки, наверное.

Я поставила себе мысленную галочку. Узнать о ведьмах, ведьмаках и о своей ауре.

Глава 23

Платье, столь необходимое мне, нашлось, но действительно не из дорогих вечерних тканей, а из плотного глянцевого сатина. Белое, с узкой темно-синей отделкой по горловине, манжетам и талии, застежка — ряд маленьких пуговичек по левому боку. Длину только пришлось подогнать прямо там, на месте.

И хотя шла я сюда со скепсисом, не надеясь увидеть что-то приличное, но результат меня полностью удовлетворил. Облегающий приталенный лиф, узкий длинный рукав, юбка-солнце и накрахмаленный подъюбник длиной чуть ниже колен. Правда, по местной моде — это просто верх целомудренности, скромности и простоты. Кроме одной детали. Вырез узкий, треугольный и очень-очень глубокий. Он опускался чуть ли не до пупка, и с таким только на красную ковровую дорожку выходить, получать статуэтку за лучшую роль в кинокартине.

— А для кого это предназначалось? — спросила я, пытаюсь стянуть края выреза, чтобы грудь не открывалась при движении.

— Для новеньких девочек, естественно. Есть же мужчины, которым нравятся невинные, чтобы стать у них первыми. Стойте спокойно, маузель. Сейчас мы тут вставку сделаем. Есть у меня немного газа, — спокойно отвечала Жанна.

Ну-у-у... Мне понравился результат. Понятия не имею, как воспримут это платье местные, а по мне так даже здорово. Вырез Жанна закрыла полупрозрачной газовой тканью, выкроив треугольник и аккуратно пришив его изнутри. Получилось вроде все закрыто, но при этом прозрачно. И бюстгальтер или корсет под такое платье не наденешь.

Мариэлла не рискнула бы выйти на люди в таком наряде, я — легко.

Лиззи весело болтала, сыпала сплетнями, рассказывая Жанне об общих знакомых, и уходить не собиралась. Хозяйка дома даже прямо ее спросила, мол, а не пора ли тебе на работу?

— Да брось. Какая работа с утра? Я за пирожными пошла и маэстрину встретила. И потом, ты чего? Ее ж вывести надо будет

обратно, а то Веселая Магда мне голову открутит. Она хочет у маэстрины зелья заказывать для девочек. Сама ж знаешь, прежняя магистра, которая аптекарю сдавала эликсиры, уехала. А местные нормально и приготовить ничего не могут. Маэстрине приличный приработок, нам с девочками нормальные магические средства.

— Почему «маэстрина»? — вопросительно посмотрела на меня Жанна, подшивая прямо на мне подол на нужную длину.

— Студенты прозвали. Я им уши и хвосты вырастила. Они в шоке и заявили, что никакая я не мастер, а маэстро и выдающийся деятель в искусстве преподавания. Маэстрина. Я не стала спорить, а обращение так и прилипло.

Женщина усмехнулась и продолжила работу.

Закончив, она помогла мне переодеться в мои вещи, в которых я пришла. Я водрузила на место теплую шляпку, которая меня дико бесила, но без которой нельзя было выходить на улицу. Кто-нибудь пробовал натягивать сверху на шляпу капюшон плаща? Говорю сразу — неудобно. Но без капюшона у меня мерзли уши, а шапки тут дамы не носят, и без головного убора неприлично на улице. Вот я и мучилась.

С Жанной я расплатилась еще в процессе одевания. Потому что кошелек у меня был припрятан под одеждой. Я, конечно, маг и щитов на себя навесила. Но никогда не стоит недооценивать ловкие руки тех, кто кормится карманными кражами. А у меня самой каждый местный медяк на счету. Платье-то это покупаю и мысленно рыдаю, потому что оно мне не нужно. А предстоящие сезонные покупки нам с Софи намного важнее.

— Приносите при случае наряд. Украсим как-нибудь, нашьем что-то, чтобы можно было носить его в простой, не бальной жизни, — догадливо предложила Жанна.

Лиззи проводила до того же места, где мы с ней столкнулись. Попрощалась. И напоследок добавила:

— Ты это, маэстрина, как время и возможность будет, свари нормальное противозачаточное и в аптеку отнеси, ту, что неподалеку от Усача. Она там одна. Ладно? Скажи, что Веселая Магда заказала. Мы всю партию выкупим. Не все девочки могут амулеты хорошие

приобрести, дорого. А работа у нас... Ну что я говорю, сама ты все понимаешь.

Я понимала. Мне было дико и странно, что я вот так запросто общаюсь с дамой низкой социальной ответственности, как это принято называть в прессе. Еще страннее мне было, что я к ним на «вы», а они мне тыкают.

Но при этом было что-то в этих женщинах... Надломленность какая-то, попытка храбриться, а в глазах безысходность. Изуродованная искалеченная Жанна... И эта Лиззи, которая весело щебечет, а у самой синяки на запястьях, которые она прячет, одергивая манжеты.

Не окажись мы по странному стечению обстоятельств в одно время в одном месте, вряд ли бы наши пути хоть как-то пересеклись. И я абсолютно уверена, что настоящая Мариэлла Монкар не попала бы в подобную ситуацию и не обзавелась бы столь неподобающими знакомствами. У нее совсем иной характер, ей бы и в голову не пришло идти на кладбище ночью, ни одной, ни со студентами. Она очень правильная, очень воспитанная и очень скромная девочка. Была. И есть где-то на Земле, заняв мое тело и забрав мою жизнь.

И я была корректна и вежлива с этими женщинами, сочувствуя в глубине души, но понимая, что высказывать это вслух нельзя. Обижу, даже оскорблю. Жалость им не нужна. Какая бы ни была у них тяжелая жизнь, но последнее, что они хотели бы, это снисхождение от богатенькой чистенькой девицы.

Мы попрощались, я уже отошла, когда Лиззи вдруг встрепенулась и окликнула:

— Маэстрина, а тебя звать-то как?

— Мари, — ответила я и ушла.

А зелье я для них сварю. Много. И отнесу на реализацию в указанную аптеку. Пусть покупают. Только сначала мне самой нужно приобрести необходимые ингредиенты.

К вечеру я была готова. И маникюр освежила, и маску для лица сделала. И прическу соорудила. Посчитала, что раз украшений у меня нет, а платье предельно простое и при этом с таким пикантным вырезом, то акцент сделаю именно на волосах. Заплела косы

греческим колоском вокруг головы и собрала низкий пучок. На это моих умений хватило.

В храм днем я так и не успела зайти, как собиралась утром, планируя выход в город. Но к балу успела и себя в порядок привести, и Софи переодеть в белый комбинезончик. И коляску завесила белой пленкой, чтобы спрятать малышку от света, когда она устанет.

Туфельки белые я купила сразу, их нашла легко, пока безуспешно пыталась добыть платье. Так что переделалась к указанному часу и задумалась: а как же я пойду, такая вся белая и великолепная, да по уличной грязи в обход?

К счастью, не одна я столкнулась с этой проблемой. Услышав в коридоре голоса, я выглянула и увидела Франсуазу.

— Магистр, вы идете на праздник?

— Разумеется, — поправила она крупные бриллиантовые сережки. — Не ожидала, что и вы пойдете. А как же ваша малышка?

— Придумаем что-нибудь. Не составите нам компанию в прогулке через крытый ход прямо в замок?

Франсуаза хмыкнула, неопределенно повела плечом, но не отказала. Правда, шли мы в итоге компанией с подошедшими другими преподавателями. Они тоже уже оделись соответствующе для бала и не хотели марать обувь на улице.

Вот все же насквозь через замок действительно неудобно, но придется осваивать путь. Лучше уж потратить время и поплутать немного, чем упаковываться в сто одежек самой и укутывать Софи. Снег и морозы к прогулкам не располагают.

Мероприятие проходило в бальном зале, о котором я и не подозревала. Хотя это логично, ведь мы занимаем целый замок. Родовое гнездо аристократов, соответственно, тут должен быть еще и тронный зал или его аналог.

Оттуда доносилась музыка. Ну надо же! Впервые за четыре месяца в этом мире я слышу музыку. Что-то классическое, если можно так выразиться.

Студенты принарядились. Удивительно, сколько оттенков у белого цвета... Девушки в пышных платьях, парни в местных вариациях костюмов. Все такие красивые, веселые, предвкушающие приятный вечер за танцами.

Мои ребята нашли меня сами, мне не пришлось узнавать, что делать дальше и как тут все принято.

Постепенно вся группа собралась вокруг нас с Софи. Ребята переговаривались, хохотали, пританцовывая неосознанно под доносящиеся звуки музыки.

А я наблюдала за всем. Интересно ведь. Это мой первый праздник тут. Земной Новый год я высчитала сама, насколько смогла, сопоставив два календаря. Примерно прикинула и даже отметила в своей комнате, скромно съев пирожное, купленное в кондитерской в городе. И сосновая веточка у меня стояла в стакане несколько дней.

Но это все же не то. Унылая и не слишком удачная попытка протащить праздник другого мира в этот. Я сама осознала нелепость своих потуг и решила больше не травить душу и не высчитывать никаких других дат, кроме своего дня рождения. Да и то не совсем понятно, а стоит ли? Ведь у тела совсем другой возраст. Но коли уж мне здесь жить, то и буду это делать по местным традициям.

Потихоньку все перебрались в зал и расположились группами. Я к вечеру притомилась, поэтому в разговорах пока не участвовала, просто с улыбкой смотрела по сторонам и развлекала Софи.

Наконец все собрались, и ректор вышел на возвышение у дальней стены. Наверное, там раньше стояли кресла для властителей замка и окрестных земель.

Магистр Гресс поздравил всех с первым днем зимы, пожелал хорошо провести холодные месяцы, потратить их на что-то нужное и полезное. И дал отмашку музыкантам открывать бал.

Еще одна местная традиция, оказывается, прошла мимо меня. Первый танец Белого бала был белым. Хм, логично, да? Но это местным логично, а я удивилась, когда девчонки вдруг, хихикая и смущаясь, стали приглашать парней. Только потом до меня дошло, и я негромко рассмеялась.

Ох, ну вот проколюсь ведь. Не знаю очевидных вещей, которые для местных сами собой разумеющиеся, но при этом моя голова под завязку забита рецептурой зелий, эликсиров, странных веществ, способами хранения и приготовления трав и ингредиентов.

К нам подошел мастер Ханк, поприветствовал меня и наклонился над коляской.

— Малышка Софи, не будешь ли ты любезна пригласить меня на танец? Нужно поприветствовать зиму, и дамы приглашают кавалеров.

Я хихикнула и кивнула на его вопросительный взгляд, брошенный на меня. Мужчина чуть улыбнулся, тоже кивнул и вынул Софи из коляски. На теплом месте тут же во всю длину растянулся Барон. Как же он мог остаться без компании? С нами пришел на бал.

Ханк взял девчушку на руки и отправился в танцующую толпу. На них со смехом смотрели и показывали, что очень нравилось Софи. Она ведь всех знала в лицо и привыкла к постоянной движухе. Спать ей еще нескоро, думаю, пару часов она проведет активно.

— Маэстрина, а что же вы никого не приглашаете? — окликнул меня кто-то.

Я обернулась, но так и не поняла, чей это был вопрос, потому что преподаватели тоже все уже присоединились к танцующим. А мне и пригласить оказалось некого, да и не знала я, как двигаться в местных танцах. Тело, наверное, помнило. Раз уж Мариэлла когда-то научилась, то процедурная память должна сохранить эти навыки и у меня. Но разум не имел ни малейшего представления, мне декларативная память не была передана.

— Мари, прекрасно выглядите, — произнес вдруг ректор, вынырнув между парочками, исполняющими замысловатые па.

— Благодарю. А вам идет белый цвет, — сообщила я в свою очередь. — Отчего вы не открыли Белый бал сами?

— Меня никто не пригласил, побоялись, — хмыкнул он. — А вы? Почему стоите тут в одиночестве?

— Никому не скажете? — понизив голос, заговорщицки произнесла я. — Я не умею танцевать. Точнее, меня учили и тренировали, но как бы...

— Вы шутите? — удивленно моргнул мужчина.

— Я похожа на шутницу?

— Вообще-то, да. Вы часто говорите так, что непонятно, шутите или всерьез. Может, составим друг другу компанию? — вдруг предложил он.

— Вы меня приглашаете?

— Нет, меня приглашаете вы. Это ведь Белый бал, и первый танец — белый.

Я фыркнула и со смешком протянула ему руку.

— Магистр, позвольте пригласить вас открыть зиму.

— С превеликим удовольствием, маэстрина! — поклонился он, сжимая мои пальцы.

Глава 24

Я оказалась права. Как только я перестала думать о своем следующем шаге, расслабилась и просто начала двигаться под музыку, позволяя Артуру вести, все наладилось. Тело помнило, главное было не мешать ему.

— А говорили, что не умеете, — отступил на шаг назад и тут же привлек меня к себе партнер по танцу.

И я сразу же наступила ему на ногу, потому что начала думать о шагах.

— Ой! Простите, магистр. Я же сказала, меня тренировали, но голова моя явно думала в это время не о танцах, поэтому помнят только ноги.

— А чем же обычно занята ваша голова?

— О-о-о, в ней миллион мыслей и планов.

— Да, я в курсе, — внезапно рассмеялся он. — «План покорения мира» — это весьма амбициозно, не находите?

Я хихикнула и пожала плечами.

— А что делать? Мир сам себя не покорит и не преподнесет мне на блюдечке с голубой каемочкой.

— Почему с голубой?

— Потому что кобальт, — очень понятно ответила я. — И фарфор.

— Любите красивую посуду?

— Разумеется. Кто же ее не любит?

— А серебряную?

— М-м-м, с этим сложнее. Пожалуй, люблю. Да и полезно, обеззараживает и серебрит воду. Но чистить серебро — удовольствие сомнительное.

Не могла же я ему ответить, что предпочитаю столовые приборы из хорошей нержавеющей стали, которые не темнеют, не ржавеют, легко моются хоть руками, хоть в посудомоечной машине. Тут и такую бытовую технику еще не изобрели.

Да и тонкий фарфор я, конечно же, люблю. Но в обычной повседневной жизни предпочитаю пользоваться сервизами из

ударопрочного закаленного стекла и современной хидромудрой керамики. И в посудомойке им ничего не делается, и в микроволновке. А фарфор — это для красоты, для антуража и настроения, для чашечки кофе, и обращаться с ним надо бережно.

Ох, как же не хватает всех этих привычных бытовых предметов и мелочей. Впрочем, тут у меня вообще не было красивых интерьерных вещей. Ни хрусталя, ни фарфора, ни серебряных ложечек. Эта та статья бюджета, на которую я еще не заработала.

— О чем задумались? — спросил мой кавалер, заметив, что немного подвисла.

— О плане покорения мира, — пошутила я. — О фарфоре. И о серебряных ложечках.

Гресс хмыкнул, явно мне не поверив. А тут и музыка стихла.

— Прошу вас оставить мне еще три танца, если вы не против.

— Три? А разве не... А так можно? — Я имела в виду, что, по светским правилам, даме нельзя выходить на паркет более трех раз с одним и тем же партнером, если он ей не жених или супруг.

Артур прищурился, остро взглянув на меня, после чего наклонился и почти на ухо негромко сказал:

— Белый танец — это дар женщин наступающей зиме, они приглашают мужчин. Он не идет в общий счет, соответственно, не считается правилами этикета как нечто предосудительное.

Я залилась краской, поняв, что попала на совершенно дурацком и невинном вопросе. Но стояла молча, сжав зубы, чтобы еще чего не ляпнуть, и натянуто улыбалась. А месье Гресс решил меня добить:

— Вы впервые посетили Белый бал, да? — Я молчала, и ректор задумчиво обронил, причем не мне, а себе: — Откуда ж вы взяли такая?

Ага, вот сейчас прямо возьму и расскажу, откуда я.

Артур Гресс наблюдал за Мариэллой. Эта девушка продолжала интриговать. Ее реакции были нетипичны. Угадать, как она себя поведет в той или иной ситуации, не всегда удавалось, а уж что она скажет, тем более.

Немыслимым образом собиралась проигнорировать Белый бал. Как такое вообще возможно? Причем не просто размышляла, а не пропустить ли, а самым настоящим образом решительно не

планировала идти и даже платье не приготовила. Никто никогда добровольно не отказывался от этого праздника. Это ведь открытие зимы. Незыблемая традиция, а она словно и не знала об этом, рассуждала совершенно спокойно, мол, не могу, не получится. Его же настойчивость восприняла скорее как досадную назойливость руководящего лица, чем заботу о соблюдении традиций.

Хотя даже бедняки собираются маленькими компаниями с соседями или друзьями, отмечают хотя бы символическим угощением и один танец дарят зиме. Да что там говорить? Даже одинокие люди пританцовывают сами с собой, если у них нет партнерши.

А эта стоит, улыбается и не делает ни единой попытки кого-то пригласить. И не знает элементарных вещей. В голове такое логично не укладывается, а в подозрения не очень хочется верить. Слишком уж они странные. Но она что, в своей академии не посещала Белый бал? Не верится.

И в очередной раз мелькал невольный вопрос: а ей точно двадцать два года? Уверенный взгляд, никакой робости, легкая ирония и над собой, и над ним. То, как она несет себя, эта девочка с глазами умной взрослой женщины, знающей себе цену.

И то, как она одевается. Взять хотя бы это ее сегодняшнее платье. Глубокий вырез, почти до талии, хоть и затянутый прозрачным газом... И очевидно всем, что нет под платьем ни корсета, ни сорочки. Даже разбитная магистр Зандро, которая не отказывает себе в плотских радостях и имеет в городе давнего любовника, не осмелилась на такое. Ее декольте было вызывающе глубоким, открывало плечи и верхнюю часть груди, но при этом было откровенным и... привычным.

А у маэстрины глухое и строгое платье с длинными рукавами, закрытыми плечами, но... Не торчат глазами постоянно там, под этой тончайшей газовой тканью, сложно. Мари же ведет себя свободно. Ни малейшего флирта, кокетства или жеманства. Такое ощущение, что она даже не осознает, насколько провокационен ее наряд. Двигается ровно так же, как в застегнутых под горло блузах, в строгих жакетах или в преподавательской мантии, которую надевает в те дни, когда они готовят со студентами зелья.

Эта девушка уверенной легкой поступью шла и покоряла мир по своему плану, записанному в простую ученическую тетрадку. Шаг за

шагом отвоевывала ступеньки. И, похоже, мир покорялся, потому что игнорировать и не замечать ее невозможно.

И очень интересно, что же выдвинут студенты ее группы к утверждению. Традиционно ко Дню поклонения богам студенты предоставляют описание работы, которую будут разрабатывать к летней сессии и закрывать итоги года. Мариэлла курирует артефакторов, значит, они обсуждали с ней, что бы такого необычного придумать и разработать за последующие месяцы учебы.

И вот Артур был готов съесть свою шляпу, если она не натолкнет их на какие-нибудь необычные мысли. У нее в голове словно огромный склад странных необычных идей, которыми она щедро фонтанирует и даже не замечает этого.

Он уже в предвкушении. Что она подскажет своим третьекурсникам? А ведь подскажет, можно не сомневаться.

И все же... Все чаще у него возникала мысль, которую он не мог пока ни подтвердить, ни опровергнуть. Не имел пока возможности и пообщаться с прадедом, слишком уж рискованно в его состоянии высываться из защищенного университета. Но Артур уже начал подозревать некую аферу, которую провернул его дорогой престарелый родственник. Еще понять бы: если его догадки, какими бы дикими они не казались ему самому, верны, то... зачем?! И как?!

Но задавать прямой вопрос Мари магистр Гресс не спешил. Было гораздо интереснее наблюдать за ней, отслеживать странности и нестыковки. И наслаждаться ее инаковостью, некой чуждостью и невероятной целеустремленностью.

Эта девушка... Молодая женщина не видела преград на пути к своей цели. Каждая помеха ею рассматривалась со всех сторон, после чего Мари, прикусив губу, что-то записывала в свой «План покорения мира», раскладывая по пунктам, что необходимо поэтапно сделать, чтобы обойти преграду и идти дальше.

Через глаза Барона Артур несколько раз смотрел на то, как вдумчиво и серьезно она записывает, что нужно сделать и в каком порядке. Следил за уверенными привычными движениями, которыми она рисовала странные схемы со стрелочками.

Этот человек явно привык много думать, работать и решать задачи различной сложности.

И это очень-очень странно. Вчерашняя студентка Мариэлла Монкар вряд ли бы владела этими навыками столь... профессионально.

Бал проходил на удивление весело. Все, кроме музыки, мне нравилось. И танцевала я в итоге очень много, потому что на все последующие танцы меня поочередно приглашали студенты.

Самыми смелыми оказались взрослые пятикурсники, что было закономерно.

Подошли вдвоем мои вечные оппоненты и спорщики на парах: Анри Лефлекс и Люсьен Вебер.

— Маэстрина Мари, вы позволите пригласить вас? — хором произнесли эти шалопаи и одновременно протянули мне руки.

В глазах их плясали бесенята, а уголки губ подрагивали. Я усмехнулась и прямо спросила:

— На какую сумму поспорили? Я в деле.

— Ну, маэстрин-а-а! — взвыли они тоже хором и засмеялись. — Нельзя же быть такой циничной!

— Еще как можно, уж поверьте! Так что? Какая ставка и что на кону?

Ребята переглянулись и признались.

— Три варианта. Вы откажете обоим, выберете только одного из нас или пойдете танцевать с обоими. Многие считают, что вы примете мое приглашение, ведь я вроде как миротворец, — сообщил Вебер.

— Но самое большое количество поставило, что вы откажете обоим.

— А на то, что приму приглашение обоих? — улыбнулась я.

— На это поставили две ваши подопечные, Алента и Аврора. Девчонки просто за вас обиделись и выбрали этот вариант, хотя нет танцев на троих партнеров. И мы, но через подставное лицо. — Парни переглянулись и рассмеялись.

— Ясно-понятно. Ла-а-адно. Я ставку сделать не могу, значит, ваш общий выигрыш мы делим поровну на троих, и сейчас будем рвать шаблоны. Согласны? Не струсите?

Парни переглянулись.

— Что мы будем рвать? — уточнил Лефлекс.

— Согласны, не струсим, — расплылся в предвкушающей улыбке Вебер и пихнул приятеля локтем в бок. — Я ж тебе говорил, что

маэстрина что-то эдакое придумает!

— Тогда так. Музыка нам нужна более быстрая, ритмичная и зажигательная. За неимением нужной сгодится что-то народное, крутящееся, дрыгательное и шустрое. Сейчас сбегайте к музыкантам и закажите.

Парни снова переглянулись и расплылись в предвкушающих улыбках

— Ну а потом, месье студенты, повторяйте за мной, не путайтесь в ногах, не спотыкайтесь, не теряйте равновесия, держите дыхание и наслаждайтесь, — подмигнула я им.

Люсьен подорвался и быстро умчался в сторону музыкантов, принялся с ними что-то обсуждать, бурно жестикулируя.

К нам с Анри придвинулся поближе ректор и наострил уши. Этот тип, кажется, вообще от меня ждал любой выходки, судя по блестящим глазам, в которых плескалось веселое удивление и ожидание. И я решила его не разочаровывать. В конце концов, скучные медленные танцы я еще успею провести с кем-то, в том числе и с ним.

Но это же студенческая вечеринка! Молодежь! А им полонезы и менуэты приходится вышагивать. Эх, мне бы, конечно, более короткое платье или джинсы с кроссовками. Я бы тут шафл зажгла, отличную кардионагрузку он дает и калории сжигает. Но, увы, что имеем, тем и управляем.

А значит, будет... Я прислушалась к тому, что начали наигрывать музыканты. А хотя нет, вполне сгодится мелодия для микса чарльстона и шафла, только с учетом, что у меня юбка длинная и сильно задирать ноги я не смогу.

Люсьен выпрямился и помахал мне, спрашивая, подходит ли. Я кивнула и жестом его поманила к нам с Анри.

— Маэстрина, вы придумали что-то интересное? — вынырнули сбоку мои третьекурсники Фалькор и Трезон.

— Мы сейчас с пятым курсом покажем вам мастер-класс. Смотрите и присоединяйтесь, — велела я им.

А к нам уже спешил Вебер.

— Ну что, дадим жару этому тихому приличному обществу? Люсьен, Анри, за мной! — скомандовала я и подхватила подол платья, приоткрыв лодыжки.

И направилась в центр зала веселым шагом чарльстона. Надо отдать ребятам должное. То ли маги все такие, схватывают движения на лету, то ли мне просто повезло с партнерами, но Анри и Люсьен буквально за секунды уловили ритм и последовательность движений и последовали за мной. Хотя что уж там, в чарльстоне простые движения. Высший пилотаж — это умение их чередовать, чтобы исполнить весь танец интересно.

На нас все уставились, начали веселиться и невольно стали пританцовывать на месте. Уловив наше направление, середину бального зала быстро освободили, и мы... зажгли. В какой-то момент, я отпустила юбку, расставила руки. Наклон, поворот, прогиб, изобразить ручками «ах, что вы, что вы»... Снова приподнять длинный подол и задорно подвигать ногами. Описывать полукруг поднятой вперед ногой, увы, здесь немислимо, а вот сгибать в коленях и вскидывать каблук вбок и назад — очень даже.

Через пару минут к нам присоединились мои ребята, Алента и Алекс. Следом за ними Аврора и Макс. Потом, как ни удивительно, магистры Зандро и Кьюсек.

Я отмечала это краем глаза, больше сосредоточенная на своих партнерах, которые отплясывали рядом со мной и лихо повторяли движения. Жаль, конечно, что мелодия не настоящего чарльстона, но нам удалось хорошо вписать бунтарский танец двадцатых годов двадцатого века в условия умеренно парового века магического мира. К сожалению, я сама не музыкант вообще, не сыграю ни на чем и не смогу написать ноты. Максимум — ритм отбить на столе. Я лишь отчаянный поклонник и любитель подрывать ногами. Что-то сложное на танцполе не изобразю, но вот так повеселиться и напрыгаться-наплясаться — очень даже.

Глава 25

Мелодия подошла к концу, запыхавшиеся, мы остановились. Я уперла руки в боки и попыталась отдышаться. Да уж, тело Мариэллы совершенно не приспособлено к таким марафонам. Это не мое родное, пусть не такое юное и красивое, но зато тренированное и привычное к нагрузкам и спорту.

— Ф-у-ух... — выдохнула я и рассмеялась. — Молодцы, студенты.

Мои кавалеры хлопнули друг друга по рукам и тоже рассмеялись.

— Маэстрина, наше уважение! — прижал к груди руку Люсьен.

— Да, маэстрина! Вы умеете зажигать толпу и рвать шаблоны, как изволили выразиться, — поддержал его Анри.

К нам подбежали мои ребята и тоже принялись вразнобой что-то говорить. Я им подмигнула, сделала ручками, предлагая моим кавалерам отвести меня обратно к коляске, где сидел рыжий Барон. Софи так и продолжала гулять на руках у мастера Ханка.

Вот так, держа обоих пятикурсников под руки, я и вернулась на прежнее место. Где меня подждал месье ректор. И даже издали было видно, что он едва сдерживает веселье и любопытство.

— Маэстрина Мари, вы неподражаемы, — выдал он. — И что же это за танец?

— У него нет названия, — на голубом глазу соврала я. — Это просто способ повеселиться.

— Кто вас научил?

— Да я и сама не помню уже, — пожала я плечами. — С детства знаю эти движения.

И это, кстати, абсолютная правда. Специально именно чарльстон я никогда не учила. Но на дилетантском уровне его все знают, полно ведь видео, и его же всегда, так или иначе, включают на разных вечеринках. Когда градус веселья уже повышен, то и он отлично идет. Я ведь не школьница, среди моих ровесников это не является танцем динозавров.

— Маэстрина, — напомнили о себе Анри и Люсьен. — Спасибо за танец. Мы все помним.

— Завтра, — подмигнула я им.

Студенты ушли к своим, веселясь и переговариваясь, а любопытный Гресс тут же спросил:

— Что завтра?

— Выигрыш делить будем. Они поспорили, с кем из них я пойду танцевать и пойду ли вообще.

— И велик выигрыш? — усмехнулся он.

— Вот завтра и узнаю.

Тут меня рискнул пригласить Макс Анкер. А пока я с ним танцевала, решив довериться мышечной памяти и вообще не думать, что делает тело, следуя за партнером, мы немного поговорили. Про предыдущий танец, естественно.

— Маэстрина, а вот то, что обычно пританцовываете, это тоже отсюда?

— А я обычно пританцовываю? — удивилась я.

Нет, вообще, это мое обычное состояние и любимая привычка. Но на Земле-то я не расстаюсь с наушниками и плеером, вот что играет, под то и двигаюсь. А тут-то?

— Да, а вы не замечаете? Вы же постоянно так... Ну это...

— Покажете потом? Не знаю, что я там вытанцовываю, — рассмеялась я, застигнутая врасплох. Аж покраснела, кажется, судя по тому, что щекам стало жарко.

В общем, натанцевалась я в итоге до упаду. Со всеми по очереди. Меня и пара магистров пригласила поочередно, правда, на совсем медленные композиции. Вероятно, им не позволяли статус и возраст вытворять то, что мы с Анри и Люсьеном изобразили.

В соседнем зале оказались накрыты столы для фуршета, и те, кто проголодался или испытывал жажду, туда отлучались. Но алкоголя не было совсем. Уверена, студенты как-то исхитрились его протащить, но официально на столах имелись лишь вода, соки, компоты и морсы. Ну чай, вдруг кому надо.

Софи сладко спала в коляске с опущенной с капюшона тканью, загораживающей личико от света. Малышка поела, я ей поменяла штанишки и подгузник, и она сразу же утомилась. В ногах у нее

прикорнул традиционно Барон, который тоже успел и сходить погулять, и поесть.

Коляску еще и ширмой огородили, даже не знаю, когда ее принесли. Ректор сказал, что она из его комнаты. И раз уж именно он настоял на моем визите на праздник, то он и позаботился о спокойствии ребенка. Да еще и магистр Хавьер наложила купол тишины. Ей бытовая магия все же дается лучше всех, именно потому она ее и преподает.

В общем, Софи спала, я веселилась. Мама из меня, конечно, так себе, признаю. Я не умею и не хочу быть заботливой квочкой и посвящать всю себя ребенку. Ну не мое это, не мое. И ребенок не мой.

Мне интересно другое. Не созрела я еще до материнства, несмотря на свой возраст. Да и до замужества тоже. Вообще нет и не было в моих приоритетах выйти замуж, родить детей. Но я и преподавателем не планировала становиться, даже близко подобных мыслей не возникало.

Но вот я тут, у меня толпа студентов разного возраста, крохотный ребенок и чужой кот, постоянно пасущийся рядом.

Мироздание умеет шутить и подкидывать сюрпризы.

Бал подошел к завершению поздней ночью, но я, конечно, ушла раньше. Сначала разошлась большая часть пожилых преподавателей и работников университета. Остались несколько человек, назначенные дежурными, ответственными за вечер и закрытие праздника.

Устали или перепили некоторые студенты и тоже стали исчезать из зала, кто компаниями, а кто парочками. Я примерно на этом этапе вывезла из-за ширмы коляску и поманила Барона, чтобы он шел к хозяину.

Кот открыл один глаз, сонно оценил обстановку, широко зевнул и прикрыл морду лапами, давая понять, что никуда он не пойдет. Ему и тут сладко спится, мягко ложится. Я не стала настаивать. В конце концов, для Гресса не новость, что его магическое животное регулярно ему изменяет с девчушкой.

Попрощалась я с теми, кто был вблизи, и отправилась в преподавательское общежитие. На улице завывал ветер, намело. Поэтому, с одной стороны, хорошо, что не нужно выходить туда и пытаться через сугробы пройти к крыльцу общежития. А с другой,

жутковато идти через темные замковые коридоры. Что-то я затянула, не увидела, в какой момент покидали бал мои соседи. Надо было попроситься к ним в компанию, так же как при приходе сюда.

Ладно, мы смелые, мы храбрые, у нас в предках не было Сусаниных, только немного топографических кретинов. Тех, которые обычно перемещаются по городу с навигаторами и интерактивными картами в смартфоне.

— Ладно, Маша, — пробормотала я. — Даже маленькая девочка с таким же именем, когда заблудилась в лесу и не нашла дорогу домой, сумела отыскать избушку трех медведей. И неплохо там время провела. Кашу съела, бардак устроила, на всех стульях посидела, на всех кроватях повалялась. Нам трех медведей не надо. Нам и одного не требуется, у нас гостевой кот. Каши мы тоже не хотим. Нам нужны только наши собственные кровати.

Вот так бормоча себе под нос, я двинулась в обратный путь. Ненавижу бестолковую планировку. Ну кто так строит?

Шли мы, шли, поскрипывали колеса коляски, шуршал длинный подол моего платья, глухо цокали каблуки по каменному полу.

А путь все никак не заканчивался, хотя вроде я шла как надо, поворачивала у приметных мест. Но, кажется, куда-то не туда я поворачивала.

— Да ладно! Это что, лабиринт? — несколько нервно рассмеялась я, обнаружив в третий раз один и тот же канделябр с отломленным рожком.

Вместо факелов в нем давно уже были закреплены магические светильники, поэтому темно не было. Но и яснее не становилось.

Я ведь изучала схему замка, не было там никаких лабиринтов. Да, в двух крыльях планировка — черт ногу сломит, но не лабиринт же. Точно помню, красная линия со стрелочками ни разу не кружила, а пусть и странно, но вела куда надо.

Тут краем глаза я заметила, как в конце коридора мелькнула фигура в белом. О! Ну наконец-то люди, а то я тут круги наматываю и до сих пор никого не встретила.

— Пойдите! — крикнула я, убедившись, что коляска все еще прикрыта куполом тишины и я не разбужу малышку. — Стойте!

Я развернулась и заторопилась в сторону, где только что кто-то прошел. Добралась до поворота и застыла. В коридоре никого не было, хотя он открывался далеко вперед, и не имелось в нем ни дверей, ни окон, ни поворотов.

— Да что за ерунда?! Что-то я вообще уже не соображу, где мы. Ладно, Маша, идем.

Недоумевая, я двинулась вперед. Просто коридор, просто светильники, просто стены. Ничего и некого. Я почти дошла до конца этого странного места, как стена справа вдруг словно зарыбила, как марево над раскаленным асфальтом.

— Ах вот оно что?! — от облегчения я даже рассмеялась. — Я-то думала, что с ума уже сошла, а тут просто телепорт. Куда?

Просканировала, насколько хватило знаний. Все же дар и специализация мне достались от Мариэллы, а значит, и я — зельевар и алхимик. Вся иная магия мне доступна весьма посредственно.

По ощущениям — обычный переход, именно такие же неприятные чувства я испытывала на телепортационной станции. И вроде бы и соваться туда не стоит, но с другой стороны, я уже второй час блуждаю, а дорогу найти не могу. Уже и замерзла изрядно, все же коридоры не отапливаются, а я в тонком платье и туфельках.

Я читала про такое, когда пути словно запутаны. Примерно, как леший кругами водит. Но на Земле леший и его игры с неугодными туристами — это все же из области сказок, не каждый в подобное верит. Тут же, в магическом мире, это может быть кто угодно, местный домовый или замковый. Или просто особенность странного здания, пропитанного насквозь магией. Да что угодно! Здесь сколько столетий учат юных магов направлений, связанных именно с архитектурой, телепортационными перемещениями, пространственными изменениями. Вероятно, я умудрилась свернуть не там и угодила в подобное местечко. Из которого никак не могу выбраться.

Придется рискнуть, потому что уже очевидно: путь не складывается, я брожу кругами и не могу ни вернуться, ни выйти к людям. А так хоть к кому-то да перенесет нас портал. Не исключаю, что на кафедру пространственной магии.

Я постояла на месте, собираясь с духом. Барон в этот момент встрепенулся, сел и принялся осматриваться. Потом мявкнул,

спрашивая, мол, ты чего, Мари? Где кровать? Где уютная комната и блюдец с молоком?

— Ой, молчи, грусть! — отмахнулась я. — Сама в шоке, что так по-дурацки заблудилась. Тебе-то хорошо, кошка, вы с Софи спите. А у меня сейчас хвост отмерзнет, лапы отвалятся, а на усах сосульки повиснут.

Кот моргнул и уставился на меня с совершенно человеческим изумлением на морде. Типа, какие лапы, какой хвост, какие усы?! Ты бредишь, двуногая?

— Ничего-то ты, Барон, в мультиках не понимаешь... — пробормотала я, вставая напротив портала. — Это я образно, нет у меня, к сожалению, ни хвоста, ни меховой шкурки. Так, замри, не двигайся. Мы переходим куда-то...

Я встала рядом с коляской. Прижалась к ней боком, одной рукой взялась за борт, а вторую положила на Софи, чтобы ощущать ее присутствие. И под эту же руку тут же понятливо поднырнул кот, коснувшись теплой спиной.

— Ну, в путь! — выдохнула я и шагнула, подталкивая коляску.

Снова мерзкое ощущение, что тебя распылило на атомы, побултыхало в центрифуге, покрутило и выплюнуло. А потом ты стоишь и несколько мгновений пытаешься собрать свои атомы и молекулы обратно в нечто единое целое. Живое, дышащее и думающее.

Когда я смогла нормально дышать, не опасаясь, что меня стошнит, осмотрелась.

— Да вы шутите! — пробормотала я и резко попятилась, выходя из пентаграммы.

Успела буквально за доли секунды. Едва мысок моей туфельки встал на пол рядом с линией, украшенной рунами, но уже снаружи, рисунок начал заполняться силой и светиться.

— Ой-е, ребята, мы с вами встряли! — прошептала я и переместилась к стене. Подальше от активированной мною пентаграммы.

Владельца ее пока не наблюдалось, и следовало как можно скорее искать путь теперь уже отсюда.

Очутились мы, похоже, в замковых подвалах. Каменные стены без окон. Высокий свод. Тяжелая атмосфера и затхлый воздух.

Софи завозилась во сне и зачмокала, заставив меня занервничать. Вот только не хватало, чтобы она проснулась и заплакала. Хотя она и не плачет никогда, но по закону подлости все всегда случается в самый неподходящий момент. Поэтому я быстро накинула купол тишины на себя и коляску. Теперь мы оказались под колпаком, который не выпускал шум наружу, а Софи еще и под вторым щитом, не допускающим шум к ней.

Боги этого мира, спасибо вам за магию. Не устаю офигевать от невероятности ее возможностей и восхищаться этим же.

Я быстро осмотрелась. Справа массивный деревянный стол, заставленный различными магическими приспособлениями и необходимыми в ритуалах мелочами. Свечи, мел, книги, мензурки с зельями, банки с травами и колдовскими реагентами. Судя по всему, тут вполне успешно и давно кто-то колдует. Причем этот кто-то скрывается от обитателей замка.

Присмотрелась к пентаграмме и рунам вызова. Нет, не знаю их. Совершенно мне не знакомы, и даже гипотез нет, для чего этот рисунок здесь. Но в любом случае, пора выбираться. Я человек, не ожидающий вообще ничего хорошего от пентаграммы, потому что это тут я маг. А дома была простым обывателем. Так что пентаграмма для меня равнозначна вызову демона или другой потусторонней хрени.

Нам демон нужен? Нет, не нужен. Их тут нет, как и эльфов, и гномов, вот и отлично.

Кот в коляске привстал, оперся лапами о бортик коляски и принялся внимательно рассматривать рисунок на полу. Я же аккуратно вдоль стеночки двинулась к выходу на противоположном конце зала. Не будем ждать, пока нас застукают.

Барон продолжал всматриваться в пентаграмму, и я не стала ему мешать. Он все же магически привязан к хозяину. Мало ли, вдруг сумеет потом как-то ментально передать картинку. Фамильяры же могут.

А эта самая пентаграмма разгоралась все ярче, и я начала ускоряться. К тому моменту, когда центр рисунка полыхнул светом, я успела выскочить из этого зала и очутиться в соседнем. Похоже, тут их идет несколько подряд анфиладой.

— Ну и куда же вы направились, такие аппетитные? — прозвучал хриплый голос за спиной.

Конец первой книги

notes

Примечания

1

Маузэль — обращение к незамужней женщине. В случае, когда семейное положение неизвестно, обращаются исходя из возраста.

2

Истопник — работник, занимающийся топкой печей или отопительных котлов.

Орешниковая соня — млекопитающее семейства соневых отряда грызунов. Внешне зверек похож на миниатюрную белку, размерами примерно с мышь. Самый маленький безобидный представитель своего рода.

4

Коллоквиум — беседа преподавателя со студентами с целью выяснения их знаний.

Гóгглы (от англ. goggles — защитные очки) — крупные очки, крепящиеся ремешками к голове. Изначально имели абсолютно утилитарное назначение: выполняли функцию защиты глаз от пыли, искр и ветра. Их использовали пилоты сварщики, машинисты, гонщики, путешественники по пустыням. В наше время излюбленный аксессуар любителей стиля стипанк и викторианских фантастических романов эпохи паровозов и дирижаблей.

Фильм-сказка «Марья-искусница», 1959 г. Режиссер Александр Роу. Сценарист Евгений Шварц.

Итальянская забастовка — форма протеста, когда работники предприятия выполняют свои обязанности предельно строго по должностной инструкции. Ни на шаг не отступая от нее и не выходя за ее рамки. Этот метод весьма эффективен, так как работать строго по инструкциям практически невозможно ни в одной из областей. Производительность труда падает, но привлечь бастующих к ответственности невозможно, так как они действуют строго в соответствии с нормативными актами.